

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА,
ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

9"2002

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-30

АЭЛИТА

СТР. 31-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Портреты

Н. ВЕХОВ. «Андрей Журавский: последний мечтатель русского Севера» 3

Тропой поиска

Г. БОРДИНСКИХ. «Вишерская афера» 9

Тайны Урала

С. СКУРЫДИН. «Ялпын уй - бажовский полоз?» 12

Далекое-близкое

Н. ЗАЙЦЕВ. «С крестом и впереди полка» 17

Библиотечные чтения

Н. КРЫЛОВА. «Над «пугачевскими» страницами Пушкина» 20

Краеведческая копилка

Е. БИРЮКОВ. «Жалованный кафтан» 22

Страна Топонимия

Р. КАШИН. «Камень Шайтан» 24

Заочная экспедиция

С. СМОЛИНА. «Подаренный тракт» 25

Человек и природа

Ю. ДУНАЕВ. «Дикий мед» 26

В мире прекрасного

Л. ХЛЕБНИКОВА. «Пленившийся божьим миром» 28

Фантастика

Дж. М. ПРИБОЙ. «Всего лишь случайность» 32

Современная поэзия Урала

Е. ЗАХАРОВА. Стихи 37

Л. РАТУШНАЯ. «О Борисе Рыжем» 48

Б. РЫЖИЙ. Стихи 49

Литературное течение «Добряне»

С. ЭСТ. «Ай ловлю Рыбу Кэт» 40

Современная проза Урала

М. ГОЛДИНА. Миниатюры 47

А. ПАПЧЕНКО. Лит (Окончание) 53

Дебют

С. ВОЛОДИНА. Стихи 46

Экспедиции

Т. СУВОРОВА. «К пику «Уральского следопыта»! 62

В. ЗОТОВ. «Алек-2002» 67

Уральские тропы

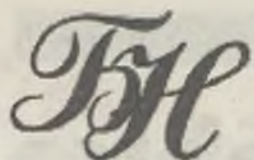
Е. ТАМПЛОН. «Чертово городище» 71

Дети в походе

В. ПРИМЕРОВ. «Дети и горы» 73

Наши увлечения

А. ПОЛЕЖАЕВ. «Бушуй» (Окончание) 75

Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции
 - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
 - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
 - копию подписного абонемента, (не менее 6 месяцев) на журнал «Уральский следопыт»;
 - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего — текст плюс дискета, или разборчивый почерк).
2. Работы принимаются только от авторов не старше 18 лет.

Номинации:

1. Сказка; 2. Проза; 3. Поэзия; 4. История и краеведение.

По многочисленным просьбам:

1. Срок приема рукописей на конкурс продлен до 1 февраля 2003 г.
2. Добавляется и отдельно оценивается возрастная группа авторов 18-25 лет.

Конкурс «Большие надежды» традиционно привлекает внимание наших юных талантов из различных городов и сел. За последнее время в адрес жюри были присланы стихи и рассказы из городов Урая и Междуреченска Тюменской области, из Новоорска Оренбургской области, из Усть-Катава Челябинской области, из Североуральска, Новой Ляли, Екатеринбурга, Качканара и поселка Баранчинский Свердловской области. Радует творческий подход юных дарований в освещении краеведческого материала, необычность стиля некоторых прозаиков и поэтов. Время еще есть — присылайте свои работы и побеждайте.

Имена всех участников конкурса будут опубликованы после подведения итогов.

Работы, отвечающие требованиям конкурса, независимо от того, будут ли они удостоены наград или нет, передаются в библиотеку журнала «Уральский следопыт» и могут быть использованы редакцией без дополнительных соглашений.

Жюри конкурса «Большие надежды».

РЕКА ВРЕМЕНИ

Андрей Журавский:
последний мечтатель русского
Севера.
Вишерская афера.
Ялпын уй - бажовский полоз?
С крестом и впереди полка
Жалованный кафтан
Камень Шайтан
Дикий мед
и другие материалы...

«Следопытские» годы Ивана Акулова

В сентябре исполнилось бы 80 лет русскому писателю Ивану Ивановичу Акулову. Если бы смерть не взяла его 67-летним.

Иван Иванович был нашим земляком-уральцем, родился в деревне Урусовой ныне Туринского района. Жил многие годы на Урале. Здесь увидели свет некоторые его романы и повести о войне и деревне: «Двумя дорогами», «Капельки-живинки», «Крещение»; выходил и главный его роман — «Касьян Остудный», удостоенный Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

Ветеранам журнала «Уральский следопыт» — и сотрудникам редакции, и авторам, и читателям — Иван Иванович памятен годами, когда он был главным редактором журнала — с февраля 1966 по декабрь 1970 года.

Вспоминает один из авторов журнала, поэт Венедикт Тимофеевич Станцев: «Вот сидим мы с ним в тесноватом редакционном кабинете журнала. Нам есть о чем поговорить. Мы — ровесники, оба хлебнули фронтового лиха по самую завязку. Иван Иванович прошел путь от солдата до командира батальона, дважды был ранен. И он, и я закончили войну в Восточной Пруссии. И родословная у нас одна — крестьянская».

Пять лет редакторства в «Следопыте»... Перелистываю журналы того времени, и они кое-что рассказывают мне о человеке, занимавшем тогда кресло главного редактора.

С приходом в журнал Ивана Ивановича на обложке (1966 г., № 3) в списке членов редак-

ционной коллегии впервые появляются имена писателя-фронтовика Виктора Астафьева, Владислава Крапивина, Николая Никонова. Чаще появляются на страницах журнала и их произведения, а также рассказы и очерки Василия Белова. Хоть изредка, но печатает свою публицистику и сам И. И. Акулов. В 1967 году, после долгого перерыва, появляется роман приключений «Сказание о граде Ново-Китеже» давнего — еще с 1935 года — друга и автора журнала Михаила Зуева-Ордынца. Словом сказать, новый главный редактор озаботился тем, чтобы поднять художественную планку журнала.

Листаю номера дальше, и убеждаюсь, что с 1968 года стал расти долго стоявший на отметке 110 тысяч экземпляров тираж «Уральского следопыта». Теперь о таком читательском интересе к журналу, увы, можно только мечтать и говорить как о фантастике. Это было! И мы можем добрым сыновним словом вспомнить не только Ивана Акулова-прозаи-

Юний Горбунов
Фото. Е. В. Савенко

Николай ВЕХОВ, г. Москва

АНДРЕЙ ЖУРАВСКИЙ: ПОСЛЕДНИЙ МЕЧТАТЕЛЬ РУССКОГО СЕВЕРА

Освоение ранее необжитых районов Кольского полуострова, низовий Печоры, побережий Белого и Баренцева морей открыло имена истинных патриотов — государственных деятелей, губернских чиновников, ученых, исследователей и промышленников. Среди них достойное место занимает Андрей Владимирович Журавский.

Он родился в 1882 году. Кем были его настоящие родители, до сих пор неизвестно. Мальчика подкинули на крыльцо приюта, где его нашли «22-го сентября 1882 г. в возрасте двух-трех недель без признаков святого крещения». Мальчик был усыновлен супругами Владимиром Ивановичем и Софьей Кесаревной Журавскими. Его нарекли Андреем, о чем имеется постановление Сената: *«Воспитанник Андрей, усыновленный указом Правительствующего Сената от 14 января 1890 г. генерал-майором Владимиром Ивановичем Журавским с правом ношения фамилии и отчества по имени усыновителя, но без права наследия имущества и дворянства».*

Семья Журавских вырастила и воспитала Андрея. Его новые родители были знатного происхождения. Отец, Владимир Иванович, принадлежал к старинному военно-дворянскому роду Журавских, все мужчины которого были офицерами. Потомственное дворянство даровал им еще Петр I *«за ратные подвиги майора Власа Журавского».* Когда Андрею было 10 лет, Владимир Иванович скончался от воспаления мозга. Мать, Софья Кесаревна — дочь генерала; все ее братья тоже были офицерами. Она умерла в мае 1901 года, когда Андрей сдал последний экзамен за курс гимназии.

Перед смертью отец просил стать опекуном Андрея своего старшего брата, отставного генерала Михаила Ивановича Журавского, жившего в Харькове. После смерти матери в наследство Андрею остались 6 тысяч рублей и большая квартира в Петербурге, с богатой библиотекой и несколькими комнатами. Оставшись один, он вынужден был сдавать часть комнат, изолировав их перегородкой. Сдача комнат в наем при-

Андрей Владимирович Журавский.

носила ему 500 рублей ежегодно. Сам же Андрей жил в кабинете-библиотеке отца.

Летом 1902 года, после окончания первого курса, на каникулы молодой Журавский отправился в доселе неизвестный ему Печорский край. Эта поездка стала поворотной в его дальнейшей судьбе. До конца жизни Андрей был очарован этим краем, связав с ним всю свою научную, организаторскую и экспедиционную деятельность. В каникулы Андрей побывал в «столице» Печорского края — старинном селе Усть-Цильма, наблюдал быт и много узнал об истории от его жителей. Переправившись на левый берег Печоры и воспользовавшись услугами сельского старосты, он поднялся вверх по рекам Цильме, Пижме и другим до Тиманского хребта, побывал и близко познакомился с крестьянами — потомками старообрядцев, живущими на Русском Севере, их хозяйством и занятиями. Собрал интересные сведения о природе, обычаях, религиозных обрядах местного населения.

Второй курс прошел для Андрея под знаком подготовки к новой экспедиции на Печору. В июле 1903 года с первым рейсом парохода «Сергей Витте», принадлежавшего товариществу «Архангельско-Мурманское срочное пароходство», Журавский прибыл в селение Куя на Нижней Печоре.

Здесь он знакомится с жизнью и бытом местного населения — русских-пустозерцев и ненцев-кочевников. Цель его экспедиции — исследование западной части Большеземельской тундры, изучение ее природных богатств, культуры и истории русского населения и ненцев. В сопровождении семьи самоеда-кочевника Ивана Хасовако Журавский два месяца кочует по тундре и заканчивает свои работы только 31 августа.

Это была вторая его экспедиция на Север, и ее он также провел на свои деньги. Летом 1903 года Андрей посетил и Усть-Цильму, где познакомился с семьей местного исправника Алексея Ивановича Рогачева. С его дочерью Верой он будет переписываться до рождественских каникул, а 7 января 1904 года под куполом Троицкого собора в Архангельске они повенчаются.

Вернувшись в Петербург, Журавский рассказал своему учителю, академику Ф. Н. Чернышеву о результатах работ. Феодосий Николаевич обещал походатайствовать и выделить одну тысячу рублей на экспедицию 1904 года. Но отечественная наука и в то время страдала от нищеты. Денег не нашлось, и Андрею пришлось вложить свои последние 2 500 рублей на организацию новых исследований. В 1904 году он для участия в экспедиции пригласил университетских друзей: Андрея Григорьева, в будущем академика, Дмитрия Руднева и Михаила Шпарберга, своего сводного двоюродного брата. Это было первое комплексное исследование, организованное Журавским; впоследствии их будет еще 17. Летом удалось сделать многое. Были описаны геология и растительность Большеземельской тундры, составлена карта ее внутренних районов, собраны обширные ботанические, зоологические и минералогические коллекции, найдены выходы бурых углей, открыт ранее неизвестный горный хребет Адак-Тельбей, отрог Урала. Позже, в 1914 году, в день смерти Ф.Н. Чернышева, Журавский предложит назвать этот хребет в честь выдающегося русского геолога. С тех пор на карте России появится новое географическое название — хребет Чернышева.

Результаты экспедиции Журавского были высоко оценены научной общественностью России. По отзывам Ф. Н. Чернышева, полученные Андреем материалы опровергали все более ранние теории о геологическом строении этой области северной России. Императорское Русское географическое общество наградило участников экспедиции серебряными медалями, а академики А. П. Карпинский, директор Геологического комитета, и Ф. Н. Чернышев в своих выступлениях подчеркнули, что не видят промышленного расцвета России без освое-

Родители А. В. Журавского.

ния северных месторождений природных ископаемых.

В конце масленицы 1905 года Андрей выехал в полугодовую экспедицию. В труднейших условиях, при скудном финансировании (Чернышеву удалось добиться выделения для Журавского всего 100 рублей) проходила экспедиция этого года, включающая два этапа. В мае и начале июня Андрей в сопровождении своего двоюродного брата М. И. Шпарберга работал на склонах Уральского и Адак-Тельбейского хребтов; здесь был найден бурый уголь. Затем экспедиция спустилась по Печоре до ее низовий, где все научные материалы оставили для отправки пароходом в Архангельск и Петербург.

От низовий Печоры начался второй этап исследований. С помощью проводника, пустозерского промышленника Дмитрия Кожевина они на карбасе отправились морем вдоль берега до Вайгача. По пути обследовали небольшие острова (Матвеев, Долгий, Зеленец и другие), но жестокий шторм 1 августа нарушил все планы. Сильным ветром и волнами сломало мачту и руль, восемь суток их карбас носило по морю и наконец выбросило на берег в устье реки Песчанка. Отдохнув неделю, Журавский и его спутники продолжили свою работу, но от исследований островов пришлось отказаться.

Отсюда, от берегов Баренцева моря, они с оленеводами кочевали по тундре на юг, через Ващуткины озера и реку Адзъва, к реке Уса. В тундре были найдены и описаны десять выходов минеральных источников, где ненцы уже много столетий лечили кожные заболевания, стоянки древних людей в пещерах и гротах, причем слои истлевших шкур животных в них достигали двух метров. Были собраны пробы воды из источников, богатые археологические и геологические коллекции. Общий вес сборов и проб воды доходил до одной тонны.

По представлению Ю. М. Шокальского Журавскому за выдающиеся заслуги перед отечественной наукой была присуждена большая золотая медаль имени Пржевальского. М.И. Шпарберг получил серебряную медаль имени Семёнова-Тян-Шанского. А в марте 1906 года решением собрания РАН в Печорском крае была открыта естественно-историческая станция. Ее заведующим был назначен Журавский. Печорская станция подчинялась Совету директоров академических музеев. Это было первое научное учреждение на Приполярном Севере России.

С этого времени вся деятельность и научные помыслы Журавского сосредоточиваются на работе Печорской станции. Хотя руководство Академии наук и приняло решение о ее организации, денег на обустройство и строительство помещений, научный инвентарь и комплектацию книгами выделено не было. Уехав весной 1906 года в Усть-Цильму, Андрей Владимирович на свои скудные средства приобретает книги. У него появились и первые сотрудники. Так, переселенец из Тверской области Артемий Степанович Соловьев, служивший ранее в Пинеге и обосновавшийся затем в Усть-Цильме, стал заниматься акклиматизацией сельскохозяйственных растений. Денег ему не платили, и он работал за половину выращенного урожая. Из-за отсутствия средств Журавскому пришлось нанять на работу политссыльных. Через несколько лет это приведет к трагическим последствиям...

Очередная экспедиция (1906 года) по изучению природных ресурсов, истории и быта народов Севера России, условий ведения здесь сельского хозяйства была самой длительной и наиболее значительной по научным результатам. Пройдя по рекам Уса и Воркута, Андрей Владимирович обнару-

*Вера Рогачева-Журавская,
жена А. В. Журавского.*

жил залежи каменного угля, лигнитов, битуминозных известняков, указывающих на наличие нефти, месторождения и россыпи аметистов, дымчатого топаза, горного хрусталя, агатов. К началу зимы экспедиция перевалила через Урал в Сибирь и догнала пустозерских оленеводов, выпасающих в низовьях Оби свои стада. Вместе со знакомым оленеводом и промышленником Семёном Кожевиным Журавский отправился изучать главные ненецкие святилища на полуострове Ямал. Здесь была собрана богатейшая коллекция предметов ненецкой культуры — деревянные божеества-болваны, шаманские бубны и одежды, детские игрушки, меховые мешки и патки, в которых ненки-кочевницы хранили все от иголок для шитья до верхней одежды, комплекты жен-

ской одежды с национальными украшениями и орнаментами. У охотников записывали предания и легенды. Как потом оказалось, равной этой коллекции еще не было в Академии наук.

Завершив экспедицию, Андрей Владимирович знакомится с новым архангельским вице-губернатором Александром Федоровичем Шидловским, переведенным сюда из Вятки. В его лице Журавский приобрел помощника, союзника и соратника. (Шидловский был знаменит тем, что в 1889 году нашел в архивах рукопись Н. В. Гоголя «Мертвые души» и передал ее Мусину-Пушкину, а в 1895-м обнаружил архивы А. В. Суворова. Работая в Пажеском корпусе Александр Федорович принимал самое деятельное участие в создании музея Лермонтова при кавалерийском училище, где учился поэт).

От полного краха Станцию спасли 2 000 рублей, присланные из Харькова дядей Журавского, Михаилом Ивановичем, доставшиеся от умершего в Одессе другого дяди, Павла Ивановича. На эти деньги были оплачены расходы на покупку семян сельскохозяйственных культур из разных регионов России для внедрения овощеводства на Печоре, наем помещений и усадеб для научных работ и сотрудников. Но на продолжение учебы в Университете у Андрея Владимировича средств уже не нашлось, и его отчислили с последнего курса.

В 1907 году на опытных участках Станции уже вовсю шли опыты по выращиванию сельскохозяйственных культур в парниках и открытом грунте. А. С. Соловьев выращивал здесь пудовые кочаны

капусты, наблюдая за ростом и развитием растений в местных климатических условиях. Соловьев вырастил в Усть-Цильме все те овощные культуры, которые культивировались в условиях Подмосковья, но с трехкратным превышением урожайности. Уездная Усть-Цильма с населением в 400 дворов и 300 политссыльными полностью обеспечивала себя овощами. Чтобы добиться такого результата, в первый год семена и рассаду Станция предоставляла всем желающим бесплатно, а с опытных огородов проезжающим и живущим в селении чиновникам и торговцам овощи продавали втридорога, показывая тем самым выгоду выращивания местных овощей. На Станции была разработана технология районированной культуры картофеля. Вот что писала газета «Новое Время» (4 сентября 1910 г.): *«Печорская естественно-историческая станция начиная с 1906 года успела ввести в цикл туземных культур целый ряд растений, которые раньше считались на Севере «безнадежными». Даже по официальной статистике земледелие в Печорском уезде распространяется очень заметно: так, посевы ржи за это время возросли в 10 раз, ячменя — в 9, а картофеля — в 18 раз». Прогрессивный по своим взглядам профессор К.А. Тимирязев в письме Журавскому высоко отозвался о его работах и назвал Станцию «народным университетом».*

За три года для нужд Станции было выделено всего 480 рублей. Вся работа была построена на горячем энтузиазме ее сотрудников, поверивших Журавскому, отстаивавшему идею индустриально-промышленного, сельскохозяйственного и социального развития Русского Севера. Станция широко использовала переработку сырья. Были организованы маслозаводы в усинских селах Новик-Бож и Колва, откуда масло отправляли в Архангельск. Усилиями привлеченных к этому благому делу местных священников, удалось вывести устойчивый к болезням местный сорт лука. Его урожаи были настолько велики, что по много сотен пудов лука вывозили на продажу.

Преуспела Станция и на поприще изучения культурно-исторического прошлого Печорского края. Собранный ею коллекция предметов быта и культуры старообрядческого населения Пижмы, Усть-Цильмы и других селений стала украшением Этнографического музея Петра I в Санкт-Петербурге. Уникальная коллекция древнейших костяных самоедских поделок — от молотка, изготовленного из позвонка мамонта, до иголки — была пе-

редана в Академию наук. Авторы этих коллекций были отмечены высокими наградами — денежными премиями, медалями и почетными грамотами Академии наук и Географического общества.

14 ноября 1908 года в Санкт-Петербурге открылось Всероссийское совещание по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. Выступивший на нем с докладом о результатах работ на Станции Журавский был поддержан всеми корифеями отечественной агропромышленной науки. На третий день после совещания Журавский был приглашен к премьер-министру П. А. Столыпину. В обстоятельной беседе Петр Аркадьевич внимательно выслушал молодого ученого. В результате была принята быстрое разрешение разработанная ранее Журавским программа промышленного и социального развития края. Она включала организацию ветеринарно-бактериологической станции по борьбе с сибирской язвой, признание Ухты нефтеносным районом, с выделением на бурение скважин 90 тыс. рублей, прокладку двух железных дорог — Северо-Печорской и Печорской со сметой примерно в 500 тыс. рублей. На нужды Станции на ближайшие шесть лет было решено отпустить более 280 тыс. рублей.

Имя Журавского как энтузиаста-исследователя Севера и русского патриота стало известно и императору. 12 января 1909 года Андрея Владимировича и его друга, ненца Ефима Манзадея в Царскосельском дворце принял Николай II.

Переселенческое управление начало перечислять деньги на нужды Станции и экспедиции Журавского. Но проходили они через архангельские банки, и местные чиновники, несмотря на то, что средства выделялись правительством, всячески пытались «перевести» столь значительные суммы

Главный корпус Печорской станции.

«на себя». Им казалось неразумным тратить деньги на такие пустые затеи, как экспедиция Журавского. Поэтому из всех обещанных денег, в начале работы экспедиции на имя Андрея Владимировича из Архангельска были перечислены чуть более 21 тысячи рублей. Но несмотря на дефицит финансов, весной 1909 года из Петербурга выехала многочисленная Северо-Печорская экспедиция, снаряженная российским правительством.

Но на пороге Станции Журавского уже стояла беда. Приехавшая в сентябре правительственная комиссия из Главного управления землеустройства и земледелия рассмотрела результаты ее работы и решила закрыть Станцию.

В губернском центре, да и в Петербурге, не всеми приветствовались идеи Журавского о дальнейшем изучении полезных ископаемых Северного Урала, возможностях всестороннего сельскохозяйственного освоения Русского Севера, решении нужд коренного населения (ненцев) и строительстве железных дорог. Его взгляды не разделяли и многие ученые — профессор К. Ф. Жаков, П. Сорокин, будущий академик Л.С. Берг; в последние годы Журавского стал критиковать и его учитель Ф. Н. Чернышев. Не поддерживал идеи Журавского и архангельский губернатор И. В. Сосновский. Противники Журавского всячески пытались «перевести» приоритеты в освоении Русского Севера на иностранцев — на английские, шведские и норвежские фирмы и компании. Губернские чиновники за щедрое вознаграждение эмиссаров зарубежных промышленников доказали, что государственные деньги разумнее всего выделять иностранцам, хотя запрашиваемые ими суммы на финансирование проектов были намного выше, чем предлагал Журавский.

Андрей Владимирович очень мучительно переживал этот удар судьбы. Случившийся с ним нервный срыв надолго приковал его к больничной койке. Больше года он лечился сначала в Петербурге, а затем за границей. Столичные друзья-ученые все-таки нашли выход, и решением Министерства сельского хозяйства Журавского назначили старшим специалистом Ученого комитета, что давало ему возможность продолжить исследования в Печорском крае.

А в январе 1911 года в Усть-Цильме открылась новая станция — сельскохозяйственная опытная. Фактически это было тоже самое учреждение, но имевшее другое название. На ее организацию губернскому управлению правительством предписывалось выделить стройматериалы, деньги и т.д. Летом 1911 г. на

Станцию уже приехали первые дипломированные специалисты — помощник агронома Терентьев и две выпускницы Стебутовских высших сельскохозяйственных курсов.

В это время Андрей Владимирович закончил работу над одним из основных своих трудов — «Самоедское право», сводом юридических актов о регламентации жизни и принципов хозяйствования коренных народов Русского Севера — ненцев, их взаимоотношений с губернской администрацией. В 1912 году на Станции были начаты постоянные метеорологические и агрометеорологические наблюдения. С этого года все силы у Журавского отнимает работа по благоустройству и расширению станции. Но в 1914 году работы были приостановлены в связи с прекращением ассигнований.

В губернской администрации, особенно в жандармском управлении, у Андрея Владимировича оставалось много недругов. Они помнили и его вольные выступления в защиту самоедов, и разоблачение воровства среди губернских и уездных чиновников, и патриотические русские настроения в отстаивании приоритетов российских промышленников и предпринимателей перед иностранцами в освоении природных богатств Севера, и использование труда политссыльных на станции и в экспедициях. Все эти пороки общества Журавский высмеивал в серии фельетонов «Северные авантюристы» (газета «Северное утро»). В конечном счете, все это и привело к трагической гибели молодого ученого-энтузиаста. 15 августа 1914 года в Усть-Цильме, на пороге здания Станции, его застрелил подсланный жандармским управлением агент Н. И. Задачин, работавший на станции писарем...

«Селение Усть-Цильма».
Художник А. А. Борисов, 1898 г.

Геннадий БОРДИНСКИХ, г. Соликамск

ВИШЕРСКАЯ АФЕРА

События, о которых мы хотим рассказать, произошли около ста лет назад. Так уж получилось, что заводам на реке Вишере историки особого внимания не уделяли. Заводы принадлежали французским предпринимателям.

До сих пор неясно, почему французы ушли отсюда, уничтожив предприятия, в которые были вложены немалые средства. Существует две версии. Первая: близлежащие рудники были выработаны, а вкладывать деньги в освоение новых они не хотели. Вторая: французы обнаружили месторождения золота или платины и начали тайно вести их разработку, поэтому правительство России решило закрыть заводы.

История вишерского железного дела началась с открытия залежей железной руды на реке Кутиме чердынским купцом Иваном Аристарховичем Щеголихиным, не дожившим всего одного года до строительства первого завода в этом крае.

В 1890 году московский купец Э. В. Шипс строит на Кутиме завод, а уже через два года здесь появляются крупные предприниматели — Ю. Гужон, подданный Франции, владелец металлургического завода и шелкоткацкой фабрики в Москве, И. Ф. Клейст, владелец железорудных месторождений на Чувале и Юрышка, и в 1894 году учреждают акционерное общество.

Связи Гужона с французскими финансовыми кругами обусловили появление в крае и других представителей иностранного капитала. Они скупили у Клейста подавляющее большинство акций и одновременно за два миллиона рублей приобрели Кутимский завод у Шипса. 30 июня 1897 года было учреждено «Волго-Вишерское горное и металлургическое общество», его хозяевами стали французские промышленные фирмы «Шнейдер и К», «Внуки Ф. Вендель и К», «Парижский и Нидерландский банк» и кредитное общество «Демаши и Сельер».

Обладая крупными финансами и солидными рудными месторождениями, они в начальный период развернули активную деятельность. В 1897–1900 годах проектируется строительство сразу трех заводов: Вижаихинского, Акчимского и Велсовского. Улучшается судоходство по Вишере: строятся дамбы, очищается русло. Правда, две трети средств на это выделила казна. Результаты сказались быстро: 1898–99 годах по реке плавают 9 буксирных и товаро-пассажирских пароходов. Устанавливается

Старинная карта тех мест, где происходит действие статьи.

речное сообщение с Вижаихой, Бушменями, Усть-Улсом и даже Чувалом.

Самым крупным предполагалось сделать Вижаихинский завод. Здесь появились благоустроенные двухэтажные дома для управленческого персонала, казармы и бараки для рабочих, а к концу 1899 года завершились работы и по строительству завода. Выросли две домны. Электростанция, мастерские, пролегла узкоколейная дорога с локомотивами, появились заплавни для дров, запасы топлива в 55 тысяч кубических сажень.

Но, когда работы подходили к концу, стало ясно, что рудой завод не обеспечен, доставлять

ее с верховой Вишеры, как показал пробный сплав, тоже было нецелесообразно. В 1900 году рабочие были рассчитаны, работы полностью прекращены, а завод оставлен под надзор сторожей.

Одновременно с Вижаихинским французы приступают к строительству Акчимского завода. Место для постройки казалось удобным. Руду предполагалось доставлять с рудника у горы Юбрьшка. Первые три года — сплавом, а затем построить узкоколейку. Но, возведя в 1897 году несколько зданий, французы приостановили работы на неопределенный срок.

С осени 1899 года начинается интенсивное строительство Велсовского завода. Но через полтора года здесь сложилось такое же положение, как на Вижаихе: рабочих рассчитывают, работы останавливают, постройки оставляют под охраной сторожей, хотя рудные запасы находятся рядом.

По существу, в этот период работал только один завод — Усть-Кутимский, построенный еще Шипсом. Но и его чуть не постигла судьба прочих. Предприниматели решили перенести его в устье реки Усть-Улс. Началось строительство вспомогательных заводских сооружений — но также неожиданно, как и в первых трех случаях, работы остановились, и Кутимский завод остался на прежнем месте.

В 1901–03 годах лихорадочное строительство прекращается. Действует только один завод — Кутимский. На нем вводятся кое-какие технические новшества: ставят воздухонагревательные аппараты, устанавливают паровую машину для подъема руды и топлива на домну, улучшают подсобные заводские помещения, строят углевыжигательные печи, вводят паровую тягу на узкоколейной железной дороге Кутим-Усть-Улс, снабжают механизмами главный рудник завода — Александровский. Благодаря этим мерам возрастают добыча руды и выплавка чугуна.

В 1900 году — 885 тысяч пудов, в 1903-м — 1346 тысяч.

В 1904 году акционеры возобновили строительство Велсовского завода, но работы велись очень медленно. Только через два года вступила в действие первая домна, затем — вторая. Но уже в 1908-м завод закрывается постепенно в эти годы уменьшалась выплавка чугуна на Кутимском заводе, и вскоре было объявлено о его закрытии.

Так через 12 лет после начала деятельности акционерного общества все заводы на Вишере прекратили работы. Причиной послужило, как объявили французские предприниматели, истощение рудных запасов.

Но одновременно, начиная с 1907 года, акционеры проявляют все больший интерес к новому виду деятельности — золотодобыче. На Вишере появляются несколько французских экспедиций, привлеченных для поиска золотых россыпей. Делаются

заявки на золотые прииски, ведется их разработка. Заводы же были уничтожены — разобраны и частично вывезены, частично сожжены и взорваны.

Вот как сообщали об этом «Пермские губернские ведомости» 1907 года, № 206: «Оставшимся рабочим было объявлено, что домны завода хозяева собираются взорвать. Действительно, с двух зарядов домны были взорваны и развалились. Но этого показалось мало. Управляющий предложил собравшейся толпе разрушить оставшиеся деревянные строения завода и некоторые другие сооружения, пообещав всех напоить водкой. Люди с гиканьем и неистовством бросились исполнять приказание. Дребезжание битого стекла, треск досок, звон металла сливались в один оглушительный шум. Погром принял такие размеры, что оказались разрушенными даже воздухонадувные машины, которые французы хотели сохранить. К вечеру разгром был закончен, остались только фундаменты двух домен и заводских корпусов. Сложенные кучами доски, бревна были подожжены, и вокруг ночных костров начался пляс споенных сивухой людей».

Но и золотодобычей акционеры занимались недолго. В апреле 1909 года общее собрание акционеров (на котором присутствовало 13 человек) принял решение о ликвидации общества.

А сейчас вернемся к причинам происшедшего. Первая — нехватка рудных богатств — отпадает сразу: в верховьях Вишеры руды оставалось более чем достаточно, нужно было только осваивать новые рудники. Вторая причина — закрытие общества правительством из-за хищений золота — кажется более убедительной. Разберемся в ней детальнее.

С самого начала видна первая нестыковка: российский правительством не запрещало деятельности общества, акционеры сами решили его ликвидировать (РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Ст. 2. Д. 1466. Л. 62).

Тайная добыча золота тоже не подтверждается документами. В уставе Волго-Вишерского общества среди прочего было записано, что оно учреждается «для эксплуатации площадей отводов, рудных месторождений Чердынского уезда Пермской губернии по р. Вишере, а равно для разработки других рудных месторождений на Урале». То есть какие руды акционеры будут добывать, в Уставе не оговаривалось (ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 439. Л. 27).

Да и заявки на золотые прииски акционеры делают вполне официально, так же как и разрабатывают их (ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 610. Л. 22).

Ничего не встретилось и в архивных документах о тайном вывозе золота французами.

Правда, местные жители рассказывали, что французы тайно вывозили золото в полых трубках штыкового чугуна, предварительно залив концы этих трубок.

Но все же и золото я не считаю причиной ликвидации общества. Как-то мне на глаза попала статья В. И. Вовыкина «Французский капитал в акционерных предприятиях России накануне Октября», опубликованная в журнале «История СССР» (1991, № 4). В приложении к ней дана таблица всех французских предприятий, действовавших в конце XIX — начале XX века в России.

Причем приводились номинальная стоимость акций и облигаций акционерных обществ и процент от этой стоимости при продаже. Таблица составлена французским исследователем П. В. Олем. В ней указано, что номинальная стоимость акций Волго-Вишерского общества составляла 1 миллион 844 тысячи 400 рублей, а в 1914 году курс акций достигал лишь 1,4 процента от номинала. Получается, что, распространив акции, фирмы просто-напросто обманули своих акционеров. Строительство заводов на Вишере было хорошо организованной аферой. Становится понятной та лихорадка, с которой началось создание новых заводов, и почему строительство так быстро прекращалось без видимых на то причин. Иллюзия бурной деятельности необходима была для скорейшей продажи акций.

Махинации заключались не только в обвальном падении курса акций, но и в значительном занижении во Франции реальной стоимости. В газете «Пермские губернские ведомости» (1899, № 162) написано, что этим обществом продано 50 000 акций на сумму 9 375 000 рублей, а во Франции фигурировала цифра лишь 1 844 400 рублей. То, что это не случайность, а спланированная афера, подтверждает положение дочерней фирмы Волго-Вишерского общества — «Паратовские заводы». Ее основной капитал в России оценивался в 7,5 миллиона рублей. Во Франции значилась уже другая цифра — 1 944 800 рублей. А курс акций? В таблице даже не стоит процент. Просто указано, что акции обесценены, т. е. вообще ничего не стоят.

Причем дочерняя фирма — «Паратовские заводы» — создается в 1901 году, когда прошла первая лихорадка строительства заводов. Операция была разработана Гужоном беспроектно: ставку на чугунолитейные заводы он здесь не делал, могло повезти с золотом, — что ж, и тогда он был бы в выигрыше. Не повезло. Но он вместе с другими основателями выиграл в другом — получил капитал от продажи акций.

Не дать свече погаснуть!

С 1 января 2003 года Содружество павленковских библиотек (которому, кстати, нынче исполнилось десять лет) и журнал «Уральский следопыт» начинают совместную акцию — продолжение издательской программы «Павленковская библиотека».

Ее цель двудина: совместными усилиями поставить на ноги популярный российский журнал и одновременно открыть источник пополнения фондов массовых и школьных библиотек детской литературой, в которой так нуждаются сегодня читальни, особенно сельские.

Для того, чтобы акция осуществилась, журналу необходим массовый тираж. Если на «Уральский следопыт» подпишутся все библиотеки — массовые и школьные, он станет самым доступным по цене журналом и будет иметь средства для издания — в виде ежеквартального приложения — детских книжек.

Читатели старшего поколения помнят время, когда «Уральский следопыт» — журнал научной фантастики, истории и краеведения с его полумиллионным тиражом — был лидером российской журнальной периодики и завсегда в каждой библиотеке. Сегодня от нас с вами зависит, погаснет или выстоит на ветру свеча. Будет полнокровно жить журнал, значит, и библиотеки получат пусть и небольшой, но постоянный, ими самими питаемый, книжный источник.

Содружеством уже подготовлена для издания первая книжка, которую получают в качестве журнального приложения библиотеки-подписчики в марте 2003 года:

«ВЕЛИКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ МЫШКИ»

Эта эскимосская легенда впервые издается на русском языке для детей дошкольного возраста.

Условия подписки на журнал вы найдете на последней странице обложки. Чтобы оформить подписку на библиотеку, нужно сделать пометку: «Не дать свече погаснуть».

Станислав СКУРЫДИН

Родился в 1974 году, окончил УрГУ. Публиковался в местных газетах и научных изданиях. Живет в Екатеринбурге.

Ялпын уй – бажовский полоз?

По Свердловской, Челябинской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу гуляют предания о реликтовом животном. Манси называли его ялпын уй, русские именовали полозом, а марийцы — шем кишке. По легендам, это существо осторожно, порой агрессивно к людям, хотя на глаза попадает редко...

Имен много — суть одна

Летом прошлого года мне довелось услышать историю о “черной змее” — шем кишке. Ее рассказал Геннадий Петров из деревни Артемейково Ачитского района.

Змея, как явствует из названия, черная по цвету. Длина шем кишке — “примерно два метра”, толщина — “намного больше, чем у обычной змеи”. Живет она в лесу, около водоемов — рек и озер. Ночует на дереве, после чего на нем находят следы от отростков на теле змеи. (Они помогают ей фиксировать свое положение в столь необычном месте.) Такое поведение объясняется стремлением шем кишке обезопасить себя от собственного потомства, которое столь прожорливо, что может съесть свою родительницу. Кстати, у змей привычка поедать себе подобных — не редкость. Например, так делают анаконды.

Встреча с шем кишке в лесу — к беде. Змея может напасть и убить. Зато найти сброшенную ею кожу в виде чулка — к добру. В сказках марийцев, в том числе республики Марий Эл, есть истории об “огромной, толстой, как бревно” змее, которая живет в глубокой норе. Она владеет тайными

знаниями, является царицей змей и иногда помогает человеку. В наши дни уральские марийцы называют шем кишке известного представителя фауны — гадюку.

Казалось бы, конец очередных “страшилок” из народных баек. Если бы не многочисленные “но”.

У исследователя манси Валерия Чернецова есть описания подобной змеи, сделанные в тридцатых годах XX века со слов охотников-манси, видевших ее. Мансийская змея ялпын уй (“священный зверь”) напоминает ящерицу красно-бурого цвета с зигзагообразным рисунком. Длинной ялпын уй до 7-8 саженей (до 16 метров), толщиной — в руку и больше. Живет в воде и близ нее. Спит ялпын уй не на земле, а только на дереве. После ее ночевки на нем остаются следы от чешуи. Услышать эту змею можно весной. Звуки, издаваемые животным, похожи на крик утки или на капание воды: “Неч, неч”. Живет на Оби, в верховьях Сосьвы в районе Рус-суя и Нильгаш-пауля.

Манси считали, что ялпын уй не умирает, а превращается в камень аммонит. Огромная змея нападает и убивает охотников и их собак.

По сообщениям других исследователей восьмидесятых годов прошлого века, в озере Тур-ват живет существо шестиметровой длины. В ясные, солнечные дни оно всплывает на поверхность озера, и тогда “блестит как серебро”. Тур-ват — священное озеро местных манси; рядом с ним — молебная гора Ялпын нер. В июне вогулы проводили там свои языческие богослужения, просили священное животное оберегать их землю.

Исследователи религии манси И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев пишут, что в глубоководном озере Ялпын-тур (Ханты-Мансийский автономный округ)

в середине сороковых годов прошлого, XX века манси (вогулы) видели ялпын уя. Правда, ему приписывают образ то крокодила, то огромной щуки. И опять прослеживается тесная связь священного животного со священными местами — ялпын ма.

В двухстах километрах от Ивделя по реке Лусум (Лозьва) живут манси, которые хранят предания о том, что когда-то в реке жил похожий на змею с рогами речной людоед. И по сей день манси в тех местах поклоняются Хул-хуринг-ойке — «Старику, подобному рыбе», хозяину местных людей, рыбы, зверя.

В 1886 году мещанин Иван Шешин из села Никито-Ивдельского (ныне — г. Ивдель) в своих заметках «О кочевом племени вогул на севере Верхотурского уезда» писал: «По рекам есть у них (манси. — Авт.) такие священные места, через которые они никогда не ездят в лодках, не заденут даже шестом дна, а обходят эти места берегом, перетаскивая лодки на себе». Не потому ли манси не задевали шестом дна, что опасались грозного ялпын уя, а плавание в местах его обитания было чревато для человека гибелью?

У другого народа лесной цивилизации — нанайцев — есть предания о дядьяне, существе, похожем на удава. Хотя не исключено, что это полоз Шренка (*Elalhe schrenckii*), названный так по имени исследователя Амурского края Леопольда

Шренка. Другое название этой змеи — амурский полоз. Это одна из крупных змей фауны России. Продолжатель дела Шренка — Владимир Арсеньев — дважды упоминает в своих работах о встрече с подобным полозом.

Русскому населению Зауралья тоже известна огромная змея, которую они называли полозом. И об этом сохранились архивные материалы.

О чем сообщают архивы

В архиве Свердловской области автору попали в руки два интересных документа. Один из них, доклад К. Ошуркова Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ) от 19 февраля 1927 года. Из него стоит привести некоторые выдержки.

«Еще в бытность мою в екатеринбургской гимназии мы, маленькие гимназисты, всегда с вниманием слушали рассказы о прошлом и настоящем Урала, нашего уважаемого учителя Онисима Егоровича Клера (председатель УОЛЕ. — Авт.), рассказывавшего также о существовании в уральских лесах больших змей, которых местное население зовет «полозами» и в наличии которых он, Клер, не сомневается, т. к. совместно с известным зоологом Сабанеевым (Сабанеев Л. П., исследователь животного мира Среднего Урала — Авт.) получил о том подтверждающие данные...»

В 60-х годах некто Лебединский (горный инженер Л. А. Лебединский. — Авт.), проезжая на тройке где-то на Северном Урале увидел огромную змею. Тройка остановилась и стала пятиться. Лебединский вернулся в соседнюю вогульскую деревню и попросил вогулов совместно с ним начать преследование змеи. Вогулы отказались: по видимому, змея у них считалась священной. После долгих расспросов Лебединскому, однако, удалось выяснить местонахождение змеи, и он ее убил, выстрелив дробью в голову. Экземпляр оказался до 8 сажень (16 метров — Авт.) длины и толщиной с доброе 4-х вершковое (17Ю,8 см. — Авт.) бревно. Шкура этого полоза будто бы Лебединским была отправлена в Англию...

Приблизительно в 90-х годах Клеру... было донесено, что в юго-восточном районе Екатеринбургского уезда появился огромный полоз. Клер выехал по адресу... В район местонахождения змеи выехали из города охотники... змею не нашли о отправились обрат-

Удав.

но, расположились станом около деревни Бобровка... во время мирных охотничьих разговоров и завтрака раздавалось свистящее шипение, и охотники увидели приподнятую над сосенками с краю елани (поляна в лесу. — Авт.) белую голову полоза, который, по-видимому, сам решил познакомиться с охотниками.

Злые языки говорили, что от неожиданного появления уральского удава один из охотников залез от страха под телегу, другой, помня, что змеи не любят лошадиного пота, надел на себя хомут, а третий хотя и остался на месте, но его настроение было сильно испорчено случившейся с ним медвежьей болезнью... Полоз, отвернувшись от стана, ушел, оставив характерный для большой змеи след на смятой траве и хвое от брюшных чешуек...

Молодой телеграфист почтовой станции Бычков рассказал слышанную им историю о гибели рабочего от полоза. Дело было так: двое заводских рабочих приехали в страдное время на свои покосы, находящиеся в глухом месте в горах Урала. Один остался распрягать лошадь, другой отправился зачем-то в гору, в лес. Вдруг послышался отчаянный крик. И оставшийся крестьянин увидел бегущего с горы товарища, за которым быстро катился свернутый в колесо ком, скоро достигший бегущего — тот упал. Ком, развернувшись, оказался большой змеею, которая быстро уползла в чащу леса. Упавший рабочий оказался мертвым, погиб ли от удара хвоста полоза или просто от разрыва сердца, не установлено...

Крестьяне деревни Мартьяновой б. Кунгурского уезда в 2-х верстах от деревни недалеко от дороги в течение нескольких лет видели небольшого "полозка" толщину в оглоблю и длиною в 1? сажени. Он никого не трогал и жил около ямы. После крестьяне завалили яму хворостом и зажгли. Большие "полозка" уже никто не видел...

Быть может, недалек тот день, когда в распоряжении специалистов будет предоставлен для изучения пока еще оспариваемый "coluber trabis" (перевод с латинского — "огромная, бревноподобная змея". — Авт.), так назвал уральского удава посетивший Урал знаменитый ученый Паллас. В одной уральской степной деревне Палласом была найдена висящая в избе у крестьянина икура или выполок огромного экземпляра змеи. Владелец икуры, несмотря на просьбу Палласа, ее ему не продал..." Ошкурков также пишет о том, что в 1925 году рабочие Нижнеисетского завода пытались поймать сетями большую змею золотистого цвета с большим пятном на лбу. Змея перепрыгнула через сеть и ушла к Уктусу на реку Патрушиху.

Не менее интересно письмо в УОЛЕ помощника лесничего Каслинского лесничества Н. Ф. Кузнецова от 12 апреля 1927 года: "... Рабочий Каслинского завода Свиридов Павел Иванович, 60-ти лет, занимающийся в Каслинской даче поисками полезных ископаемых, в конце августа месяца 1926 г. в урочище "Булдымское бо-

лото" в ясный солнечный день заметил змею необыкновенных размеров, которая располагалась на каменистом холме.

Увидев за свою жизнь первый раз змею таких размеров, как рассказывает Свиридов, он от этой встречи пришел в ужас и поспешил поскорее покинуть это место. Величина этой змеи, как он говорит, по длине аришин 6 (четыре метра. — Авт.) и по толщине около головы вершка 3 (13,3 см. — Авт.). по цвету же точно определить, серая она или черная, Свиридову не удалось...

Весной 1924 г., будучи с группой рабочих в числе 54 человек на тушении лесного пожара в районе озера Сунгуль в Каслинской даче, мы по ликвидации указанного пожара пришли на берег Сунгуля с целью после работы вымыться и увидели следующую картину: по самой середине озера, держа направление на ЮЗ, плыло какое-то животное, и над поверхностью воды была видна лишь его голова. При движении от него отходили бурные волны. Все рабочие пришли к заключению, что плывущее животное — ничто иное, как полоз.

Характерно, что все находящиеся на озере рыбаки, завидя движущееся по озеру животное, поспешили причалить к берегам..."

Мансийская анаконда

"Похоже на анаконду", — сказал знакомый, когда я рассказал ему о своих изысканиях. А ведь точно — анаконда. Так же прекрасно плавает, забирается на деревья и нападает с них. Только уральская — какая-то морозостойкая. Но и это не новость. Альфред Брем в своем капитальном труде "Жизнь животных" приводит случай, когда сбежавший из зверинца южноамериканский удав спокойно жил и зимовал в одной из рек Западной Европы. Сам натуралист скептически относится к слухам о кровожадности таких крупных змей, как анаконды, удавы или питоны, но другие авторы говорят об обратном.

Англичанин Фоссет* рассказывает о случае, который произошел с ним в Южной Америке. На каное, в котором находились он и несколько индейцев, напала восемнадцатиметровая анаконда. Упавший в воду индеец стал ее добычей. При этом нападении вода вокруг лодки бурлила от телодвижений змеи. Любопытно, что о подобном бурлении воды упоминал в своем письме и лесничий Кузнецов.

Эрнст Мулдашев** пишет об амазонских анакондах, которые, по словам аборигенов Бразилии, до-

*"Ужасы природы". Минск, 1996, с. 110.

** "От кого мы произошли?". М., 2002, с. 381-382.

стигают 20 метров длины. От этих огромных змей в сельве гибнет много людей. Как правило, мужчин. Охотится анаконда, повиснув на деревьях над тропой, проходящей через сельву.

Если вспомнить о почитании манси ялпын уя, следует отметить, что и индейцы Южной Америки, в свою очередь, тоже почитают анаконду. Да и трудно не почитать того, от кого зависит твоя жизнь.

Альфред Брем пишет, что анаконда достигает длины чуть более восьми метров, «прекрасно плавает, может очень долго оставаться под водой и подолгу лежит на дне, отдыхая».

Вот и попробуй такую диковину спугнуть шес-

том, пlying на лодке по ее угольям!

Почему же ялпын уй больше похож именно на анаконду а не, к примеру, на питона, который тоже прекрасно плавает, в отличие от удава? Дело в том, что анаконда непосредственно связана с водой, живет в ней и охотится. Как и ялпын уй, анаконда достигает 16-20 метров, а при подобных гигантских размерах трудно жить вне воды. К тому же обе змеи для охоты и отдыха способны забираться на деревья.

Так что, уважаемый читатель, идя по уральской тайге или переходя таежную реку, вспомни добрыми словами ялпын уя. На всякий случай.

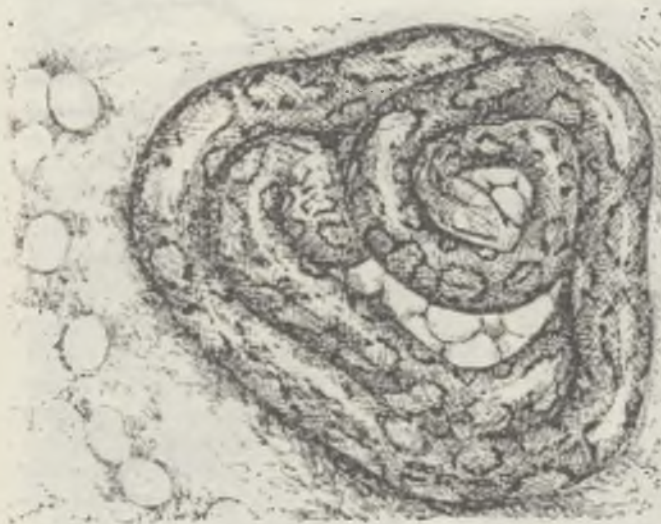
Сказы и очевидцы

Историк XVIII века Герард Миллер в своем сочинении «Описание Сибирского Царства» пишет об аринцах — народе, жившем в период путешествия Миллера по Енисею. Так вот, аринцы одного поселения погибли из-за массового нашествия больших змей, среди которых «одна была необычайной величины, с большой головой и телом, блестящим, как золото». Примечательно, что один из жителей спасся, протянув вокруг своей юрты аркан из лошадиного волоса и насыпав около юрты пепел.

В свою очередь, Павел Бажов в своих сказах «Про Великого Полоза», «Змеинный след», «У старого рудника» пишет об ялпын уе. В первом из названных сказов дается описание гигантской змеи: «И вот изпод земли стало вытягиваться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке (река. — Авт.), а из земли все кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет».

В сказе «У старого рудника» Бажов упоминает об ареале обитания огромного полоза: «НЕ знаю, как по Северному Уралу, но по Среднему и Южному этого фантастического змея чаще зовут Полозом, Великим Полозом, вероятно, потому, что здесь издавна идет разговор, частично поддерживаемый натуралистами прошлого (Сабанеев, например), о существовании особо крупного вида змеи — полоза».

Русский писатель делает акцент на том, что рассказы о Полозе, его образ были

*Сетчатый питон на кладке своих яиц.
Вид сбоку (верхний рисунок)
и сверху (нижний рисунок)*

привычны с детства. Из чего можно вывести, что в 80-90-х годах XIX века встречи с ялпын уем не были редкостью. Тем более, как утверждает писатель-уралец, образ гигантской змеи среди русского населения Урала “Пришел не от древней символики и не от морализаторских разговоров, а от внешних окружающих впечатлений”. Смелое заявление для начала 40-х годов прошлого века.

На родине Бажова — у города Полевской — встречи с необычными крупными змеями происходили и в наши дни. Вот как описал встречу близ реки Полевой с необычным животным житель Полевскоко, литератор и краевед Владимир Николаевич Суренков: “Событие, о котором рассказываю, произошло в шестидесятых годах, мне было лет

четырнадцать... Вот тогда-то и увидел то, чего так до пятидесяти пяти лет более не видел. На болотце камне-плитняке, невесть откуда взявшемся у подножия горы, лежала и грелась змея. Она лежала шаньгой, свернувшись спиралью, а на теле лежала голова и смотрела на меня, уставилась не мигая. Меня поразили ее глаза. Они были большие, выразительные, человеческие. Цвет тела помню плохо — неяркий, серый, с большими пятнами, чуть более темными... Она стала — это я запомнил, как фотоаппарат, — не отрываясь взглядом от меня, раскручивать спираль, и поползла от меня, почти переливаясь, как вода, за каменную грань, в траву... Змея была примерно метр семьдесят в длину. Змей видел всевозможных расцветок и размеров, но такой ни ранее, ни до сих пор больше не видел”.

Конечно, можно выдвинуть версию, что этой змеей был желтобрюхий (каспийский) полоз (*Coluber caspius*) — крупнейшая змея Европы, достигающая 2,5 метров. К тому же каспийские полозы бывают серого цвета. Но зоологи утверждают, что максимальный ареал распространения этой змеи — Волго-Уральское междуречье...

Автор будет признателен читателям за дополнительные сведения о необычной змее.

Анаконда.

Николай ЗАЙЦЕВ

С крестом и впереди полка

Н. А. Зайцев — давний автор «Уральского следопыта», вернувшийся, по его выражению, «на круги своя» после долгого «молчания». Николай Андреевич родился в 1926 году «на Бежином лугу» — в деревне Кельна близ села Тургенева. Он — член Союза журналистов России и действительный член Русского географического общества; ветеран Великой Отечественной войны. В качестве корреспондента газеты «Полярная кочегарка» провел восемь зимовок на острове Шинуберген. Живет в поселке Никель Мурманской области.

Ежегодно в День Бородина в сентябре на Бородинском поле проходит панихида по воинам, погибшим в Отечественной войне 1812 года. Гибли не только воины, но и военное духовенство, и история его подвига начинается много раньше Бородина. В нынешнем сентябре Бородинскому сражению исполняется 190 лет.

Ранним утром 11 декабря 1790 года в темноте еще не отступившей ночи генерал-аншеф Суворов-Рымникский двинул войска на штурм хорошо укрепленной турецкой крепости Измаил. Особенно трудно пришлось четвертой казачьей колонне бригадира Орлова, штурмовавшей бастионы у Бендерских ворот. На помощь казакам генерал-майор граф Безбородко послал из резерва Полоцкий пехотный полк. Во время атаки полк попал под сильный обстрел. Командир полка был убит, большинство офицеров — ранены. Настала критическая минута боя, и тут впереди колонны солдаты увидели полкового священника с золоченым крестом в высоко поднятой руке. Он шел во весь рост, с именем Бога на устах, не кланяясь пулям и снарядам. На мгновение воины словно замерли, замороженно глядя на отца Трифона, и услышали его призыв: «Умрем за веру свою и землю Русскую!» И колонна, вдохновленная мужеством священника в окровавленной рясе, рванулась вперед.

А через два дня Суворов докладывал командиру южной армией генерал-фельдмаршалу Потемкину: «Сегодня у нас будет благодарный молебен... Его будет петь Полоцкий поп, бывший с крестом перед сим храбрым полком».

Да, священник Полоцкого полка Трофим Куцынский вышел из боя цел и невредим. За свой подвиг он был награжден осыпанным бриллиантами наперсным крестом на Георгиевской ленте, 500 рублями единовременно и 300-рублевой ежегодной пожизненной пенсией.

И кто знает, может быть, именно тогда, при звуках торжественного пения, сопровождаемого салютом из трофейных турецких пушек, в сердце Суворова родились слова, навеки запечатленные

Священник Н. А. Мурзакевич.

в «Науке побеждать»: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решину, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От него победа. Чудо-богатыри! Бог нас видит. Он нам генерал!»

Во время военных действий, когда в любую минуту мог свершиться переход в иную жизнь, присутствие священника было необходимо. Пока солдат оставался жив, священник поддерживал в нем веру, что Бог хранит его. Даже раненый воин благодарил Бога, и это облегчало страдания. Талисманом служил бойцу маленький, почерневший от пота медный нательный крест на бечевке, ленточке и реже

— на цепочке. А у кого-то на шее висел миниатюрный образок.

Известный русский военный теоретик, педагог и последователь Суворова, генерал от инфантерии Драгомиров в «Заметках о русском солдате» с полным основанием утверждал: «Русский солдат отличается глубокой религиозностью, не чуждой суеверия...» И такую религиозность следовало поддерживать в войне, оторванном от семьи и родных мест на целые четверть века, как это было в русской армии до конца первой трети XIX столетия. Миссию эту выполнял институт военного духовенства до 1918 года. Походные церкви разворачивались в полевых условиях в специальных палатках, церковное имущество перемещалось в футе вместе с полком. Помогали священнику в отправлении обрядов сами бойцы.

У священника не было никакого оружия. Только крест и слово молитвы, слово проповеди и, конечно же, личный пример самоотверженности. Каким мужеством, какой силой духа должен был обладать человек, принявший на себя обязанность посредничества между Богом и ратниками!

Боевые командиры отдавали должное этим духовным пастырям на ратном поле. Вот что доносил полковник Удом генералу Лавреву по результатам Бородинского сражения 18 сентября 1812 года: «Необычайные труды священника Андрианова и весьма хорошее поведение командуемого мною полка заставили меня выйти за крупные заслуги его к награждению. Оный священник во всем продолжении нынешнего похода и военных действий находился при полку безотлучно. Должность свою исполнял весьма рачительно, без малейшего упущения. Во время минувшего сражения 26 августа при Бородино, отправив молебствование, был среди самого огня, стоял с крестом на фланге, и духовными своими наставлениями ободрял солдат и тем более поощрял оных к побеждению врага. Раненых причащал и утешал, а убитых погребал неупустительно. Я отдаю должную справедливость его отличной деятельности, долгом моим поставлю просить исходатайствовать священнику Андрианову орденский знак отличия для большего поощрения его к ударной службе».

В решительные минуты боя фигура священника, как и прежде, оказывалась впереди атакующих колонн. Так было, к примеру, во время сражения за Шевардинский редут 24 августа 1812 года, когда командующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии Багратион двинул на помощь защитникам редута, в котором стояла батарея, свою резервную пехоту: «Гренадерские полки, перед которыми шли священники в облачении, с крестом в

руках, скоро поравнялись с укрепленную батареею и выгнали из нее неприятеля», — писал Михайловский-Данилевский, адъютант Кутузова, а в последующем — видный военный историк. Среди этих героев-пастырей были священники Малороссийского полка Иоанн Колтуновский и Московского — Мирон Орлеанский, который даже после сильного повреждения левой ноги оставался в строю.

Жизнь священника в бою ежесекундно подвергалась опасности. Как и жизнь любого бойца, стоявшего рядом с ним. Только безоружный священник был еще более уязвим, чем солдат. Надо ли говорить, что это были люди высокой нравственности, рыцари без страха и упрека. Авторитет духовного отца солдатского братства был очень велик — армия тогда была в основном единоверческой, хотя в военных действиях участвовали и мусульманские полки, проявившие значительную храбрость.

Отечественная война 1812 года стала ярким свидетельством единения военного духовенства с солдатами. Общая походная жизнь, единые цели — защита национальной нравственности и государственной самостоятельности Родины, сохранение православия в России — укрепляли это единение.

Вспомним еще некоторые эпизоды.

... Позади остались Бородинское сражение, сожженная Москва, марш-маневр с Рязанской дороги на Калужскую, Тарутинское сражение, после которого Наполеон оставил Москву и двинул «великую армию» к Малоярославцу, стоявшему на пути к Калуге. Наперерез неприятелю устремилась армия Кутузова. С раннего утра 12 октября началось ожесточенное сражение за город. Французам удалось ворваться на городскую площадь. Командовавший передовым 6-м корпусом русской армии генерал от инфантерии Дохтуров ввел в побоище еще два егерских полка.

«Но вот идет колонна наших оправившихся войск, — рассказывал В. С. Глинка, опираясь на воспоминания своего отца С. Н. Глинки, активного участника Отечественной войны, — и перед рядами 19-го полка идет священник Васильковский... идет вместе с духовными детьми своими умирать за веру и Отечество. Высоко поднятый золотой крест блещет в его руках, и за этим-то святым знаменем бросается дружно весь полк, лезут по трупам на противника, гонят его и долго оспаривают площадь перед монастырем. Враги, не удержась на горе, ударились сквозь монастырские ворота, и защищенные оградкою, вредили выстрелами; наши штыками и грудью врывались туда, сбрасывая неприятеля в ров...»

Вот что сообщала тогда газета «Московские ве-

Художник Гессе. «Тарутино. 6 октября 1812 г.»

домости»: «Его Императорское Величество, по представлению генерал-фельдмаршала князя Голицына-Кутузова-Смоленского, всемилостивейше пожаловать изволил орден св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса священнику Васильковскому, находящемуся при 19-м полку в корпусе генерала Дохтурова».

Представляя Васильковского к награде за бой под Витебском, командир дивизии генерал Лихачев докладывал: «Когда полк вступил в сражение, Васильковский по искреннему убеждению шел впереди и благославлял солдат крестом. Затем, в разгар схватки, он находился среди ратников, поощряя и воодушевляя их и напутствуя тяжелораненых. Кипела горячая битва, кровь лилась рекой, валялись раненые, падали убитые. Вражеские ядра не щадили никого. Снаряд падает близ пастыря, разрывается и обдает его осколками камней и земли. Пуля впивается в крест на груди Васильковского. Крест спасает жизнь пастыря, но он вынужден покинуть поле брани...»

Отец Василий скончался 24 ноября 1813 года во Франции во время заграничного похода русской армии в возрасте 37 лет...

История войны с Наполеоном дает немало примеров самоотверженного поведения представителей военного духовенства, честно выполнявших нелегкий пастырский долг. Так, священник Серпуховс-

кого полка Василий Скляровский, когда налетела кавалерия, был изранен саблями и взят в плен. После освобождения он вернулся к своим обязанностям.

Пастырь Фирс Никифоровский попал в плен после боя под Витебском, но бежал и вернулся в свой полк. Он участвовал в арьергардных боях в Бородинском сражении, был тяжело ранен. А священник другой части Ефим Иванов погиб при Малоярославце, исколотый вражескими штыками.

Священники всех христианских вероисповеданий, служившие в 1912 году, удостоены наперстного креста из темной бронзы на шейной Владимирской ленте.

На Бородинском поле воздвигнут памятник 2-й гренадерской дивизии. Гренадеров этой дивизии вели в атаку, идя впереди полков, военные священники в облачении, с высоко поднятым золотым крестом в руке...

В грозные дни первой Отечественной, как и в годы Великой Отечественной войны, православная церковь не только разделяла с народом все тяготы военного времени, но и вдохновляла надежду, успокаивала, сопереживала, лечила души людей.

Многие воины причислены к лику святых. Ибо сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя...»

Наталья КРЫЛОВА

Над «пугачевскими» страницами Пушкина

Библиотека — сегодня в числе основных подписчиков «Уральского следопыта», завсегдатаи библиотеки — его первые читатели. Журнал всегда был повернут «лицом» к школе, учителям, семье. И нам хочется, чтобы он чувствовал себя своим в библиотеке. Особенно провинциальной, сильно обделенной свежей периодикой. Специально для читателей мы вводим новую рубрику «Библиотечные чтения». Ее открывает фрагментом своего сценария «Пушкин и Урал» гл. библиотекарь Челябинской областной библиотеки Наталья Борисовна Крылова. Ее пушкинский сценарий получил высокую оценку на областном конкурсе, посвященном 200-летию со дня рождения поэта.

Урал в творчестве А. С. Пушкина — не такая уж обширная, но особая тема. Интерес к нему был вызван у поэта прежде всего историческим характером его мировоззрения. Как и М. В. Ломоносов, Пушкин понимал, что «могущество России будет прирастать Сибирью» (в те времена Урал и Сибирь воспринимались единым целым). Поэт — решительный сторонник преобразовательной, прогрессивной политики Петра I — не мог не понимать, какое значение для экономического развития Русского государства имеет Урал с его богатейшими природными ресурсами. Образ Родины Пушкин не мог представить без обширного Уральского края.

При этом ему мало было опираться на архивные материалы, документы и литературные источники. Художнику хотелось видеть историю в лицо. Для этого он и совершил известное путешествие на Урал, и сумел посмотреть на события крестьянской войны 1773-1775 годов глазами народа.

За четыре месяца он намеревался полностью повторить путь армии Е. И. Пугачева, побывать везде. Выписал подорожную, чтобы посетить крепости Верхне-Яицкую (нынешний Верхнеуральск), Чебаркульскую, а также Авзяно-Петровский и Саткинские заводы. В августе 1833 года А. С. Пушкин получил разрешение на поездку по пугачевским местам, а в сентябре уже проезжал Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Уральск, Оренбург.

Какая боль его пронзила?

Что слышал в клетке орла?

Какая глубь, какая сила

К Уралу гения влекла?

Он гладил листья бересклета,

*В ладони воду грустно брал.
У ног великого поэта
Катил волну седой Урал.
И видел он, как видим ныне,
В степи ковыльные бугры.
Вода цвела пыльцой полыни,
Железкой Магнит-горы.
Неслась предчувствием удача
У этой вольницы реки,
Когда казачки пели, плача,
Быль говорили старики.
О чем порою думал Пушкин...
Через века не разберем.
Но знаем: жил поэт в избушке,
Где Пугачев бывал царем.*

В. Машковцев, «Пушкин в Уральске».

В Уральске А. С. Пушкин был гостем командиров Уральского казачьего войска. Они дали в честь поэта два парадных обеда, показали достопримечательности города, устроили встречи с ветеранами-пугачевцами и с очевидцами восстания.

В доме полковника Василия Осиповича Покатилова, занимавшего в 1833 году пост войскового атамана, А. С. Пушкин остановился. На временное житье. (Историческая справка: Василий Осипович Покатилов, 1788-1838 гг., происходил из семьи беспоместных дворян Черниговской губернии, военное образование получил во Втором Петербургском кадетском корпусе. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1820-м году был переведен в Оренбург, где десять лет командовал ротой конной артиллерии в Оренбургском казачьем войске. В 1829 году стал полковником. В августе 1830 года получил новое назначение, стал войсковым атаманом Ураль-

ского казачьего войска, а в декабре 1833-го года по рекомендации губернатора В. А. Перовского был назначен наказным атаманом Уральского войска.)

«Колеса, дробно стуча, покатались по мостовой главной Михайловской улицы. Коляска остановилась у каменного дома наказных атаманов. Здесь А. С. Пушкина ждали. Сам атаман, полковник В. О. Покатилов, спустился вниз со второго этажа встречать позднего гостя. Ждал здесь Пушкина и ужин, и первый, до полуночи, разговор с начальником здешнего края. Но, как сразу выяснилось, Василий Осипович мало что мог сообщить о пугачевских временах. Как мог заметить Пушкин, этот молодежавый и молодцеватый полковник мало интересовался жизнью казаков, а те его недолюбливали. Пушкин уловил все это, но вникать не стал. Сам Покатилов был к нему предельно внимателен и любезен». В письме жене поэт писал: «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем вечером пошел дождь...»

В Уральске поэт беседовал о Пугачеве, о начале поднятого им восстания и об осаде бывшего Яицкого городка с местными старожилками-казаками — Червяковым, очевидцем осады, и Дмитрием Денисовичем Пьяновым, отец которого, Денис Степанович, в конце 1772 года в течение недели укрывал у себя Пугачева.

Денис Степанович знал Пугачева задолго до того, как тот выступил на Яике в роли самозванца, царя Петра III. Спустя недолгое время, когда пламя восстания вспыхнуло, Пугачев возобновил дружбу с семейством этого казака. В основном тексте «Истории Пугачева» Пушкин опирается на свидетельство Пьянова в одной из важнейших оценок Пугачева как руководителя народного восстания. Слова Пугачева, услышанные Пушкиным от Пьянова, вошли в одно из ключевых мест романа «Капитанская дочка». Многие стали понятнее. И судьба Пугачева, и его личность, и отношение к нему казачества. Пушкину показывали дом в Яицком городке, принадлежавший родственникам Устиньи Кузнецовой — второй жены Пугачева. В старой части города, на Кабанковской улице, он видел каменный дом атамана М. П. Толкачева, у которого останавливался Пугачев в свои приезды из Оренбурга в Яицкий городок. Немало новых сведений Пушкин почерпнул о Пугачеве в Уральске.

Дом атамана М. П. Толкачева в Яицком городке (ныне г. Уральск), где останавливался Пугачев.

Сорок дней путешествия подходили к концу. Поэт прощался с гостеприимным городом. Современный Уральск давно не тот — и дома другие, и улицы переименованы. Но и сейчас один его уголок сохраняет отдаленные черты того пугачевского, пушкинского, казачьего Уральского.

Имена многих пушкинских собеседников не сохранились. Но сохранилось переданное ими отношение к Пугачеву, которое так верно и бережно отразил А. С. Пушкин на страницах «Истории Пугачева». Рассказы, предания и песни, услышанные и отчасти записанные в Оренбурге, Уральске, Бердской слободе и уральских казачьих станицах, освещали события восстания и фигуру Пугачева с позиции народа. Подробнее и ярче всего Урал изображен Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева». Пугачев не «исчадие зла», каким рисовали его ридворные историки, а воплощение многих существенных черт русского народа. Он олицетворяет выдвинутую в ходе борьбы народа яркую и самобытную фигуру, настоящего крестьянского вождя, человека, которому простой народ верил и которого любил.

Одним из главных центров повстанческого движения была Башкирия. С осени 1773 года воззвания Пугачева подняли трудовое население Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии. Здесь проходили боевые действия Главного войска Пугачева и отрядов его ближайших сподвижников.

Первое место среди нерусских народов по количеству участников восстания, силе выступлений принадлежало башкирам. Повстанческое движение в Башкирии выдвинуло выдающегося предводителя и организатора народной борьбы, талантливого сына башкирского народа Салавата Юлаева.

Личность Салавата Юлаева, национального ге-

Дом наказных атаманов Уральского казачьего войска в г. Уральске, где у атамана В. О. Покатилова останавливался А. С. Пушкин.

роя башкирского народа, талантливого поэта-импровизатора, привлекает историков и литераторов. Заслуга введения его имени в научную литературу принадлежит А. С. Пушкину — первому историографу Пугачевского движения. В 1834 году в Петербурге вышла в свет его книга «История Пугачева», переименованная тогда по требованию Николая I в «Историю Пугачевского бунта». Ряд страниц книги посвящен описанию событий, в которых участвовал Салават. С его боевой деятельностью Пушкин связывал размах народного движения в Башкирии. Он отбирал для своего рассказа такие эпизоды, в которых с наибольшей силой выявился солидарный характер совместной борьбы русского и нерусских народов Урала.

*...Два воина, два верных побратима
Вели народ на подвиг и на бой,
И в войске их навек необратимо
Роднились все народы меж собой.*

А. Филиппов «Красный ветер веков»

Пути Салавата и Пугачева сошлись не случайно. Истоки дружбы русского и башкирского народов берут свое начало в глубоком историческом прошлом. В Башкирии бывали или жили ученые и передовые люди русского общества. В Оренбурге, например, постоянно жил историк и краевед П. И. Рычков, который впоследствии, по рекомендации М. В. Ломоносова, был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Он был хорошо знаком с передовыми людьми Башкирии, в частности с отцом Салавата, Юлаем Азналиным.

(Историческая справка: Рычков Петр Иванович, 1712-1777, географ, экономист, историк, естествоиспытатель. Большая часть его жизни прошла в Оренбургском крае, где он служил в Оренбургс-

кой экспедиционной комиссии, губернской канцелярии. В пору работы над «Историей Пугачева» в руках Пушкина оказались три рукописных списка рычковского «Описания». «Описание шестимесячной осады Оренбурга» стало одним из основных источников «Истории Пугачева».

Пушкин опирался и на другие труды П. И. Рычкова: «Топография Оренбургская», «История Оренбургская», и он ссылался на них в примечаниях.

Юлай Азналин — участник башкирского восстания 1755 года. Не без основания Пушкин в книге «История Пугачева» называл его «старым мятежником».

*...Шайтан-Кудеев род богат,
Старик Юлай — отец Кудеев,
Но сын Юлая — Салават —
Сильнее льва, мудрее змея...*

С. П. Злобин. «Салават Юлаев»

Образ Салавата Юлаева нашел широкое отражение в художественной литературе, поэзии, драматургии, музыке, изобразительном искусстве, кино. Мы видим Салавата и на самой высокой точке города Уфы. Всадник над рекой Белой стал символом столицы Башкортостана.

Вспоминая свою поездку, А. С. Пушкин писал в 1836 году: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь проверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Таков был главный итог поездки поэта на Урал.

Использованная в статье литература:

- Пушкин А. С. *История Пугачева*. // *Собр. соч.*: В 10 т. — М., 1981. — Т. 7.
- Пушкин А. С. *Капитанская дочка*. // *Собр. соч.*: В 10 т. — М., 1981. — Т. 5.
- Волков Г. Н. *Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение*. — М., 1989.
- Галин Г. М. *Последний путь Салавата. Сподвижники Пугачева в Прибалтике*. — Уфа, 1994.
- Гвоздиков И. М. *Пушкин и Урал* // *Веч. Челябинск*. — 1987. — 29 янв.
- Овчинников Р. В. *Над «пугачевскими» страницами Пушкина*. — М., 1981.
- Оренбургская Пушкинская энциклопедия. — Оренбург, 1997.
- Сидоров В. *По следам Салавата*. — Уфа, 1988.
- Славянский Ю. Л. *Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал*. — Казань, 1980.
- Смольников И. Ф. *Путешествие Пушкина в Оренбургский край*. — М., 1991.
- Уральский библиофил: Сб. — Челябинск, 1989.

Евгений БИРЮКОВ

Жалованный кафтан

В заводском уральском фольклоре, а также, например, у П. Бажова, нередко встречаются выражения: «жалованные кафтаны», «кафтанники», зачастую в пренебрежительном смысле. Что же они обозначают?

В Демидовском фонде Государственного архива Свердловской области хранится «рапорт главной конторы (Управления) Нижне-Тагильских заводов» 1853 года. В нем — «роспись» (список) мастеров и «уставщиков» (старших мастеров), достойных быть награжденными... почетными кафтанами — «За усердную работу и знание своего дела по мастерству и хорошее поведение в пример других товарищей». Торжественная церемония приурочивалась ко дню ангела господина Павла Павловича Демидова. По одиннадцати заводам и рудникам каждый год, начиная с 1850-го, так отмечалось около 25 человек.

В «Рапорте» приводятся и характеристики на кандидатов. Антон Кузнецов, катальный мастер первой статьи: «Не представлялся к награде, потому что был замечен в хмельном виде и остается впредь до исправления. В мастерстве же Кузнецов довольно искусен и к работе старателен».

Филипп Бородин, мастер кирпичного цеха: «По мастерству и искусству вполне заслуживает награждения памятным кафтаном, но временно подвергается слабости и потому оставался не награжденным в прошлом, представляется на усмотрение Управления». Василий Перезолов, кладовщик: «За усердную и прилежную службу в Амбарных при железных и медных изделиях, где находится второй год и хорошего поведения, достоин».

Лауреаты гордились наградой и надевали жалованные кафтаны — длиннополую одежду, отороченную желтыми («золотыми») галунами — только по праздникам.

Примеру Демидовых последовали и другие заводы. Жалованные кафтаны появились в Сысерти, Златоусте...

Любопытная деталь: кафтаны (традиционно ази-

атская мужская одежда) были с правым запахом. Европейский же цивилизованный мужской костюм, наоборот, признает только левый. Но на Урале вплоть до Первой мировой войны правый запах на мужских пиджаках встречался довольно часто (на групповых снимках тех лет есть оба варианта). Может, это было подражание почетной одежде? Или просто рачительность (перелицованный костюм)?

Снимки же почетных «кафтанников» очень редки. Упомянем о двух. Изображенные на нашей репродукции собраны по поводу Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге (1887 год, фотография Н. Терехова). В 1910 году на Урале побывал известный столичный мастер, пионер цветной фотографии С. Прокудин-Горский. Он снимал серию «Виды и типы Отечества». Волею судьбы архив фотохудожника попал в Америку, в библиотеку Конгресса США. И вот уже оттуда президент Р. Рейган в свое время преподнес цветной снимок М. Горбачеву. А тогдашний член Президентского совета депутат Ярин выпросил его для своего родного города — в Нижнетагильский краеведческий музей, где он сейчас и экспонируется.

Фото из архива автора.

Рудольф КАШИН

КАМЕНЬ ШАЙТАН

Отвесная, сорокаметровая скала высится на правом берегу реки Чусовой, на 290-ом километре от истока, у села Чусового. От верхний Чусовой — это второй камень Шайтан.

Во второй половине XVI века здесь устроил свою обитель Трифон Вятский, инок Пыскорского монастыря. Место слыло «страшным» для местных вогулов (манси). Они считали скалу обиталищем злых духов и обходили ее стороной. А Трифон долго жил на горе, и с ним ничего не случилось. Удивленные вогулы пришли к нему и спросили: «Почему злые духи тебя не трогают?» «Я верю в бога Иисуса Христа, а он сильнее всех духов. И мне придает особую силу», — ответил Трифон.

Аборигены стали приходить к Трифону со своими житейскими нуждами. А он высмеивал их языческих богов и обряды, пытаясь приобщить их к вере Христовой.

После Трифона место его обители еще долго было священным для аборигенов, но обряды здесь совершались языческие, так как христианство не прижилось.

Через сто с небольшим лет около обители Три-

фона возникло русское поселение Шайтанка.

Пришедшие на эти земли тюркские народы — татары — не признавали религии манси, и их святилища считали местом обитания колдунов-шайтанов. (В тюркских языках слово «шайтан» употребляется в значении «злой дух, дьявол, черт, колдун».) поэтому те места, где, по мнению татар, могла обитать нечистая сила, они называли: Шайтан-гора, Шайтан-речка или болото. Манси переняли в свой язык слово «шайтан» в значении «священный, колдун, шаман». Топоним «Шайтан» распространен на территории, ограниченной с севера рекой Турой, и заходит далеко на восток по этой реке, а также по рекам Нице и Пышме, как бы определяя глубину проникновения татар в мансийские земли.

Камень Шайтан отнесен к ботанико-геологическим памятникам природы, но его следует считать и историческим памятником, так как в гроте этой скалы было мансийское святилище, здесь стояла обитель миссионера христианства Трифона Вятского. Кроме того, еще не сказали своего последнего слова археологи...

Фото автора

Подаренный тракт

В предыдущей части экспедиции по Приполярному Уралу мы упомянули о так называемом Сибиряковском тракте — одной из самых северных сухопутных торговых дорог через Уральский хребет. Он, как видим, носит имя известного сибирского промышленника и путешественника А. М. Сибирякова.* Но надо сказать, что носит он его не вполне по праву. Сухопутную дорогу от азиатской реки Северной Сосьвы до европейской, Печоры, Сибирякову «подарил» другой замечательный исследователь, путешественник и писатель — Константин Дмитриевич Носилов. Подарил вместе с идеей прокладки узкоколейной железной дороги. Которая трансконтинентальным путем связала бы две водных системы.

В известной краеведом книге Носилова «У вогулов» (1904) есть очерк «По следам князя Курбского». В нем рассказывается о труднейшем путешествии автора из Азии в Европу по пути, которым триста лет назад прошла дружина московского князя Семена Курбского, чтобы «привести к ясаку» здешнюю югру. Где-то поблизости от поселка Саранпауль Носилору повезло даже натолкнуться однажды в диком кустарнике на остатки крепости-бойницы — русского форпоста еще доермаковской колонизации Сибири. Ведь именно тогда, после похода на югру, русский царь Иван III и стал именоваться, кроме прочего, «великим князем Обдорским».

Как могла зимой проникнуть сюда дружина князя сорви-головы? Ведь тот путь мог указать направление и железной дороге, которая соединит Печору и Обь! А об этом были тогда все мечты нашего замляка-патриота. Хотелось ему, чтобы хлебные, пушные, рыбные и иные богатства края нашли бы полвечее дорогу в Европу. И он решил сам пойти по следам Курбского. Три собаки (двоих в первую же ночь до смерти заели комары и оводы) и три услужливых вогула-проводника были ему спутниками от зимних юрт Хурум-пауля на реке Ляпин. Болота, гнус, жара, непроходимая чащоба преграждали путь искателю, а он еще не выпускал из рук блокнот и буссоль, чтобы записывать названия гор и речек, сверять правильность направления.

Затем путь пошел по отрогам гор, в траве и камнях которых разговаривали ручьи и родники. По этим зеленым, невысоким горам и спустились они к реке Щугору — притоку Печоры. «Вот последние речки Обской системы; вот последние ручьи, бегущие в них, и впереди, перед нами, довольно высокая гора, самый хребет Северного Урала, на который нам предстоит подняться». Носилов стоял в тот момент на географической точке, где сходи-

лись Европа и Азия, Приполярный Урал и Урал Северный. Здесь было холодно, сыро, стоял туман, плыли низкие облака, которые, кажется, можно достать руками. Ни огня развести, ни чая сварить. Пока не прошел туман и не открыл путешественникам солнечное небо и окружающие горы. Рядом высилась одна из величайших вершин Урала — гора Тольпоиз. Она-то и образовала долину — естественный и удобный проход через хребет, которым и воспользовался князь Курбский. Вогулы говорят, что находили здесь, на водоразделе, ямы, сохранившиеся со времен князя — а в них ядра, пули и даже деньги... По этой долине пересекает хребет река Щугор, прокладывая водную тропинку из Азии в Европу. Отсюда до Печоры еще 250 верст!

Здесь Носилору надо было сменить проводников: вогулы уйдут назад. А «русский бояр» будет продолжать дорогу к Печоре. Но новых проводников — оленеводов, охотников, рыбаков — не видать, а припасы на исходе, их надо делить на четверых. И наш земляк решил идти дальше в обществе верного пса Лыска. Вернее, не идти, а плыть по Щугору на самодельном плоту.

Река сменяет тихое течение на бурный поток, по которому плот несется со скоростью железнодорожного поезда. Так плыли они с Лыском, пока не встретили зырян-рыболовов...

И вот той же осенью Носилов, встретившись на горе Сабле с А. М. Сибиряковым, показал ему план дороги, по которой могут следовать торговые караваны через Камень, освободив от сей работы далекое Карское море.

Железной дороги не получилось, но возник грунтовый Сибиряковский тракт...

Быть может, именно в той точке, где сходятся Европа с Азией, а Приполярный Урал с Северным, и сохранился, по слухам, до наших дней кем-то поставленный большой деревянный крест, давший имя и самому лесистому перевалу. И мы с вами будем считать его местным указателем границы, надеясь одновременно, что придет время (и наша экспедиция будет тому способствовать), когда на историческом перевале появится знак-обелиск в память героического прохода здесь нашего земляка К. Д. Носилова. А пока просим туристов и следопытов, побывавших в сей точке Приполярно-Северного Урала, прислать нам фотоизображение Креста.

* См. о нем очерк Н. Вехова в «УС» № 3, 2002 г.

Экспедицию ведет Светлана Смолина

Юрий ДУНАЕВ, г. Первоуральск

Дикий мед

Бродя по охотничьим тропам, часто доводилось встречать могучие сухостойные деревья с выдолбленной сердцевинной. Не обратил бы на них внимания — мало ли, какие невзгоды переживают лесные великаны, — да напомнили мне об одном древнем промысле, бортничестве.

Угодья Урала всегда отличались богатством медоносных трав. Белый и розовый клевер, медуница, мышинный горошек, малина, кипрей и величаява, с ароматными цветами липа — хорошие медоносы. Пчела смешивает, перерабатывает нектар разных цветов в сгусток — сладкий и терпкий мед.

Первоначально человек попросту забирал мед у диких пчел. Потом стал помогать трудолюбивому насекомому в строительстве жилища: в сухостойных деревьях выдалбливал борт.

С развитием металлургии топор дровосека коснулся лесных угодий. Бортникам пришлось переместиться в глухие уголки, усовершенствовать жилища для пчел: стали вывешиваться своеобразные улья-колоды. Их, искусно прилаженные к стволу больших деревьев, и поныне можно встретить в разных местах на берегу реки Чусовой и ее притоков.

Колода — обрубок ствола длиной более метра с выдолбленной сердцевинной — готовится из сухого дерева и вывешивается на теневой стороне. В нее не должен проникать солнечный свет: в затененном месте отстройка гнезда идет быстрее, и соты получаются ровнее. Обычно борти вывешивали на сосне или лиственнице.

Казалось, чего проще: развесить колоды по лесу, создать лесную пасеку и в конце лета собрать пахучий, сладкий мед. На деле же профессия пчеловода-бортника нелегка и требует смелости, силы, ловкости, острого глаза, знания повадок пчел. В конце мая бортник подвозит с помощью лошади и вывешивает

на высоту в пять человеческих ростов новые колоды, очищает и окуривает старые. Потом внутри них укрепляет пустые соты — сушь; закрывает колоду ставнем, в котором сделано отверстие — леток, и пчелиная лесная «квартира» готова.

В июне, когда закончится роение, бортник обходит угодья, проверяет ульи. Поселились пчелы в колоде — будет на зиму мед. Нет пчел — неправильно устроено жилище.

В августе начинается сбор меда. С каждой колоды вырезается вместе с сотами до полутора пудов (около 25 килограммов) содержимого. Затем из сот вытапливается янтарный напиток.

С распространением «сладкого промысла» народ создал и специальные приспособления, без которых бортнику не обойтись. Полиспасть для подъема колод, дымарь или торбу... Есть и другие.

Без хорошего, упругого ремня не забраться на толстую лесину. Пчеловоды-бортники применяли плетеный твердый ремень, называемый в народе «кирень». Он изготовлялся из конской кожи. Шкура вначале проходила «термическую обработку» — опаривалась шерсть; затем тонко нарезанные полоски сплетались в широкий ремень длиной до четырех-пяти метров с петлей на одном конце. Ремень получался упругим. С его помощью бортник забирался на любую лесину: заматает кирень за дерево, обвяжется и, ловко перебрасывая его, словно по лестнице «идет» по стволу вверх. Этим же поясом он привязывается к дереву во время работы на высоте.

Конечно же, без «кошек» на дерево не взобраться. «Кошки» кует кузнец. Их подгоняют по ноге и обувают в кошму. Для удобства работы на высоте применяется подножник — березовая фигурная доска. На ней удобно стоять — ноги не устают, когда работаешь.

Однажды в Нижнем Селе, что раскину-

лось на левом берегу Чусовой, напротив «бойца» Шайтан, мне посчастливилось познакомиться со старожилом Михаилом Константиновичем Елохиным, который увлекался бортничеством несколько десятков лет. Михаил Константинович показал мне приспособления, которые применяют пчеловоды-бортники. Я сфотографировал старинные вещи, которые теперь — редкость.

В наше время все реже видишь борти и колоды в лесу — рамочные ульи прибыльнее и удобнее — по деревьям лазать не надо. Но в глухих уголках еще можно встретить человека, добывающего сладкий напиток с помощью древнего улья.

Несколько лет назад мне довелось побывать в горной Башкирии, где сохранился древний промысел. Там обитает дикая пчела

бурзянка. Она работоспособна. Неприхотлива, вынослива и стойка к холоду. Хозяином бурзянки и бортей является Вельский филиал Башкирского государственного заповедника. Это пчелиный филиал.

Работники заповедника охраняют леса, которые кормят дикарку, изучают ее жизнь, повадки, берегут пчелу, как величайшую драгоценность. Старинный промысел здесь поставлен на новую, современную основу. Ведь башкирский мед славится своим отменным вкусом, целебными свойствами. Он отмечен тремя золотыми медалями: одной — в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, другой — на Эрфуртской международной выставке 1961 года и третьей — на XXIII международном конгрессе по пчеловодству, проходившем в Москве.

На снимке - предметы снаряжения пчеловода-бортника: «кошки», кирень, подножник с веревкой.

Фото автора.

Людмила ХЛЕБНИКОВА, г. Екатеринбург

Пленившийся божьем миром

(О художнике Александре Сухих)

Александр Сухих родился на севере Архангельской области в 1958 году. После школы уехал в Петербург. Там окончил реставрационное училище. Участвовал в реставрации зданий Русского музея, Итальянского консульства, библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Затем последовали годы странствий: снова Север и снова Петербург, а в 1983 году судьба остановила его в Екатеринбурге. Здесь он закончил художественное училище им. И. Д. Шадра и стал работать на Свердловской киностудии сначала ассистентом художника, а затем художником-постановщиком. Участвовал в создании шести художественных фильмов, среди них «Команда-33», «Любовь по заказу», «Уснувший пассажир», «Дикое поле»...

Как живописец, участвует в выставках с 1984 года. В 1985 году стал членом Союза Художников России. В 1997-м он победил в конкурсе молодых на соискание гранта рекламной компании «Геллери» (Москва). С успехом прошла его выставка в Париже, в Ситэ-арт, куда художник был приглашен поработать на два месяца в 2000 году. Особое расположение хозяйки Ситэ-арт мадам Брюно выразилось в предоставленной художнику возможности приезжать в Ситэ-арт без особого приглашения...

Стать художником Александру Сухих было предначертано самой принадлежностью к роду иконописцев северного Поморья. В земных смутах не сохранилось церкви, расписанные его предками для Строгановых. Но род из глубины времени отозвался в нем даром абсолютно послушной глазу руки, которая легко и свободно переносит увиденное на холст. Живописный этюд может возникнуть в несколько минут.

И все же виртуозная живопись руки —

А. Сухих. Автопортрет.

лишь проводник живописи сердца. Без сердечного переживания мира нет художника. Коровин по этому поводу тонко заметил, что в «живописи» должна быть «история души». Чтобы состоялась «история души» Александра, судьба преподнесла ему еще один, не менее важный для художника дар, — прожить детство и юность в единении с природой.

Там, в селе Ильинском под Архангельском, в далеком его детстве, где строился отцом и сыном вместе дом, где пахли золотые стружки, шептались травы, закатный пламень проливался в реку, там, в этой слитности души и мироздания, густел настой той святой памяти, которая для творчества — неиссякаемый источник.

Такой памятью создана одна из ранних его картин «Из детства» — о вольном раздолье деревенской жизни, в котором не сознанием, а всеми ощущениями естества переживается благодать мира и устанавливается вековая заповедь любви к отеческому дому. Чистым цветом взбухают на холсте речной поток и круговорот юных всадников, купающих ко-

ней. Кажется, что вода вынесет их за раму. В контрасте с их движением покойно пребывают в лодке мать и дитя. Осиянно золотятся они в потоке, как некий заветный свет. Свет реки жизни...

Для меня эта работа в какой-то мере ключ, введение к живописи художника, объяснение вольной вдохновенной динамики его письма и открытости чувства, явно идущих от такой же вольной природы автора, прозвучавшей в композиции.

Разве не вольность художника делает большинство его пейзажей картинами пространств?

В работе «Большая вода» весенняя звонкость небесной синевы прорезана белыми струнами берез. Эти белые вертикали стволов на островке в центре полотна принимают на себя всю энергию и буйство облаков пластами цвета, брошенными на небо и еще более усиливающими динамику пространства отражением своего буйства в воде. Образ весеннего простора, чувственного оптимизма, обновляющей мир силы создан, кажется, на одном дыхании. Та же одухотворенная живопись в полотнах «На Ладого», «Рассвет на Валааме», «Перед грозой», «Дыхание лета» (1998 г.).

Равно владея всеми жанрами, художник отдает предпочтение пейзажу. В живописной и духовной силе природы его душа находит неисчерпаемую палитру созвучий, бесконечные возможности для истолкования самых тонких, глубоких и торжественных переживаний, притом в очень широком поле живописных воплощений. На одном полюсе — самобытное развитие традиции русской пейзажной классики, на другом — уход в чистую живопись, в экспрессию смелых колористических решений, не переходя, впрочем, грани, за которой возможна потеря смысла («Волчиха», 1997 г.).

В это же время появляются пейзажи-им-

А. Сухих. «Большая вода».

провизации, где натура переосмыслена так, что становится лишь поводом для духовного выражения.

В дальнейшем его письмо, обращаясь к панорамным видам, к лесным или деревенским уголкам природы, приобретает все большую пластическую свободу и обогащается цветовой оркестровкой. Энергичная пластика красочного слоя, направление, размер, соотношение рельефно и тонко положенных рядом цветовых пятен становятся ярко выразительными и звучными.

Вот в тихой полутьме вечера двойным отражением догорает закат, золотясь отсветом на прибрежных домах и опалово плаваясь в тихоструйной реке. Тихоструйность и задает ритм и пластику живописи. («Вечер в Ильинском», 1993 г.) и еще один закат краем раскаленного шара, тонущего за черными силуэтами строений, опрокидывает свой «мирный вечера пожар» в недвижимое зеркало речной заводи, разлив краски широкой кистью художника («Вечер», 1993 г.).

Та же вдохновенная сила в пейзаже «Сосна» (1999 г.). Изображено всего лишь одно дерево. Но какое! Крепко вросшее корнями в родной откос, оно с равной силой многооруко стремится в небеса, крылато раскинув ветви, встречая ветер, живо ощущаемый в кар-

А. Сухих. «Екатеринбургский дворик».

тине. Каждое пятно звучного многоцветия, однажды и точно нанесенное, сохраняет свежесть письма, воодушевление, с которым работался пейзаж.

В пленерных паузах художник обращается к иной природе. К портрету и натюрморту. Его портретная галерея — в основном женские образы, от беззаботной маски до музы. Одних он пишет со вниманием к полноте и выразительности формы, гармонии всех составляющих композиции и глубине образа; другие персонажи — его собственное о них представление, его вольная интерпретация. Они живут непроясненностью в кажущемся хаосе штрихов и пятен, нарочито неаккуратных. В зыбкости образа — притяжение для зрителя, невольное желание довыразить, вызволить из плена недосказанности.

Природу художник называет второй матерью. И глубоко прав. Только чувство соприродности делает человека способным пленяться Божьим миром и проникать в сокровенные его смыслы. Отношение к Матери-Земле как к «Книге Откровений» позволяет художнику задавать творчеству тот высокий тон, который делает персик планетой в невесомости фона, а сосну — взлетающей с обрыва.

На этом пути неважно, выписывает ли сосредоточенно кисть мельчайшую подробность, или мастихин в упоении строит композицию пятнами цвета, а древко кисти добавляет нужные линии и акценты. На этом пути важны обретения — берег, как зов стези; лодка, как чья-то причаленная жизнь; храм, победно плывущий в небесах...

Все в нерасторжимой слитности символа и реальности, времени и времен!..

А. Сухих. «На Ладого».

АЭЛИТА

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с началом нового учебного года — и года литературного, если хотите. Поскольку именно с сентября в основном начинаются занятия в литературных мастерских, клубах и объединениях Екатеринбургa.

В этом году на страницах журнала будут опубликованы произведения членов таких литературных сообществ, как литературная мастерская им. Бориса Марьева, клуба «Лебяжий», «Горного родника», мастерской «Ремесло» и других, пока менее известных.

Наш журнал станет регулярно сообщать о выходе новых книг уральских авторов.

А теперь мы объявляем о новой акции под названием «Последний поклон Мастеру», которую поддерживает журнал «Уральский следопыт». Ее проводит библиотека-музей поселка Овсянка, приглашая всех почитателей таланта Виктора Петровича Астафьева принять участие во Всероссийской заочной читательской конференции «Наш последний поклон», которая будет проходить в течение 2002 года.

Свои впечатления, размышления, а также воспоминания о личных встречах с Мастером, просим присылать в редакцию журнала.

Наиболее интересные письма будут публиковаться на наших страницах.

Теперь новости областного масштаба.

Литературная гостиная при газете «Камышловские известия» существует уже более пяти лет. А точнее, с октября 1995 года. Именно в этот день вышел в свет первый номер приложения к газете «Литературный четверг».

В «Четверге» печатались стихи и рассказы камышловцев, специальная страница была от-

Джулиан М. ПРИБОЙ
«Всего лишь случайность»

Елена ЗАХАРОВА

Стихи.

Светлана ЭСТ

«Ай ловлю Рыбу Кэт»

Мария ГОЛДИНА

Миниатюры

Лариса РАТУШНАЯ

О Борисе Рыжем

Борис РЫЖИЙ

Стихи

Александр ПАПЧЕНКО

Лит

дана детям. В августе, когда Камышлов отмечает День города, на торжественном заседании поэтов состоялась презентация первой книги стихов поэтессы Татьяны Широковой. «Пока горит свеча моя». У Татьяны есть свой почерк, ее стихи музыкальны, и в каждом присутствует она сама. Отсюда и их лиричность: луна, солнце, трава, деревья и любовь — все это действующие лица огромного полотна, которое неустанно пишет Татьяна Широкова. Она врач по профессии, поэт по призванию. Ее стихи мы опубликуем в одном из ближайших номеров.

А пока предлагаем вашему вниманию рассказ уже ставшей известной вам Светланы Эст «Ай ловлю Рыбу Кэт», стихи Бориса Рыжего, окончание повести Александра Папченко «Лит» и другие прекрасные произведения, которые доставят вам истинное наслаждение и дадут возможность задуматься над жизнью.

Несмотря на начавшиеся школьные хлопоты, мы напоминаем юным читателям о том, что они могут принять участие в конкурсе «Большие надежды».

Редактор отдела Петр Родимов

Джулиан М. ПРИБОЙ

Этот автор предпочитает псевдоним и тайну вокруг себя. Так что данный портрет писательницы Дж. М. Прибой может быть синтезированным на компьютере и отличаться от портрета живого человека, скрывающегося под этим псевдонимом.

Уважая право писателя на такую литературную игру, мы публикуем только те сведения об ее литературном имидже, которые она пожелала сообщить. Вот они: «Это существо ведет преимущественно ночной образ жизни, хотя резистентно к воздействию солнечного света. Обладает внешними признаками, присущими всему отряду, а именно: бледность кожных покровов, глаза с увеличенными зрачками, приспособленные видеть в густых сумерках. Отмечается отрицательное воздействие чеснока на метаболизм. При поиске объектов питания проявляет большую избирательность.»

Всего лишь случайность

Юноша лет восемнадцати торопливо крепил парус на маленьком темно-зеленом проа, поминутно оглядываясь. Его темное, насыщенно-коричневое стройное тело, обнаженное по пояс, казалось осыпанным золотой пылью в жарких лучах раскаленного белого солнца. Руки работали уверенно и ловко.

— Диего! — сердитый женский голос донесся откуда-то из-за серых, обросших лишайником скал у берега. Юноша pokrивился, что должно было означать: «Я этого ждал», и, хмуря изломанные, своеобразной формы брови, удвоил скорость.

— Диего, я знаю, что ты здесь, — раздался тот же голос, уже значительно ближе. Сквозь шорох слабого прибоя и бульканье воды в трещинах между камнями явственно послышался скрежет гравия дорожки, бегущей вдоль берега. На бледно-розовых больших губах юноши появилась торжествующая усмешка; он принялся поднимать парус.

Из-за скал показалась красивая молодая женщина в цветастых шортах и свободной рубашке с короткими рукавами. Она очень походила на юношу цветом кожи, смоляно-черными длинными волосами и формой бровей; впрочем... нет, ее брови лишь изгибались, они не казались изломанными. И глаза ее были всего лишь только ярко-желтыми; в них не плавилась бледное золото и янтарь.

Она продолжала идти к берегу, к серому прямоугольнику причала; ее взгляд, впившийся в юношу, будто стремился пригвоздить последнего к месту. Но — бесполезно: юноша с быстрой улыбкой потянул за шкот, высвободив парус, в первое мгновение походивший на тонкий, бессильно обвисший бледно-салатовый мешок. Однако тут же, ощутив движение воздуха, светлое полотнище захлопало, вздуваясь. Юноша с силой оттолкнулся ногой от столба причала; парус меж тем расправился, поймав ветер и наполнившись — и ближе к носу на проа распустился, выгнувшись,

широкий треугольный лепесток спинакера. Легкого ветерка было для него вполне достаточно; со все возрастающей скоростью проа начал отходить от причала.

— Куда ты собрался? — женщина почти вбежала на причал и вынуждена была остановиться: проа уже находился вне пределов досягаемости.

— В Эрифизл! — крикнул Диего весело.

— Я ведь просила тебя не ходить сегодня к космопорту! Мы должны с тобой поговорить... Я... Диего!

— Поговорим, когда я вернусь, мама! — долетел ответ.

Проа постепенно набирал ход. Темная фигура Диего казалась нарисованной на зеленом холсте сливающихся спинакера и грота, перечеркнутом темной линией мачты; ветер, усилившийся на открытой воде, трепал его длинные волосы.

Женщина некоторое время стояла неподвижно, глядя на удаляющийся парусник, тающий в ясном лазурном небе, зеленеющем к горизонту. На ее лице было раздумье. Волны тихо, словно бы не желая мешать, лизали серые столбы причала, уходящие в прозрачную воду.

Могло бы показаться странным, что юноша назвал эту молодую женщину матерью: она выглядела примерно на тридцать стандартных лет. Но то биологический возраст; в действительности ей было немногим меньше семидесяти. Ей предстояло остаться такой же на протяжении еще полутора или двух веков — ничего удивительного, ведь уроженцы Феодально-го Мира Магао очень надолго задерживаются в биологическом возрасте тридцать-тридцать пять лет. Долгожителями среди них считаются те, кто едва-едва не достиг трехсотлетнего юбилея...

Женщина уже не могла различить бледно-салатовое пятнышко паруса, потерявшегося в блеске морской

воды, облаках и их отражениях, и темных линиях далеких островов где-то там, у самого горизонта. И все же она еще стояла, вглядываясь вдаль.

— Я зря надеялась, — пробормотала она едва слышно. — Зря... Может, он действительно рожден, чтобы летать... но все же нам достаточно и одного Марио.

Поздним вечером этого же дня, за ужином, Рикардо Коссо, взглянув на серьезное, задумчивое лицо жены, осведомился у сына:

— Лилиан сказала мне, что ты сегодня снова ходил на остров Эрифиэл. К космопорту.

— Да, папа, — подтвердил Диего небрежно, целиком поглощенный собственной трапезой. Сегодняшний его заказ киберкухне не включал ни единого местного блюда — как и вчера, и позавчера, и во все предыдущие дни. Он пренебрегал пищей, произведенной на Магао. — Да, я ходил к Эрифиэлу. И что из этого?

— Если ты помнишь, у нас должен был состояться некий разговор, — произнесла Лилиан. — И думаю, ты знаешь также, о чем этот разговор. Он о твоём выборе профессии.

— Социального статуса, — невнимательно поправил Диего, придвигая к себе мелкое блюдо с какими-то инопланетными фруктами, привезенными им сегодня из Эрифиэла. — Свободный пилот — это социальный статус, мама.

— Неважно, — отмахнулась она. — Послушай меня. Тебе прекрасно известно, что мы с Рикардо не хотели бы, чтобы ты улетал с Магао. Разумеется, мы не станем навязывать тебе нашу волю, но... Диего, подобные решения... я хочу сказать, решения, подобные твоим, принимают только хорошо подумав. Ты уверен, что ты все трезво взвесил, все оценил? Я знаю, у тебя богатое воображение — так вот, в нашей ситуации оно скорее враг, чем друг.

— Марио пропал, когда учился на Поисковика, — добавил Рикардо. — Мы не хотим, чтобы и с тобой случилось...

— Со мной ничего не случится, — перебил Диего. — Он пропал, когда учился, да, но это абсолютный нонсенс. Никто и никогда не пропадает, когда учится, на пилота ли, на Поисковика. Так что, он, может, сам все это..., — увидев, как мрачнеют лица родителей, Диего тут же заверил: — Но я не хочу и не захочу становиться Поисковиком. Меня не привлекают такие вещи, я вам много раз это повторял. Я хочу стать Свободным пилотом, только и всего.

— Я хотел бы верить, но..., — Рикардо покачал головой. — Ты можешь этого не знать, но все, о чем Марио мечтал вначале, это сделаться пилотом-рейсовиком на большой пассажирской линии. Уже потом ему захотелось большего.

— И он поступил в Школу Поисковиков, — продолжила Лилиан за мужа. — Даже не отучился там... Если бы он выучился и попал на поисковый «крей-

сер» и погиб во время исследования новой планеты, нам было бы легче вспоминать его. А так... Эта глупая история с вызовом домой, когда мы вовсе не вызывали его...

— Хватит, мама! Когда ты долго думаешь обо всем этом, ты расстраиваешься, — Диего поднялся и вложил опустевшие тарелки в темную пасть утилизатора, скрытого в стене. — К тому же... В отличие от Марио, я знаю точно, чего хочу. — Он помедлил; взял со стола какой-то инопланетный фрукт, круглый, зеленый, в выступающих мелких ребрышках. Перебрасывая его из руки в руку, Диего продолжил: — Да и потом, Джина живет рядом, на Коломби. Соседняя планета — рукой подать. И она никуда не стремится из этой системы. Разве Джина вам не достаточно? — он недовольно смотрел на родителей, не заметив, что в его последнем вопросе чересчур явственно прозвучали нотки пренебрежения, порожденные наивным бессознательным, эгоизмом, который многим присущ в возрасте Диего.

— Дело не в том, чего нам достаточно и кого нам достаточно, — отрезала Лилиан. — Мы говорим о другом. Твоя старшая сестра — гениальный светохудожник, и она нашла себя в творчестве. Ты же руководствуешься сиюминутной, необдуманной идеей... погоди, дай мне сказать. Твое решение... слишком напоминает мне решение Марио. А результат его решения тебе прекрасно известен: вместо двух сыновей у нас только один!

— Я тоже нашел себя, понимаешь? — возразил Диего чуть раздраженно. — Просто я должен быть Свободным пилотом. И я решил это не за один день. Я шел к этой мысли постепенно, и много думал... Только вы оба никак не хотите этого понять... Мама, мое стандартное образование завершено, а я сижу здесь, вместо того, чтобы попытаться поступить в пилотскую Школу. Конечно, я не хочу причинять вам неприятности, заставляя переживать, но... Что же мне теперь, всю жизнь просиживать задницу на Магао?! — он почти сорвался на крик.

Повисло молчание. Рикардо тяжело взглянул на жену; она едва заметно пожалала плечами.

— Не кричи, — устало сказал отец. — Мы ведь не собираемся тебе препятствовать. Мы просто не одобряем твоё решение... Хотя, только время покажет, правильное это решение или нет. Значит, ты собираешься улетать. Когда?

— Скоро. Кстати, мне обещали помочь с поступлением.

— Кто? — спросил Рикардо, подходя к огромному овальному окну. По причине жары оно было открыто — стена вобрала в себя прозрачный, как слеза, лист ударопрочного стеклопласта — и ветерок приносил в комнату влажное теплое дыхание океана и запах водорослей, выброшенных волнами на берег. — Кто мог обещать тебе помочь? — повторил Рикардо, чья фигура казалась черным силуэтом на фоне закатного неба.

— Один Свободный пилот, — ответил Диего. — Я познакомился с ним недавно.

— Он с Магао? — поинтересовалась Лилиан. Перед тем, как заговорить, Диего взглянул на нее; в белом сиянии светильника, выступающего из стены над столом, мать показалась ему немного уставшей.

— Он сказал, что родился на ФМ Поландис, — произнес он осторожно. — Значит, он феодал. Конечно, я не могу быть уверен, что это правда, потому что еще не умею определять по внешности, где человек родился. Но длинные волосы... Да и потом, какая в конце концов разница?

— Как вы познакомились? — прервал его Рикардо.

— Случайно, — ответил его сын. — Я споткнулся об ногу этого пилота. Ну, не заметил..., — он смущенно усмехнулся. — Когда мы разговорились и он узнал, что я хочу стать пилотом, он сам предложил мне помочь. Экзамены в пилотских школах — приемные, я имсю в виду — бывают раз в полгода, так вот скоро как раз... Он мог бы отвезти меня в какую-нибудь школу. У меня есть еще два или даже три дня, чтобы принять решение, ехать или не ехать с ним. Понимаешь, он пробудет на Магао еще максимум три дня. Он кого-то ждет в космопорту Эрифиэл. Такое у него задание. Работа, проще говоря.

Снова возникла пауза. Диего смотрел за окно, на нежные краски желто-оранжевого заката, пламенеющего над вершинами редких деревьев, растущих среди скал. Тишину нарушила Лилиан, спросив:

— Ты абсолютно уверен, что можешь доверять этому человеку?

— Да, — твердо ответил Диего, не отрывая глаз от великолепия закатного неба.

— Ну что же... — Рикардо оглянулся на жену. — Мы с Лили сегодня еще раз подумали, обсудили ситуацию. Ты был в это время на Эрифиэле... Мне не хочется этого говорить, но ты уже взрослый и имеешь полное право распоряжаться собой. — Он помедлил. — Удерживать тебя мы больше не станем, но, Диего, если ты свернешь себе шею, то виноват в том будешь только ты один. Запомни это, пожалуйста.

— Я..., — Диего осекся, точно не зная, как выразить чувства, вызванные словами отца. — Я запомню, папа, — он умолк ненадолго. — Тогда... завтра я схожу в Эрифиэл и скажу тому пилоту, что принимаю его помощь, и пусть он отвезет меня в какую-нибудь Школу пилотов... Мама?..

— Все хорошо, Диего, — ответила та с легкой, немного грустной улыбкой. — Я просто подумала, как же быстро ты вырос...

— Очень быстро, — кивнул Рикардо. — К сожалению.

На следующий день Диего в который раз провел свой маленский проа по давно изученному пути через острова Моэринского архипелага, к острову Эрифиэл, где находится одноименный город-космопорт.

Выбор Эрифиэла, как места для постройки космопорта, был не случаен: он являлся единственным достаточно крупным островом во всем Моэринне. Подобная проблема, выбор места для города, а уж тем более для космопорта, в общем-то типичен для Магао. Это мир островов, мириадами разбросанных в чуть солоноватых водах мелкого океана, нередко образующих архипелаги; то, что почитается здесь почти за континент, на другой планете едва сошло бы за действительно крупный остров.

Немолодой Свободный пилот был, похоже, доволен решением Диего. Он еще не собирался улетать, но обещал, если даже обстоятельства и изменятся, все равно дождаться парня, в чьих янтарно-золотых глазах под изломанными бровями тлело что-то знакомое и давно забытое.

Потом проа доставил Диего обратно, к его родному острову, и это был последний раз, когда темно-зеленый парусник разрезал жидкое стекло волн, управляемый своим беспокойным хозяином, грезящим об иных землях, желающим оставить позади ветер, теплые бриллианты брызг и пронзительные крики узкокрылых танарков, парящих высоко в небесной лазури.

Родители Диего были приятно удивлены, узнав, что ближайшая пилотская Школа находится на соседней планете Коломби, втором обитаемом мире системы Золотое Кольцо. Марио, который уехал учиться едва ли не на другой край Объединенных Миров, они не могли видеть чаще двух раз в год, во время каникул; ну, а с соседней планеты наверняка удастся заглядывать на Магао почаще...

Утром другого дня Диего вызвал из Эрифиэла гравитакси. Он не хотел, чтобы его провожали, а в случае, если бы он отправился к космопорту на проа, подобное было бы неизбежно, ведь кому-то пришлось бы отвести парусник обратно, к острову, который Диего покидал.

Родители молча дошли вместе с ним до серебристой вытянутой капли такси, и лишь поцеловали перед тем, как он забрался внутрь через овальный проем дверцы. Говорить было ни к чему: все уже было сказано ранее... Диего исчез внутри гравилета, проем дверцы зарос, и вытянутая капля машины взмыла в зелено-голубое утреннее небо, сверкнув на прощание платиной гладкого бока. Рикардо и Лилиан осталось лишь проводить ее глазами, следя, как серебристая искорка уменьшается и гаснет в ярком небе, по которому быстро бегут легкие облака, похожие на распростертые крылья.

А Диего ждал получасовой полет между небом и морем, в ярких лучах белого солнца. Черда островов промелькнула внизу, под плоским днищем такси, и впереди показался Эрифиэл — ширящаяся полоса близ горизонта.

Потом он стоял посреди огромной, белой с зеленым, полусферы первого этажа космовокзала, где ему

назначили встречу. Он находился на пороге своей мечты; предвкушение близкого волшебства заставляло его душу вибрировать, будто камертон; его глаза — бледное золото, обрамленное янтарем — блстели, яркие, ясные, жадные до новых впечатлений, которые жизнь готовилась предложить ему.

Очень скоро Диего увидел невысокого мужчину со стянутыми в хвост длинными черными волосами и кожей темного охряно-рыжего цвета. Мужчина был затянут в густо-синий бархатный комбинезон без отделки; на левом запястье, выделяясь на темной ткани, сверкал знак Свободных пилотов — гибкий, эластичный серебряный браслет, с тремя алмазными звездами над тыльной стороной кисти.

— Значит, ты не передумал, — с мягкой улыбкой сказал пилот, подходя. У него было немного груссирующее произношение; оно резко контрастировало с жестким акцентом уроженцев Магао.

— Я не мог передумать, — покачал головой Диего, остро ощущая, каким зеленым и неопытным он выглядит рядом с этим инопланетником. Каким он выглядит... сопляком. И все же...

Пожилой Свободный пилот усмехнулся, глядя на него:

— Чувствуешь себя хозяином жизни, правда? — спросил он. — Уверен, что удача сама просится в руки... У меня было так же, — в его голосе прозвучало что-то ностальгическое. — На самом деле, все это не совсем верно... Ты сам это поймешь потом, когда придет время. А сейчас нам пора. Человек, которого я ждал, не появится; так что я, как и обещал, отвезу тебя на Коломби. А там, прежде чем отправиться в школу пилотов, ты за несколько дней подучишь галактографию. Я тебе помогу.

— Но я и так немного знаю галактографию...

— Разве тебе помешает, если ты улучшишь свои знания?

Уже шагая рядом со Свободным пилотом к космодрому, Диего спросил:

— Почему все-таки вы делаете это для меня?

Пилот усмехнулся, покосившись на него, сосредоточенного и взволнованного одновременно:

— Потому что сам был в свое время на твоём месте.

... Глядя из рубки корабля, принадлежащего Свободному пилоту, на родную планету — аквамариную среду в причудливых разводах облаков — Диего на секунду закрыл глаза. Он не мог разобраться, что за чувства владеют им в настоящий момент... Он окунулся в хаос собственных эмоций, а когда открыл глаза, то уже знал, что мог бы сказать холодным равнодушным звездам, взирающим на него издалека.

— Вот, наконец, пришло и мое время, — беззвучно шепнули его губы. Огоньки звезд сияли на черном бархате пустоты; для них ничего не значили слова человека, чья жизнь составляла лишь краткое мгновение их бытия.

Шли годы, и уроженец Магао менялся. Юноша исчез, переплавился в совершенно иного человека.

Теперь, в тридцать пять лет, Коссо ничем не напоминал того парня, каким улетел с другой планеты. Время отняло у его лица нежную плавность черт, взамен дав жесткость и некоторую грубоватую резкость; оно сделало его рост выше, а тело — много массивнее и тяжелее благодаря крепким мышцам, бугрящимся под коричневой кожей. Но то — изменения внешние; постепенная душевная трансформация, предстоявшая юноше с Магао, была, пожалуй, гораздо больше физической... И в отличие от последней, порой причиняла боль.

Рис. Полины Пиратинской

Он обрел звезды — и потерял мир, в котором родился, а с ним вместе и себя такого, каким был раньше. Отлет с Магао оказался подобен изгнанию из рая: позади остались покой, безмятежность, свобода и, как он понял слишком поздно, осталось его счастье; впереди ожидали трудности и разочарования, которые жизнь не уставала подбрасывать ему, будто забавляясь. Коссо понемногу делался жестче, злее, циничнее — это было неизбежно. И каждый новый его визит на Магао становился мучительнее предыдущего. Он так легко расстался с миром островов, так беспечно оставил его... чтобы потом обнаружить, что Магао — драгоценность. Драгоценность, которую он отнял у себя самого. Ветер и волны понемногу стали вызывать у Коссо тоску; слепящие блики на воде заставляли глаза болеть; лунные блески в ночном небе рождали в его душе ощущение пустоты. Мерный шум прибоя делал его подавленным и нервным, а крики танарков терзали чувством непонятной вины; но более всего его мучило острое до боли осознание того, что он здесь чужой. Он отверг Магао ради неясных грез; и он больше не был достоин его свежего ветра, почти пресных теплых волн, серебристой хвои деревьев, дождей и небесной лазури.

В двадцать шесть лет он побывал на Магао последний раз и, улетаю, пообещал себе никогда больше туда не возвращаться.

Итак, родная планета стала для Коссо своего рода закрытым миром. Взамен он получил...

Великолепный космолет типа «охотник», неуклонно растущий счет в башке и работу в фирме по оказанию частных услуг гражданам Конфедерации — такую же, как и у большинства Свободных пилотов. И, конечно же, браслет — гибкое серебро с тремя четырехлучевыми звездами из отвержденной алмазной плазмы.

А еще — вечную неустроенность, вечную смену миров и невозможность обойтись без этой смены, пронзительную красоту планет, которые успел посетить, и... одиночество. Сейчас, вот уже два года, одиночество снова, потому что Дункан, его сверхпес, вырос достаточно, чтобы у него появились собственные дела и заботы, первая из которых — учеба в специализированном отделении пилотской Школы ФМ Оди-лэн. Друзья — двое Свободных пилотов — видятся с ним слишком редко, чтобы одиночество ушло прочь. Впрочем, к одиночеству он привык...

Работа, к которой он рвался, о которой мечтал, оказалась куда более скучной, куда более пресной и куда более однообразной, чем представлялось Коссо давным-давно. Оттуда, с расстояния в семнадцать лет тому назад, будущее виделось ему радужным и прекрасным. Сверкающее видение в волшебной таинственной дымке; оно обещало так много и дало так мало... Эфимерная возможность утолить жажду бродяжничества, которую в действительности утолить невозможно, ибо каждый новый глоток разжигает ее все сильнее... Что же, ведь он, как выяснилось, именно этого

и хотел. Не так ли?

Но неизменно, где-то в дальнем, потасном уголке души, Коссо находил воспоминания о криках танарков, грохоте штормовых валов, обрушивающихся на мокрые скалы, о брызгах на опаленной солнцем коже, о парусах Магао.

Можно ли жить с этим, жить ради этого? Коссо жил... пожалуй, ничего не желая менять. Он не смог бы сказать, к чему стремится, но не знал, хорошо это либо же нет.

Несмотря на свое обещание, несмотря на боль, какую причиняла ему красота родной планеты, он, пожалуй, все же мог бы прилететь на Магао еще раз, влекомый тоской по лазурному небу, зеленеющему к горизонту, хлопанью паруса, вздохам волн и шепоту деревьев на ветру... Мог бы. Но возвращение это не имело бы смысла. Ведь ничто и никогда уже не будет так, как прежде; он никогда не сумеет вновь взглянуть на мир глазами восемнадцатилетнего — и очень жаль, что это так. Ему никогда не вернуть тех чистоты и ясности восприятия, которые остались там, в семнадцать лет.

Поэтому сейчас Коссо сидел на террасе кафе и смотрел на ленивые, пологие маленькие волны узкого залива, дремлющего в жарких лучах оранжевого солнца — в невообразимой дали от Магао. Ему было уже тридцать пять.

Если бы знать, каким ему суждено сделаться еще через семнадцать лет...

Коссо ощутил удар по своим ногам, вытянутым в проход между столиками, и встретился взглядом со светлыми болотно-зелеными глазами невысокого паренка, выглядящего очень смущенным.

— Простите, — пробормотал тот. — Я не заметил, что там были... ваши ноги.

Коссо молча освободил проход к баллustrаде. Ему стало сперва смешно, а потом чуточку грустно, когда он перехватил взгляд паренка, стремленный на браслет, отвечающий серебром на правом запястье инопланетника.

— Хочешь быть пилотом? — усмехнулся Коссо, тут же почему-то пожалев, что задал этот вопрос.

— В общем-то, да, — кивнул паренек.

— Я так и думал, — Коссо усмехнулся опять. — Ну, если хочешь об этом поговорить, садись. У меня есть время. Можем заказать тебе что-нибудь... Садись.

Итак, история повторяется, хмыкнул Коссо про себя. Раз за разом. А ведь можно было бы рассказать этому парню, что такое — быть пилотом на самом деле. Он узнал бы все заранее, узнал, что надежды и грезы уходят, и остается реальность, вовсе не такая, какую воображал себе.

Хотя... быть может, как раз это и нужно зеленоглазому уроженцу Наплиса-2, сажаящемуся за стол инопланетника. Именно это... Нет, сказал себе Коссо, глядя в открытое лицо парня, нет, я промолчу. Промолчу, потому что — как знать — может, именно то, что ждет его впереди, и нужно этому мальчишке...

Елена ЗАХАРОВА

В литературном объединении «Горный родник», которым вот уже пятый год я руковожу в горно-геологической академии, редко какое обсуждение стихов и прозы проходит без взволнованных, но тем не менее всегда умных, взвешенных и обстоятельных суждений Елены Захаровой. Её незаурядная эрудиция и взыскательная доброжелательность, думается, не раз помогли обсуждаемым авторам не только по новому взглянуть на предлагаемые ими «шедевры», но и помогли (а это главное!) разобраться с дальнейшими путями творческого развития...

Тот, кто знает Захарову — авторитетного в нашем городе киноведа и журналиста, пишущего иногда и собственные стихи, — не особенно удивился тому, что она, немного расширив свою авторскую палитру, стала недавно и автором серьёзной литературоведческой книги, в которой, безусловно, проявила себя талантливым и чутким исследователем современной русской поэзии.

В стихах самой Елены Захаровой, заряженных нравственным поиском истины, меня привлекает прежде всего её взыскательная гражданская позиция, ответственность храброй души, которая знает, что за счастье стоит бороться, и что от колючих проблем жизни невозможно спрятаться в глухую норку:

И жизнь бескрайняя, как море,
К моим ногам шлёт свой прибой,
А молодость боится горя
И тщетно борется с судьбой.

Это стихи не только честно думающего, но и честно чувствующего человека, ибо и в жизни — так уж она воспитана — Елена Захарова готова всегда «невечную правду искать» и не только потому, что не доверяет ржавым шаблонам и дутым авторитетам, а в первую голову затем, что надеется, «что у судьбы должно быть продолжение»...

Юрий Конецкий,
Академик Поэзии

То ль Фортуны качу колесо,
То ли с мельницей пробую биться,
Только смотрит мне время в лицо,
И земля продолжает кружиться.
Я хочу защищать, улаживать,
Пробуждать, утешать в час печали
И не только другого понять —
Я хочу, чтоб меня понимали!
Чтобы жизнь моя грела, как печь,
И к ней жались усталые люди,
Чтоб звучала негромкая речь,
Вытекая из пасмурных буден.
Я не знаю другого пути,
Как за солнцем идти через ночи,
И должно мне порою везти,
А порой, к сожаленью, не очень.

Счастье

Да, есть у счастье возраст свой,
Оно чем старше, тем богаче,
Смешна ухмылка неудачи —
Другой масштаб и шаг другой.
В невстерче ждёт возможность встречи,
Стихи безгласные слышной,
Звучат несказанные речи,
Перекликаясь много дней.
И жизнь бескрайняя, как море,
К моим ногам шлёт свой прибой,
А молодость боится горя
И тщетно борется с судьбой.

Неслучившееся — ложно,
Настоящее сбылось,
Прояснило всё, что сложно,
Время, пройденное врозь.
После всех противоречий

Что-то общее нашлось.
Привело нас к новой встрече
Время, пройденное врозь.
На душе легко, как в детстве,
Столько новых сил нашлось,
Мы прошли, должно быть, вместе
Годы, пройденные врозь.

О тысяче житейских пустяков,
Как и всегда бывает, позабуду,
Но роскошь ненаписанных стихов
Опять меня сопровождает всюду.
И новых рифм полна моя казна,
И новая звезда зовёт на битву,
И снова я читаю допоздна
Чужие строки, будто бы молитву.
И шелестела летняя листва
Все эти промелькнувшие недели,
И новые, и вечные слова
Как дерево, листвой меня одели.
Уходит век, мне доверяет он,
Как будто я владею даром речи,
Как будто в силах синий небосклон
Я с легкостью взвалить себе на плечи.
А силы нет, но вера есть одна,
Что у судьбы должно быть продолженье,
И жизнь ко мне по-прежнему нежна
И призывает к вечному движенью.

С чужою печалью, разлукой, заботой
Поэзия сладит на миг,
И сразу во мне пробуждается что-то,
Светлеет мой заспанный лик.
Пусть дремлют иконы в застывших окладах,
Святос моё ремесло
Сочувствием к людям будить в себе надо,
Чтоб стало кому-то светло.
Всё та же звучит неизменная скрипка,
И плачет от счастья душа,
Удачная строчка, простая улыбка,
Широкая жизнь без гроша.
И в будущем где-то, и в прошлом когда-то,
Вне прочих расчётов и благ,
Лишь тем и богаты, что издревле свято
Удачник, трудяга, бедняк.
Должно от души и с любовью нам петься,
Пусть солнце закатно горит,
Но, если заглянет в мятежное сердце,
Наверно, Бог нам простит.

Жизнь, как всегда, нелегка и нелепа...
В предугаданьях судьбы
Часто мудры мы бываем сослепу
И по рассудку — глупы.
Часто добры мы бываем на деле
К тем, кого громко клянём,
И, удаляясь от избранной цели,
К истинной цели идём.
Только бы не было с нами иначе
И стороной унесло
Горе потери под видом удачи,
Лаской сокрытое зло.
Я доверяю всегда содержанью,
С формой не будут в ладу
Шутки природы, ошибки познания,
Радости в трудном году.

С веткой сцеплена ветка, —
Замыкает наш век,
Словно книгу — виньетка,
Дней естественный бег.
В неразрезанной книге
Мы найдём, как всегда,
Озарения миги,
Заблуждений года.
Не порыв, не круженье,
Не предел, не итог,
Новый век — продолженье
Предыдущих эпох.
Там всё те же герои, —
От себя не уйти, —
Им труднее порою
Снова в гору идти.
Век исчерпан, излечен,
Перечёркнут не раз,
Перекрыт, искалечен
Ложью суетных фраз.
Но не надо про это...
Мы всё это прошли,
И конца нет у света,
Как краёв — у земли.

Не растратила то, что имела,
Что болело, уже не болит,
Пронеслось стороной, отгремело,
И душа отошла от обид.
То, что я сочиняла упрямо,
Что искала, возможно, нашла.

Только б дольше жила моя мама,
Только б дружба надёжной была!
Каждый день – он почти повторенье
Повседневных, привычных забот,
И в бездонном души измереньи
Неизбежное счастье поёт.
Как трава меж корнями пробилась,
Я сквозь годы пробилась к судьбе.
Что б ни выпало, что б ни случилось,
Я надежду оставлю себе.

Есть милая незавершённости
В сегодняшнем, скрывшемся дне,
Свою не теряют условность
Узоры на льдистом окне,
Но зимнее очарованье
В себе затаило весну,
Как будто предвестье, предзнанье
Счастливому вешнему сну.
Пусть жизнь все исполнит желанья,
Всё сбудется, всё совпадёт,
Но пусть остаётся предзнанье,
Что лучшее только грядёт.

От одного настоящего слова,
Жданного, может быть, век,
Сердце моё переполнилось снова
И участило свой бег.
И от одной судьбоносной минуты
Воображенье вздыбилось круто, произошёл поворот,
Мысли куда-то несёт.
Но воспарившие над настоящим,
Самодовольства полны,
И совершаются промахи чаще,
Если сбываются сны.
Только бы мне удержаться в полёте,
И не попутал бы бес
Остановиться в духовной работе,
Камнем свалиться с небес.

Во мне перепутались все времена,
Тьмы истин и сотни легенд,
Душа впечатлений неясных полна,
Которым и имени нет.

Пришла с неожиданной чувств полнотой
Другая эпоха ко мне,
Где дружба с любовью и счастье с бедой
Не гибнут в воде и огне.
Срывается что-то весомое с уст,
Лавиной мчит разговор,
Весь мир, что казался мне хрупок и пуст,
Разросся величием гор.
За мелкие темы цепляясь душой,
Я в них нахожу высоту,
Себя ощущаю нежданно большой,
Как будто бы к звёздам расту.
Я мир постигаю опять и опять,
Я к книгам и людям тянусь...
Себя бы постигнуть, себя бы понять,
Но чувствую: не разберусь!

Мы редко прощаем и часто плошаем,
Не зная до старости лет:
Ошибки, которые мы совершаем, –
Ошибки они, или нет.
И нас вынуждала судьба на уступки,
Но в мудрые поздние дни
Мы всё беспокоимся: наши поступки –
А вдруг не поступки они?
И, если на ветер красивые фразы, –
Зачем они сказаны мной? –
Не в силах понять человеческий разум
И вряд ли поймёт взвешенной.
Деревьям – расти, человеку – работать,
Чтоб мир не пошёл на дрова.
Вот так и слагается жизненный опыт:
Ошибки, поступки, слова.

В тепле домашнем и вдали от дома
Утайкою от любопытных глаз
В нас всё преобразится незнакомо,
Как в музыке, прослушанной не раз.
И скромный день, обычный день недели
На все другие будет непохож.
В судьбе среди случайных совпадений
Одно несовпадение найдёшь.
Смешаются обиды и удачи
В один непостижимый разговор,
И повторятся снова. Но иначе:
Всё позднему уму наперекор.

Светлана ЭСТ

Светлана Эст – псевдоним Стерляговой Светланы, студентки Пермского государственного педагогического университета. Как по этому поводу шутит она сама: “В махровой форме мой псевдоним – Светлана фон Эст, урожденная Мюнхгаузен”.

Публикуется с 1998 г. Дебютировала в пермской газете “Молодежная часть света”, затем сотрудничала с редакциями газет “Пермские новости”, “АиФ-Прикамье”. В 2000 г. заняла II место на конкурсе юмористического рассказа, проведенном пермской газетой “Что-РИНГ”.

В журнале “Уральский следопыт” опубликованы рассказы Светланы Эст “Совриголова” и “М + Д = ”. В 2001 г. заняла I место в конкурсе “УС” “Большие надежды” в номинации “Проза” с рассказом “Браслет раджи”.

“Я решила открыть свое собственное литературное направление: дзень-светоизм. Друзья, компьютер, “приколы”, дискотека, весна, школьные годы, вуз, “дас ист фагтастиш”, книга, “первая любофф”, ростки, спорт – моя тематика, и свет, свет, свет из каждого написанного слова. В общем, полный абзац!” – такова жизненная установка молодого и талаптливого автора из г.Перми Светланы Стерляговой.

Ай ловлю Рыбу Кэт

В школьном кабинете химии, за окнами которого сырими пластами давили город низкие зимние облака, стоял неопределенный, но отчетливый запах реактивов, кислот и чего-то жженого.

– Циик плюс аш два эс о четыре... – повысив голос, сказала учительница Майя Александровна и хотела нарисовать мелом на доске прямую стрелку, но отвлеклась, и у нее получилось что-то вроде рыболовного крючка. – Кирилл, ты, я вижу, совсем засыпашь!

– Он не засыпает, а клюет носом, – сейчас же отозвался Дима Вотинов, которому давно был нужен тонкий собеседник, потому что, отсиди он молча целый урок, его могло рвануть, как перегретый котел на паровозе братьев Ползуновых, и тогда спиртовки и штативы улетели бы к спортзалу, а то и дальше, к учительской.

– Засыпать прикорм и клевать – это как реакции разложения и соединения – диаметральные противоположности, – сказал Кирилл ровно половине того, что знал о химии. Он, действительно, несколько заскучал на уроке, потому что приехал с подледной рыбалки поздно ночью из-за ремонта отцовского “джи-па”, вдруг отказавшего, ни тпру ни ну, на обратном пути.

– Могу я чем-нибудь помочь? – ядовито спросила Сурьма, отнюдь не без оснований имевшая прозвище из кусочка фамилии Сурикова и инициалов.

– Мне слово “литий” нравится, – согласился на ее услуги Кирилл, похожий на индейца-апача бесстрастным выражением горбоносого лица, на каком никогда и ничего нельзя было прочесть. – Оно бодрит, даже возбуждает.

– Да?.. Литий, литий, литий, литий, литий, – зачастил Димка, решив поэкспериментировать над классом, так как его обезьянья натура каждую минуту требовала очередного прыжка по раскидистым ветвям дерева жизни.

– Не останавливайся, – с деланной томностью простоил кто-то с заднего ряда столов, после чего все истоиво – так богомольцы припадают к чудотворной казанской иконе Божьей матери – склонились над учебником органической химии, пытаясь скрыть улыбки.

– Натрий!!! – совсем уж рассвирепела “химичка”. – Вотинов и Олешкевич, выйдите вон!

Сценарий был привычным: сверхстрогая Майя Александровна прогоняла с каждого урока до десятка выпускников по малейшему подозрению в легкомысленном отношении к ее предмету, поэтому Кирилл без угрызений совести пошел в столовую, пока туда не совершила набег Золотая орда из младших классов.

Большая перемена только началась, когда он, вернувшись, сел на свое место.

...Теплые ладони неожиданно закрыли ему ошелом-

ляющий вид на школьную доску, а над головой прозвучал Катин голос:

— Угадай, кто: Зоя Владимировна или Сурьма?

— Сурьма Владимировна, — ответил Кирилл.

— Нет, это я, твое счастье! — сказала Катя, не обращая внимания на других мальчишек-одноклассников, которые с затаенной ревностью наблюдали, как она разговаривает с Олешкевичем. — Я пришло!

Кирилл напрягся в попытке выловить скрытый смехок в бархатистых переливах глубокого женского контральто, которым обладала классически длинноногая секс-бомба Екатерина Рыбникова, потому что ее простая до искренности интонация сбивала с толку.

Катя была невозможно красива и по роскошности и длине кудрявых волос превосходила Венеру с картины Боттичелли. Кроме того, девушка имела фиалковые глаза и ослепительные-белые зубы, выравнивая которые в седьмом классе она целый год ходила очень забавная, с металлическими блесками брикетов во рту. Такие совершенные лицо и фигура не могли остаться безнаказанными, поэтому Кирилл считал Катю дурой, что спасало его, чуть ли не единственного во всей школе, включая двух физруков, от наказания по имени Екатерина.

— Чё те, мое горюшко? — осведомился Кирилл. — Как пришло, так и уходи. Не буди лихо, пока оно тихо: “декабристы разбудили Герцена”, Герцен разбудил революцию.

— Революция разбудила Сурикову, Сурикова разбудила Кирилла, — вклинился в диалог Димон, вдохновенно дирижируя апофеозу сосиской в тесте, которую он принес из столовой.

— Умный, — не понятно, кого имея ввиду: Герцена, Диму или Кирилла, — сказала Катя. — ...Кирилл, ты когда обратишь на меня внимание?

Помимо красоты природа наградила ее живым энергичным характером, хоть и без того достоинств Екатерины хватало бы на целый класс. Если ей за день раз пять не предлагали встретиться и никто не пытался узнать номер ее телефона, если около нее, идущей по улице, не останавливалась ни одна иномарка — Катя считала год неурожайным, но от случайных знакомств, особенно с богатыми стариками, она категорически отказывалась, потому что знала себе цену.

— Сенсация! — заголосил Дима и стал наговаривать в “хот-дог” как в микрофон: — Репортаж с места события ведет специальный корреспондент радио “Европа плюс” Дмитрий Вотинков. Сегодня мы в гостях под партой у будущей артистки-куплетистки Кэтрин Ры и у будущего экономиста-авантюриста Кирилла Олешкевича. Они мои одноклассники, поэтому говорить со мной откровенно не собираются, хотя я наврал, что изменю их имена: Кирилла назову Екатериной и наоборот. ...Кирилл, скажите, какие финансовые махинации числятся за вами?

— Слышал про Великую американскую депрессию

1929 года? Ну, так вот, это сделала я, — доверительно наклонившись к сосиске-микрофону, сказал Кирилл, но поскольку он все равно не дотягивался, ему пришлось отвечать и на следующий вопрос: “Что вы чувствуете при виде артистки Кэтрин Ры?”

— Пол-но-е удовлетворение. Катя меня заводит. Вчера я целую ночь писал для нее стихи, поэтому заснул на химии и увидел ее в эротических снах. Я проснулся весь... — Кирилл перешел на невнятный полупшепот, и, регулируя уровень записи на булочке, Вотинков подошел к нему совсем близко — ...в рифму.

— Почему вы теперь претендуете только на серебряную медаль? — начал разнообразить темы Димонка, увлекшись игрой в журналисты.

— На золотую мне не хватает триста баксов, — чистосердечно признался Олешкевич и, поскольку сосиска наконец-то оказалась у его рта, откусил от нее в особо крупных размерах.

Так и не закончив свое эксклюзивное интервью, Дима, сменив жанр, начал журналистское расследование, призывая примкнуть к нему и Катерину, но она под предлогом того, что свидетели долго не живут, отказалась.

Быть выпускником — экстремальный вид спорта: спокойная текущая мелкая школьная жизнь, входя в пороги экзаменов, превращается в Ниагарский водопад, потом первым или вторым потоком ты должен поступить в вуз, иначе тебя ждут — не дожудтся! — армия и военно-морской флот, и пока есть возможность плавать только у доски, нужно ценить школу. Но не давала вредная Сурьма. Выставив Олешкевичу “четверку” за первое полугодие, Майя Александровна, имея вместо сердца в груди философский камень, превратила золото медали “За отличные успехи в учении, труде и примерное поведение”, на которую он претендовал, в серебро. Сначала уязвленный Кирилл решил сжечь химкабинет и уже пошел за напалмом, а затем перестал учить химию, потому что в Высшей школе экономики, куда он хотел поступать, ее, в отличие от Суриковой, не считали “главной наукой XXI века”. И, как Кирилл подозревал, могли вообще не догадываться, что есть такая дисциплина.

Когда уроки закончились, юркий Дима, винтами наматывающий на ходу свой шарф, догнал в вестибюле Кирилла и Катю, одетую в короткую норковую шубку — подарок сестры, имевшей магазин тканей “Нить Ариадны”, к совершеннолетию. Зачем Катерина поджидала его, Олешкевич не спрашивал, поскольку она всегда делала только то, что хотела — такова прерогатива красивых женщин.

— Димон, насмешь меня, — сказал Кирилл, пытаясь скрыть зевоту. — Спать хочется. “Да и сам я нынче что-то стал нестойкий, не дойду до дома с дружеской полойки”.

— Рыбникову можешь попросить, артистку-куплетистку, — отмахнулся Дима.

— Почему в твой дурной голове родилась мысль, что я стану актрисой? — спросила чем-то недоволь-

пая Кэт. – Вот возьму и растолстею. Или замуж выйду за Кирилла.

подавившись своим последним зевком, ее избранник ничего не сказал, но Вотинов, маленький рост которого, казалось бы, гарантировал нейтралитет по отношению к статной Катерине, вдруг начал сопротивляться:

– “Уж, замуж, невтерпех” – пишутся без мягкого знака. “Прочь, вскачь, невмочь” – пишутся с ним, родимым. ...Кирюха тебе не подходит!

– Я тебе не подхожу, – подтвердил Олешкевич, – поэтому я к тебе не подхожу. Логично.

– Кто говорил, что любой парень, не имеющего “тачки”, достоин презрения? А у него... – сказал Димон, вытянув в сторону Кирилла руку требовательным жестом Родины-матери “Ты записался добровольцем на фронт?”, – ... машины нет.

– Купит или сворует, – и не подумала менять своих убеждений Екатерина. – Ну, ладно, мальчики, я отчаливаю, потому что у меня примерка платья к 8 Марта: спинка декольтирована, сверху ботва из сетки, шнуров и бусин – очень миленько. Бай-бай!

– Сразу двинешься воровать или домой сначала зайдешь? – поинтересовался Дмитрий, провожая красотку взглядом. – И чего она в тебя втюрилась? Может, у тебя одело какой-нибудь особенный?

Кирилл, какого удивили слова приятеля, что, впрочем, никак не повлияло на его невозмутимость и благородный профиль Чингачгука, переспросил:

– Влюбилась в меня? Рыба Кэт? ...Ах да, я же сказал: “...Насмеши!”

– Никто не называет ее Рыбой уже с третьего класса. Странно называть Рыбой Синюю птицу, – с напускным пафосом сказал Дима, выдавая свои собственные чувства.

– Поэт, Пушкин, Иосиф Бродский! – восхитился Кирилл. – Поступай в Литературный институт!

– Я стану менеджером, – отверг все приглашения гордый Димон, сворачивая на “собачью” тропу, ведущую к остановке трамвая. – Правда, не понятно, кем это таким я буду, когда закончу вуз, но впереди пять лет, а за пять лет, может быть, я еще и догадаюсь, кем.

Поскольку Вотинов имел репутацию шута, осторожный и умный, как и пристало будущему экономисту, Кирилл сказанному не поверил. Во-первых, когда Катя успела полюбить его? Он бывал на уроках далеко не каждый день: подготовительные курсы, рыбалка, тренажерный зал, компьютерный клуб, друзья, причем не его собственные, а отца, взрослые, умудренные жизнью, тертые мужики – времени ни на что не оставалось, особенно, на химию. Во-вторых, за что? Никаких романтических или героических особенностей характера замкнутый Олешкевич за собой не признавал. Если Екатерина вдруг влюбилась в него такого, значит, она не просто дура, а совсем уж даун, но почему в таком случае у нее глаза не на выпучку?

В школе, поймав на себе мерцающий голубым све-

том взгляд девушки, Кирилл приходил в растерянность, его мысли начинали кружиться хороводом, но не около положений экономической теории Адама Смита, по которой ему предстояло написать реферат, а вокруг того нравится он Катерине или нет. Подавляющее большинство его одноклассников, чего Кирилл предполагать не мог, размышляло на эту же тему. Феномен Рыбниковой состоял в ее обаятельности; она все делала артистически красиво: отвечала у учительского стола и выглядела, как фотомодель с обложки “Космополитена”; была пунктуальной дежурной по звонку, и количество мальчиков, опоздавших на урок, возрастало в геометрической прогрессии.

По случаю 200-летия города в начале марта проводилось множество затей, поэтому, когда позвонил дядя Слава, брат отца, и договорился поехать в субботу на соревнования по подледному лову, Кирилл, что само собою разумелось, принял участие в подготовке к ним. Мотыля он купил на рынке сразу на всех и лично перебрал, оставляя самых красных мясистых и бодрых личинок комара-долгунца, в то время как папа Карло возился со своим новым дюралевым рыбацким ящиком, обшивая войлоком его сиденье.

– ...Кирюха, не посраим старинный шотландский клан О’Лешкевичей и Мак-Олешкевичей, – сказал дядя Слава на подходе к реке, крепкий толстый лед которой был заставлен разноцветными торговыми палатками, среди которых высилась легкая деревянная трибуна для мэра и других чиновников. – Правда, Лох-Несского чудовища здесь нет – его распугали приветственными речами. Но главный приз для лучшего рыбака на Дне города – машина. Причем одно авто меняют на три десятка окуней...

– А лучше бы наоборот, – вставил Олешкевич-младший, мгновенно посчитав прибыль в розницу и оптом.

– ...Вот что нужно поймать – машину!..

“Это становится доброй традицией, – мелькнула мысль в голове у Кирилла. – Каждому нужна машина, начиная с Катки. Никто и смотреть не хочет на самолеты”.

– ...Представь себе кортеж: впереди твой папашка на “Ланд-Краузере”, за ним ты на выигранных “Жигулях”, сзади я – на санках.

– Расту, – сказал Кирилл. – Согласно старинным шотландским семейным преданиям первый раз на рыбалку батя нес меня в рюкзаке.

– Несмышленой дитей, – уточнил отец. – Ты тогда попытался съесть прикорм, а рюкзак называл “люксаком”, по-видимому, от слова “люкс”.

– Определяемся с тактикой? Соревнования пойдут в два этапа: задача первого – надуть зрителей и судей и принести на контрольные весы рыбу в промышленных масштабах. Арбитраж на втором этапе, куда пройдут только сообразительные рыбаки, будет персональным. Около каждого финалиста – судья, если вообще не около каждого рыбьего хвоста, – ска-

зал дядя Слава, который прочитал про условия соревнований и пропорции, в каких окуней меняют на автомобили, в газете.

— Ни черта не понял, — пожаловался папа Карло.

— Слава, что, по-твоему, нужно делать?

— Помочь твоему сыну. Он ведь нас облавливает?

— Еще как! Неблагодарное пошло потомство. Бывало носишь-носишь его в рюкзаке, лелеешь, а ему потом ничего не стоит выловить трехкилограммовую щуку на глазах у согбенного старца, как тогда, на Гуляй-озере... А вдруг бы меня инфаркт хватанул? И вообщем, наверное, она ко мне плыла.

— Или ко мне, — возразил дядя Слава.

— По щучьему велению, по своему хотению она плыла, — не согласился с ними Кирилл. — После я с ней разговаривал, так она тоже жаловалась на неблагодарное потомство: “Бывало нерестишься-нерестишься...”

— Клан должен представлять лучший, то есть Кирильчик-крокодилчик. Не будем создавать нездоровой конкуренции — пусть получит свою машину, — торжественно заявил дядя Слава. — Но необходимо помочь ему на первом, массовом, этапе, потому что все участники соревнований будут “жульничать”. Я думаю, что почти у каждого в ящике припасен пакет с рыбой, не оттаявшей с прошлых выходных. Мы же будем самобытны. Значит, поступаем следующим образом...

Склонившись друг к другу, отчего особенно усилилось их фамильное горбоносое сходство с небольшим индейским племенем, Олешкевичи обсудили стратегию и приступили к выигрыванию новенькой “Лады”, которую организаторы соревнований выкатили на лед рядом с трибуной для отцов города. На капоте автомобиля колосился белый бант, похожий на тот, какими украшают первоклассниц, но в монументальной форме.

В качестве ориентира Кирилл выбрал ель-сухостойку на обрывистом, с выходом белесых известняковых сланцев, берегу, отсчитал на глазок метров пятьдесят и расчистил площадку для лунки. Открывшийся под снегом речной лед был пупырчатым и мутным, словно в воду перед тем, как ее заморозить, плеснули молока и взболтали. Разбурив лунку, Кирилл достал из своего ящика производства “Дядя Сэм энд Дядя Слава Лимитед” зимнюю удочку, наживил мотыля, и поблескивающая мормышка вместе с наживкой исчезли в стьюлой темной воде. Минут десять он безрезультатно играл мормышкой вверх и вниз, а затем сторожок удочки качнулся, и Кирилл ловко выхватил из лунки “матросика” — тугорослого и мелковатого окуня в “тельшике” из черных вертикальных полос. Окуньки, изредка перемежаясь плотвой, шли, как поезд в метро — по расписанию, поэтому к контрольному сроку, Кирилл натаскал их изрядное количество.

В японскую леску впаивались бусинки льда. Автоматически убирая их и поигрывая мормышкой, чтобы

раззадорить стайку окуней, Кирилл думал о Кате, сожалея, что оставил без ответа ее вопрос “Ты когда обратишь на меня внимание?” Если б он сразу понял суть, не делал поправок на шутливый тон разговора и набрался смелости сказать “Уже!”, то... Сладко-запретное, к чему пришли бы они в этом случае, представлялось Кириллу не совсем ясным, но желанным, а глупой Катюку, как оказалось, он никогда и не считал — это была защитная реакция организма на по-вальный грипп влюбленности в красивую и бойкую девочку.

За полчаса до взвешивания Кирилл собрал валяющуюся около лунки рыбу в полиэтиленовый пакет и, подхватив ящик и ледобур, сделанный на заказ из титанового сплава, какой имеет корпус далеко не всякой космической ракеты, потрусил к папе Карло, рыбачившему ближе к берегу.

— «Кроха сын к отцу пришел... И сказала кроха...», — скороговоркой встретил его отец, выглядевший от легкого морозца особенно моложавым и по-девичьи румяным. Он как раз снимал с крючка колкого, как репей, ерша, а тот яростно трепыхался, пытаясь выскользнуть обратно в водные просторы.

— ...Что он ловит хорошо, а ты ловишь плохо, — продолжил цитату Кирилл, опуская на лед свой ящик рядом с отцовским. Оба ящика были абсолютно одинаковыми, словно сувенирные матрешки, и только присмотревшись можно было заметить, что один из них более новый.

— Только без рук, — заканючил папа Карло. — Я старался. Я весь в тебя.

Кирилла он посрамил. Когда, взяв ящик отца и отойдя в сторону, Олешкевич-кроха-сын заглянул внутрь, то увидел, что рыбы там на полкилограмма больше, чем у него, и среди окуней светится бледным брюхом довольно крупный судак. Издалека показав папе Карло большой палец, поднятый кверху в жесте одобрения, Кирилл пошел оббирать других родственников.

Повторив манипуляцию с обменом ящиков, благо и дядин ничем не отличался от двух других этой серии, Кирилл достиг рекордного улова, что позволило ему стать предпоследним из финалистов.

Ушлый народ, рыбаки не принесли к контрольным весам разве только рыбу-меч, зато предъявили с полдесятка налимов, хотя любой хоть сколько-то разбирающийся в рыбалке человек знает, что налима ловят ночью на дне реки, а не утром на Дне города. Кроме того, в улов подбрасывали ледышки и снег, а у одного изрядно выпившего “бомжа” на дне пакета обнаружили гантель. “Зарядку делать, — объяснил он, не смущаясь. — Для рыболовов есть специальное упражнение: развести руки на ширину плеч — я вчера поймал во-о-от такую!” На этом шоу для любителей, уследить за которыми не смогла бы и дивизия судей, закончилось.

Двадцать финалистов, опытных рыбаков, среди которых Кирилл, хотя ростом он был выше всех, все

равно смотрелся “неразумной дитёй”, только что вылупившейся из рюкзака, посадили на снегоходы (дядя Слава фирменно подмигнул племяннику на прощание) и вывезли подальше, на специально перегороженный флажками участок реки. Каждый водитель снегохода одновременно являлся персональным судьей, и первое, что они все сделали, прикатив на излучину – это сноровисто обыскали ящики и одежду рыбаков на предмет нахождения рыбы-меч.

Матерые рыбаки-финалисты казались продуманно экипированными в резиновые сапоги химзащиты поверх унтов, кофтовые полушубки и вязаные шапки. На одном из них, бородатом мужчине лет шестидесяти, коробом торчал длинный, до пят, плащ-“брзентуха”, какой придавал ему вид степенного ямщика, только что припарковавшего русскую “тройку” около шеринги снегоходов. Кирилл, в легком не продуваемом ветром импортном комбинезоне, серьезным соперником не считался, и напрасно – ловить рыбу он умел. Свою феноменальную интуицию, которую дядя Слава благоговейно называл “нюхом”, Кирилл приобрел, потому что, не ограничиваясь простой чистой радостью ловли на спиннинг, когда после подсечки из омута взлетает на леске живая серебристая дуга громадной щуки, имел привычку читать книги и справочники по ихтиологии, а, главное – думать. По этой же причине экономист из Кирилла Владимировича Олешкевича должен был получиться если не выдающимся, то очень толковым.

По свистку главного судьи, державшего в руке секундомер, рыбаки кинулись врассыпную... Помня, каким образом папа Карло обловил его сегодня, выбрав место поближе к берегу, Кирилл взял резко влево, к устью впадавшего в реку притока, еле угадываемого по неглубокому ложку, заваленному сугробами. За ним, гремя плащом, как пустой консервной банкой, тяжело топал валенками “ямщик”. Все вместе очень напоминало съемку кинофильма о “золотой лихорадке” времен покорения Клондайка.

Кирилл уже начал разбуривать лунку, когда пенсионер, вызывавший у него какие-то неотчетливые песенные ассоциации: “...гони-ка в табор...” и “...в той степи глухой замерзал...” – остановился около.

– Ты ведь Олешкевич? Знаю про ваше фартовое семейство. Ничего, ежели я тут?.. – “ямщик”, сбивший дыхание при быстрой ходьбе, не смог выговорить “устроюсь”.

Коротко кивнув, Кирилл так приналег на шнековый ледобур, что из-под него брызнула стеклянная мелочь мелких льдинок... Его мучила мысль о чем-то упущенном: не о Катерине – мечтать о ней наслех он не желал, – а о каком-то незначительном факте... И тут Кирилл понял, что мимоходом удивило его на контрольном взвешивании: один налим отличался от других четырех предьявленных. Нет, конечно, и у него была все та же широкая, как бы ухмыляющаяся, характерная для тресковых, пасть хищника и макси-

плавник вдоль всей пятнистой спины, но если остальные выглядели замороженными поленьями, то этот налим – пусть и уснувшей, но живой рыбой. “Только что поймали! – додумался Кирилл. – Хотя налим кормится ночью, особенно при ненастной погоде, и днем его можно выловить, если только он сошел с ума. Но уже весна, и я сошел с ума по Рыбе Кэт. А он чем хуже?! Во всяком случае, попытаться стоит. “Налимья тропа” обычно находится на отмели в устье притока, причем со стороны течения большой реки...”

– Здравствуйте! В протокол занесите: я Степаныч, а он Олешкевич, – представился “ямщик” их подошедшим закрепленным судьям, которым бегать было ни к чему – пока еще рыбаки разбурятся.

Неожиданно для Кирилла оба судьи захохотали, зажимая рты варежками, чтобы не спугнуть рыбу, а потом младший извинился:

– Прости, отец. Я только что анекдот в тему рассказал.

– Люблю всяки рыбацки байки. Изложи-ко мне, – добродушно прогудел старик Степаныч.

– А не помешаю? Соревнования все-таки: машину можно получить, телевизор или плеер. Многие финалисты уже в пене.

– И будя им. Мы не на пену ловим, а на репейника, живца и, бывает, на птичий потрох. ...Сказывай.

– Выкопал мужик червяка для рыбалки. А он такой маленький да тощенький. Думает мужик, что с ним делать: “Дай-ка я его лучше сначала откормлю”. Проходит время, пошел мужик на рыбалку, и червяка с собой взял. Вдруг клюет. Мужик думает: “Дай-ка я еще посижу, может, больше клюнет”. Опять клюет. Вытаскивает мужик удочку и видит, что его червяк двух сомов за хвосты держит: “Степаныч, ты что, они ведь могли меня съесть!”

“Ямщик” стал громко ухать, как филин – засмеялся; Кирилл улыбнулся тоже и от этого, наконец, почувствовал себя свободным: в обычном для рыбалки светлом настроении азарта растворился черный осадок алчности, какой гнал его за крупным выигрышем. Неистребимое чувство коллективизма, присущее рыбакам, оказалось сильнее, поэтому, когда старик, чей преклонный возраст не позволял безумствовать с пешней, попросил разрешения воспользоваться одной из его разбуренных лунок, Кирилл состриг, показывая на судей:

– Степаныч, они ведь могут меня съесть! ...В общем, выбирайте любую. Я пока жерлицу поставлю.

Судья помоложе сказал своему напарнику, одетому в форму егеря:

– Регламентом соревнований не запрещено, раз участник Олешкевич согласен.

– А я что ли против? – почти обиделся тот, глядя вслед Кириллу. – Господи, опять он помчался. Не парень, а снегоход “Буран”.

Кирилл, чьи движения не сковывали пласты теп-

Рисунок Юлии Меньшиковой

лых свитеров и ватников, и впрямь делал все быстро: срезал на берегу в прибрежном ивняке гибкую веточку, разбурил в устье притока лунку для жерлицы и, привязав к толстой леске алый матерчатый флажок, уложил её остаток кругами возле ивового прута. Мотовило, которое пужно вмораживать в лед, ему пришлось закрепить за рыбацкий ящик – два часа отпущенные на соревнования медленно, но уходили. Неразговорчивый егерь, его персональный судья, вспотевший от бега, советами не досаждал.

Вернувшись к Степанычу, Кирилл хотел взяться за свою зимнюю удочку, но старик, протягивая выловленного им первого окунька, остановил его словами:

– Тебе живец на жерлицу требуется? Возьми! Мы

закон не нарушам, товаришсы судьи, живец – не улов, а наживка. Улов на состязаниях, да, увеличивать не гоже, а живец – отдельна статья.

Егерь запросил по радиотелефону судейскую бригаду, и обречено махнул рукой: бери, и побежали!

– Лунку снегом запоросить надобно, штоб, значит, налима свет не пугал, – тихонько сказал Степаныч, и в ответ на полувиноватый взгляд мальчишки (“знаю, что днем не ловят”) подбодрил его: – Не тушуйся, паря! Старя для подвигов, а то б тож...

Что “тож”, повисло в предвесеннем воздухе: то ли на Луну с Армстронгом полетел, то ли в артистку Кэтрин Ры влюбился, то ли двум сомам хвосты накрутил.

Сигнальный флажок на жерлице, на чей красный огонечек Кирилл поглядывал издали без всякой надежды, сорвался на исходе второго часа. Сердце у Олешкевича застучало в поджелудочную железу.

– Ёшкин кот! – только и смог сказать судья-егерь, бросаясь в погоню.

...Гигантский налиим застрял в маленькой для него лунке, когда Кирилл попытался сходу вытащить рыбку на лед: изгибаясь всей своей налитой тушей, он так мертво упирался сильным хвостом снизу, что, грозя оборваться, тоненько зазвенела леска. Пытаясь наугад, хлопками ладони, найти в рыбацком ящике багорик, Кирилл выжидал, когда царственного вида рыба соизволит вильнуть. Мыслей в голове у Кирилла не было, и только циклически повторялась одна песенная строчка: “...и за борт ее бросает в набежавшую Сурьму”. Налиим не шевелился, по-видимому, в свою очередь нагло рассчитывая затащить рыбака в лунку. Нервы у него сдали раньше: мощная пружина хвоста распрямилась, и, рванув багориком, Кирилл вытащил рыбу наверх, благо налимы скользкие. Оказавшись на льду, гигант не прыгал, словно рядовой ерш, а величественно и как бы угрожающе извивался, а его маленькие глаза смотрели так же осуждающе строго, как у учительницы химии Майи Александровны. Кирилл показал ему “козу” изрезанными леской до крови пальцами и победно улыбнулся.

Оставалось Кириллу Олешкевичу на сегодня не так уж и много: получить машину, помочь деду Степанычу, который явно вышел на второе место, с доставкой телевизора на дом, а потом можно было ехать к Катке, чтобы сказать: “Ай ловлю тебя, Рыба Кэт”.

Светлана ВОЛОДИНА

По образованию Светлана Юрьевна – журналист, окончила журфак Уральского госуниверситета. Она – лауреат областных конкурсов, член Российского авторского общества и Союза писателей РФ. Почетный гражданин г. Чердыни. Увидели свет четыре ее книги: “Родная музыка берез”, “Ромашковое поле”, “Чистый родник” и “Чердынь – тайна вечная”. Готовы еще две, одна из которых – “Легенды и сказания Чердынской земли”.

В “Уральском следопыте” выступает впервые.

Ледоход на Вишере

В ладонях вишерские волны
Несут, несут осколки льда.
Как рафинад, в пригоршнях полных
Сжимает крошево вода.
Она, порывиста и властна,
Дыша апрелем глубоко,
В бурлящем гневе безучастна,
Крушит объятия оков.
Так узник рвёт свою рубашку,
Покинув тёмную нору,
Лишь изопьёт хмельную бражку
В чужом застолье на пиру.
Так вольно кони шаловливвы,
Узды не чувствуя, летят,
И только шёлковые гривы
Весенним ветром шелестят.
Как прежде, Вишера родилась,
И, отражая небеса,
Смесь и плача, покатилась
Творить земные чудеса.

Уже октябрь вступил в свои права.
На беспризорном поле сор-трава
В багряных вихрах масленики прячет.
Я знаю, ветер злой персипачит
Нечаянные смелые слова.
От свежести, от воли и красы
Качнулись грёз и разума весы.
Смеюсь, пою и плачу вперемешку,
Не замечая тонкую усмешку
Столетних елей в пышные усы.
Ты мудр и вечен, мой уральский лес!
Ты и над пепелищами воскрес,
Исполнен к жизни тайного стремленья,
И оттого глядишь без сожаленья
В расплавленное олово небес.
А я могу в кружении земном
Лишь помечтать о счастье одном –
На краткий миг с прохладой нежной слиться,
Толь отравиться, то ли исцелиться
Осенним цвета золота вином...

Просто падает, падает снег,
Этот холод пустой, невесомый.
Не поймёшь, то ли год, то ли век
На пороге стоит незнакомый...
Сонно замерли ветки куста,
Точно крылья в просторе полёта,
А земля и мудра, и чиста,
Как лицо просветлённое чьё-то...

Апрельская метель

Зимой объявленного бала
Угасли свечи, а она
Всё так же страстно танцевала
В потьмах, без музыки, одна...
Ловя пронзительные звуки
Манящих призрачных миров,
Кружилась, вскидывая руки
И осыпая серебром.
То лёгким облаком взлетала,
То угасала невеселым,
Тончайшим шлейфом задевала
Колонны белые берёз...
Лишь одного она боялась –
На стылый мрамор не упасть,
Как будто в танце продолжалась
Зимы утраченная власть.

Словно обгорелая, пуста,
В снежности рябина ищет брода,
Начинает матушка-природа
Всё с пачала, с чистого листа.
Но однажды здесь на склоне дня
Крестики следов оставляют птицы,
Вскоре по нетронутой странице
Строчкой ляжет первая лыжня.
И быть может, именно в неё
Впишут хрупким пёрышком морозы
Что-нибудь из современной прозы
И... стихотворение моё.

Мария ГОЛДИНА

Закончила философский факультет УрГУ, училась в аспирантуре, была на партийной и преподавательской работе. Печаталась в уральской прессе. Выпустила сборники новелл «Женщина до востребования» (ред. В журнале «Урал», 2000), «Здравствуйте, мальчики», «Полосы жизни», а также «Семья Староверова. Опыт семейного альбома». В «Уральском следопыте» публикуется впервые.

Пионерские галстуки

Пионерские галстуки были разные. Витька носил ситцевый галстук, Ольга — сатиновый, Валька — штапельный, Манька — шелковый.

И жили также: Витька — очень бедно, Ольга — просто бедно, Валька — с маленским достатком, Манька чуть-чуть побогаче. Но никто не замечал разницы; просто жили в пионерских галстуках — ситцевых. Сатиновых, штапельных, шелковых.

В третьем классе галстуков стало меньше — Витька умер от голода и ангины на холодной печке за занавеской, засиженной мухами и тараканами. У гроба одноклассники Витьки, который лежал в красном ситцевом галстуке и застиранной мутно-желтой рубашке, стояли: Ольга — в сатиновом, Валька — в штапельном, Машка — в шелковом пионерском галстуке и вытирали их концами сатиновые, штапельные, шелковые слезы.

А Витька принимал гостей в доме на Четвертой Тесьминской улице первый и последний раз. Он уходил в свою ситцевую вечность с улыбкой удовлетворения, застывшей на лице-полянке, по которой разбежались шалуни-веснушки, и где закрылись глаза ситцевыми занавесками ресниц.

Фотография

Тренировки были тяжелые. Но Маша упорно бегала с мальчишками кроссы, играла в футбол, ходила в дальние походы. Так случилось, что из девчонок она одна осталась в лыжной секции, ее подружки не выдержали нагрузок лошадиного вида спорта. После занятий они всей компанией часто гуляли, ходили в театр, кино. Маша, правда, все время опаздывала. Мальчишки учили ее быть аккуратной и однажды прочили на всю жизнь.

Перед окончанием школы решили сделать общую фотографию. Маша, как обычно, задерживалась. Ребята не стали ждать, сфотографировались, подарили ей фотографию на память и уехали в пединститут на факультет физкультуры. Она же поступила в университет на философский.

Тренер в университете заметил ее сразу. Строй-

ная, подтянутая, с мягким, добрым характером, она выделялась среди его воспитанниц, была запевалой всех дел в команде.

Тренер недавно похоронил жену, Маше было его очень жаль. Начитанная с детства, терпеливая и нежная, она решила, что должна сделать его жизнь счастливой. А о себе она не думала.

Ему она нравилась. Он постарался ускорить разговор о женитьбе. Отец Маши надел жениху кольцо; свадьбу назначили через две недели. Заняли денег, собрали пышный стол; приехали друзья — бедные студенты, привезли пышные пионы.

Наутро, когда свадьба гуляла, Маша ушла сдавать очередной зачет.

Ее муж пил с ранней юности — легко, не размышляя об этом. И сейчас он не особо задумывался о жизни: Маша младше его на десять лет, взял девчонкой, а дальше — время покажет.

Родился сын. Маша упорно училась, а потом закончила университет и за своего мужа, который продолжал жить в согласии с рюмкой. Друзья не приглашали их в гости: знали, что он пьет без меры. По праздникам Маша любила мыть окна, это отвлекало от грустных мыслей, делало жизнь светлее в прямом смысле.

Сердиться на мужа она не умела. Только шутила горько: «Ну почему тебя не представят к награде? Столько лет в невесомости, а космонавтам дают и за несколько месяцев».

С годами с ее лица исчезла улыбка, жизнь стала казаться длинной до бесконечности, как дистанция, которую надо было все равно бежать до финиша — и терпеть на подъемах и спусках.

Иногда она вспоминала спортивную юность, неловкие попытки мальчиков ухаживать за ней. Смотрела без слез на фотографию. Она умела бежать и самую длинную дистанцию, но силы уже заканчивались.

Телеграмма от друзей-лыжников пришла через двадцать лет и застала ее врасплох: «Срочно приез-

жай фотографироваться. Не опаздывай». Но она и на этот раз опоздала. А ставшие взрослыми мальчишки дождались ее. Она почувствовала поддержку, нашла в себе силы — и улыбнулась открыто неизведанной жизни, которую вновь надо было начинать со старта.

Надежда

Зоя Петровна назвала свою единственную дочь Надежда, внучку — Надя, а правнучку — Наденька, вкладывая в это имя все свои мечты, желания и умения.

А умела Зоя Петровна в жизни все: запрягать лошадей, пахать землю, ставить стога, вязать шали, защитить с блеском докторскую диссертацию по техническим наукам.

Но в семейной жизни, по мнению дочери, была очень наивна: развелась с мужем из-за пустяка — его мимолетной связи с подругой. Не могла простить, но любить своего северного продолжала искренне.

Дочь Надежда быстро оседлала мать и понукала ее очень талаптливо и жестоко. Получив в подарок от дочери внучку — Надю, Зоя Петровна переключила на нее все внимание: была с ней целыми днями, бессонными ночами пряла шерсть, вязала, подшивала валенки, шила новогонные костюмы на праздники в детский сад, школьные фартучки, а потом и свадебное платье. Когда же внучка-красавица, изменив мужу, решила развестись, бабушка Зоя отважно встала на защиту семьи и правнучки Наденьки, которая очень любила ягоды, выращенные прабабушкой.

Надежды — дочь, внучка и правнучка — не говорили Зое Петровне «спасибо», выходя из-за вкусного обеденного стола, не подходили к ней, когда она болела, не дарили подарки. Считали эти «наивности» лишними для сильной и целеустремленной бабушки.

Потом, когда квартира в центре города, полученная Зоей Петровной за заслуги перед горожанами, оказалась тесной, хозяйку отправили к дальней родственнице под предлогом, что от нее «пахнет», а Наденька (самая младшая) все чаще стала приглашать в гости своих современных прокуренных до синевы подруг и друзей.

На похороны Зои Петровны не приглашали ее знакомых, чтобы поминальный обед обошелся дешевле. Три Надежды без слез зарыли в землю наивную мать, заботливую бабушку и вечную труженицу-прабабушку. На следующий день продали сад с удивительными клумбами цветов и экзотическими растениями, с уютным домиком — читальным залом, в котором любили собираться садоводы на ароматный чай и душевную беседу.

Потом открыли на кухне старенький сундук, на котором спала Зоя Петровна, выбросили вместе с бережно сложенными вещами и черную толстую тетрадь с семейной родословной и повестью, которую Зоя Петровна назвала «Мои надежды».

Нелюбимая

Мальчик не любил маму. Мама развелась с папой, поменяла большую просторную квартиру и переехала в дом, где в подъезде пахло молочной кухней и кошкой с первого этажа. Папа был обижен мамой. Мальчик заботился о папе, не давал ему пить много вина и водки. Мальчик старался не огорчать папу: вовремя приходил из школы, не уезжал далеко без разрешения на велосипеде, учился без троек.

Мальчик не любил маму. Он только видел ее каждую ночь во сне.

Маленькие ножки

Мини-юбки были в полном разгаре: носили все — и молодые и совсем немолодые. В мини не всегда было удобно: ходили столбиком по лестницам, присаживались, когда надо было наклоняться. Все мужчины были в полной боевой готовности — такой соблазн кругом.

И все больше пробивалась тоска по длинным нарядам, по мягкой, достойной походке, спокойной улыбке и умному взгляду.

Упитанный бывший комсомольский работник вдруг заговорил об этом за праздничным столом по случаю окончания комсомольской конференции. Вокруг крутились в танце голозадые активистки от комсомола, а он говорил о любви к своей несовременной жене со стандартной прической из длинных волос.

Любил он ее мягкую и тонкую душу, руки, пахнущие вечной работой, неповторимый, идущий из глубины взгляд серых раскосых глаз, девичью фигуру и маленькие ножки-босоножки, как он любил их называть. Любил он ее в домашнем халате, в летних ситцевых платьицах, в ночной рубашке.

А мечтал он — и об этом набрался смелости сказать сейчас, за столом вслух — одеть ее в такое длинное вечернее платье, встать рядом подтянутым, молодым, взять ее за руку и повести дальше в неизвестную тайну жизни: «Вот она идет плавно, величественно в нарядном красивом платье, а из-под длинного подола выставляются очень осторожно, как бы испуганно ее милые маленькие ножки, одетые в черные замшевые туфельки».

... Прошло уже двадцать семь лет с того вечера, когда из уст богатыря-красавца я услышала эти слова — признание в любви к своей несовременной жене. А до сих пор не могу пересказать это. Не хватает красок любви, музыки очарования обычной женщиной. Этот носочек туфельки я вижу всегда, слышу это признание, когда нестерпимо хочется услышать от любимого человека те единственные слова, которые только о тебе и для тебя. И совсем уж размечталась: хоть чуть-чуть побывать в таком платье и черных туфельках.

Борис РЫЖИЙ

Он жил рядом с нами, мы читали друг другу стихи, часто шли вместе домой. Но мы не видели в нем настоящего поэта, пока он был жив.

Он родился и жил в нашем городе, Борис Рыжий. И одно время я даже слушала его стихи в «Литературной гостиной» Свердловского горного института (теперь Горной Академии).

Уже после смерти Бориса я задалась целью найти два его сборника: «И все такое», «На холодном ветру». (Оба выпущены Пушкинским фондом.) Первый мне удалось только прочитать. Второй же теперь у меня имеется. И вот тут, вчитываясь в них, я оказалась просто раздавленной всей грудой его поэтического мира. Мира не придуманного, а того, в котором жил и вращался Борис Рыжий — поэт переломы столетий, поэт своего поколения. Но, в отличие от массы сверстников, которая не понимает своего трагического положения, Борис прекрасно видел и осознавал всю беду раздавленного наркотиками, алкоголем, выкинутого на обочину жизни поколения, в которое влились и Чечня, и отголоски Афганистана. И в котором жизнь потеряла свою изначальную ценность. И поэтому стихи его так тяжелы — в них груз насыщенности бытием большинства сегодняшних двадцати- и тридцатилетних людей.

Со стороны судьба Бориса Рыжего кажется удавшейся. Рано женился, в девятнадцать лет у него уже родился сын; сам он закончил институт, а поэтический мир выпустил его и даже несколько приподнял. У него живы родители. Он много ездил и видел. Так почему же он покончил с собой в двадцать семь лет?! Тогда, когда каждая клеточка хочет жить? Будучи истинным братом своих сверстников, он не мог не видеть, как разрушается в них самое главное, самое святое, что есть в человеке от рождения — его вера в неистребимость мира, а следовательно, в свое бессмертие, в продолжение в потомках. «Поэт, — говорил В. С. Рутминский, — ощущает поток времени, он проходит через него, его сердце, нервы и чувства». И именно ощущение своего времени у Бориса Рыжего сродни высочайшему напряжению тока. Он, по сути своей такой чистый, не вмещался в этот гибельный поток — и предпочел погибнуть сам... Очень точно его состояние, его желание вырваться из бездны отражают такие строчки:

Когда бы заложить в ломбард рубин заката,
всю бирюзу небес, всё золото берёз —
в два счёта подкупить свиней с военкомата,
порядком забуреть, расслабиться всерьёз.

Податься в Петербург, где, загуляв с кентами,
вдруг взять себя в кулак и, резко бросив пить,
берёзы выкупить с закатом, с облаками,
сдружиться с музами, поэму сочинить...

Хочу обратить ваше внимание на слова «...берёзы выкупить с закатом, с облаками». Но ничего подлинного в этом мире выкупить нельзя. И именно поэтому так давит на читателя груз откровений Бориса. Этого поэта надо просто читать, просто слушать музыку его строк, чувствовать этот груз...

Очень много в его стихах отдельных слов, строчек, как

бы незаметных штрихов, складывающихся в картину о неуместности жизни. Такие штрихи вкраплены в текст и первоначально незаметны для читателя. Но, перечитывая эти стихи вновь и вновь, ты видишь их — а затем видишь за ними и как бы опорный горизонт, на котором все-таки вопреки всему звучит музыка, плывут легкие облака и движется жизнь:

Под сине-голубыми облаками
стою и тупо развожу руками,
весь музыкою полон до краёв.

Вопреки смерти, злу, выживают музыка, леса, облака и все-все то, что создает человека. И может быть, именно своим уходом из жизни Борис хотел сказать нам, крикнуть: Люди! Любите друг друга...

Ведь именно любовь и только она одна освобождает человека от одиночества. А любви ему не хватало...

Когда бутылку подношу к губам,
чтоб чисто выпить, похмелиться чисто,
я становлюсь похожим на горниста
из гипса, что стояли тут и там
по разным пионерским лагерям,
где по ночам — рассказы про садистов,
куренье, чтение «Графов Монте-Кристо»...

Куда теперь девать весь этот хлам,
всё детство с муками и кровью
из носу, чёрт-те знает чьё
лицо с надломленной бровью,
вонзённое в перила лезвиё,
всё это обделённое любовью,
всё это одиночество моё?

Л. Ратушная

От редакции журнала: Эта статья — открытие широкому кругу читателей большого русского поэта, Бориса Рыжего. И одновременно — попытка понять причины его разрыва с окружающим миром, его добровольный уход в небытие, исчезновение из мира, который, судя по стихам, он так любил... Любил таким, каков он есть: с болью, тоской, одиночеством и летящими по небу легкими облаками.

Мы предлагаем читателю самому прикоснуться к миру поэта Бориса Рыжего. Потому что этого писателя надо читать и перечитывать, о нем надо думать...

Ответ

«Вы пишете о чём-то о своём,
когда над Родиной Раскаты, гром...» —

мне говорят, но разве я могу
открыться им, отдать свою тоску.

Возможно, я совсем не патриот.
Возможно, я живу не в страшный год.

Страна моя, мой каждый стих, любя,
в печаль мою вмещает и тебя.

Но, господа, кто что-то смог понять,
имеет право взять и помолчать.

Там вечером Есенина читали,
портвейн глушили. В домино играли.
А участковый милиционер
снял фуражку и сел рядом
и пил вино, поскольку не был гадом.
Восьмидесятый год. СССР.

Тот скверик возле мясокомбината
я помню, и напоминать не надо.
Мне через месяц в школу, а пока
мне нужен свет и воздух. Вечер. Лето.
«Купи себе морожовца». Монета
в руке моей, во взоре — облака.

«Спасибо». И пошёл, не оглянувшись.
Семнадцать лет прошло, и я вернулся —
ни света и ни воздуха. Зато
остался скверик. Где же вы, ребята,
теперь? На фоне мясокомбината
я поднимаю воротник пальто.

И мысля я: в году восьмидесятом
вы жили хорошо, ругались матом,
Есенина ценили и вино.
А умерев, вы превратились в тени.
В моей душе живет ещё Есенин,
СССР, разруха, домино.

Вот дворик крохотный в провинции печальной,
где возмужали мы с тобою, тень моя,
откуда съехали — ты помнишь день прощальный?
Я вспоминал его дыханье затая.

Мир не меняется — о тень — тут всё как было:
дома хрущёвские, большие тополя,
пушинки кружатся — коль вам уже хватило,
пусть будет пухом вам огромная земля.

Под этим тополем я целовал ладони
да, не красавице, но из последних сил,
летало белое на тёмно-синем фоне,
по небу облако, а я её любил.

Мир не меняется, а нам какое дело,
что не меняется, что жив ещё сосед,
ведь я любил её, а облако летело,
но нету облака — и мне спасенья нет.

С плоской «Примой» в зубах: кому в бровь, кому в пах,
сквозь сиянье вгоняя во тьму.
Только я со шпаной ходил в дружбанах,
до сих пор не пойму, почему.

Я у Жени спрошу, я поеду к нему,
он влиятельным жуликом стал.
Через солнце Анталии вышел во тьму,
в небеса на «рено» усакал.

И ответит мне Женя, берёзы росток,
на ладошку листок оброня:
— Не завидуя мне, потому что, браток,
ты хотел быть таким же как я.

Всем вручили по жизни, а нам — по судьбе,
словно сразу аванс и расчёт.
Мы с тобой прокатились на А и на Б,
поглядели, кто первым умрёт.

Так ответит мне Женя. А я улыбнусь
и смахну с подбородка слезу.
На такси до родимых трущоб доберусь,
попрошу, чтобы ждали внизу.

Человек умирает, играет труба,
начинается осень везде.
Музыкант вытирает ладонью со лба
и играет опять на трубе.

Над красивой рекой

...Если жизнь нам дана для разлуки,
я хочу попрощаться с тобой
в этот вечер, под мрачные звуки
мутных волн, под осенней звездой.

Может, лучше не будет мгновенья
 для прощанья, и жизнь пролетит
 бесполезно, а дальше — забвенью
 навсегда, где никто не простит.
 Можно долго стоять на причале,
 обнимая тебя, тебя
 папироску — как мало прощали
 и любили тебя и меня.
 Закурить, и глядеть, как проходит
 мимо нас по красивой реке
 пароход. Я скажу: «Пароходик...»
 Но без нас — налегке, налегке.

...Облака над домами,
 облака, облака.
 Припадаю губами
 к вашей ручке: пока.

Тихой логике мира
 я ответить хочу
 всем безумием Лира,
 припадая к плечу.

Пять минут до разлуки
 Навсегда, навсегда.
 Я люблю эти руки
 плечи, волосы, да.

Но прощайте, прощайте,
 сколько можно стоять.
 Больше не обещайте
 помнить, верить, рыдать.

Вы всё знаете сами
 на века, на века.
 Над домами, домами
 облака, облака.

Я в детстве думал: вырасту большим —
 и страх и боль развеются как дым.

И я увижу важные причины,
 когда он станет тоньше паутины.

Я в детстве думал: вырастет со мной
 и поумнеет мир мой дорогой.

И ангелы, рассевшись полукругом,
 поговорят со мною и друг с другом.

Сто лет прошло. И я смотрю в окно.
 Там нищий пьёт осеннее вино,
 что отливает безобразным блеском.
 ...А говорить мне не о чем и не с кем.

Вопрос к музе

...по горю, по снегу приходишь в прозрачной одежде —
 скажи мне, Эвтерпа, кому диктовала ты прежде?

Сестрой милосердия вставала к чьему изголовью,
 чей лоб целовала с последней, прощальной любовью?

Чьё сердце, Богиня, держала в руках виновато,
 кто умер, бессмертный, и чья дорогая вдова ты?

В чьих карих, скажи мне, не дивные стались просторы —
 грядою могильной вставали Уральские горы?

Ещё мои руки не связаны.
 А. Т.

Ещё широки мои плечи —
 под тяжкою ношей не плачу.
 Алмазы дарованной речи
 на смех и на злобу не трачу.
 Не девки ночами мне пляшут,
 но сны повисают на веждах:
 мне ручкою с кладбища машет
 ребеночек в лунной одежде.

И долго я вижу спросонок:
 открылась бесшумная дверца,
 вбегает ко мне ангелёнок,
 касается ручками сердца.
 И шепчет с таинственной лаской,
 тихонько присев на постели:
 «Когда ты придумашь сказку,
 чтоб братья мои подобрели?»

...Хотелось музыки, а не литературы,
 хотелось живописи, а не стиховой
 стопы ямбической, пеоны и цезуры.
 Да мало ли чего хотелось нам с тобой.
 Хотелось неба нам, ещё хотелось моря.
 А я хотел ещё, когда ребёнком был,
 большого, светлого, чтоб как у взрослых, горя.
 Вот тут не мучайся — его ты получил.

Когда наступит тишина,
у тишины в плену
налей себе стакан вина
и слушай тишину.
Гляди рассеяно в окно —
там улицы пусты.
Ты умер бы давным-давно,
когда б не верил ты,
что стоит пристальной взглянуть,
и все увидят ту,
что освещает верный путь,
несяркую звезду.
Что надо только слух напрячь,
и мир услышит вдруг
и скрипки жалобу, и плач
виолончели, друг.

Ангел, лицо озарив, зажёт
маленький огонёк
лампу мощностью в десять ватт —
и полетел назад.
Спят инженеры, банкиры спят.
Даже менты, и те —
разве уместно ловить ребят
в эдакой темноте?
Разве позволит чертить чертёж
эдакий тусклый свет?
Только убийца готовит нож.
Только не спит поэт:
рцы слово твердоукь ферт.
Ночь, как любовь, чиста.
Три составляющих жизни: смерть,
поэзия и звезда.

Особенно, когда с работы,
идя, войдѣшь в какой-то сквер,
идѣшь и забываешь, что ты
очкарик, физик, инженер,
что жизнь скучна, а не кошмарна,
что полусвет отнюдь не мрак,
и начинаешь из Верхарна
Эмиля что-то просто так
о льдах, о холоде — губами

едва заметно шеveled,
с его заветными словами
своѣ мешая тра-ля-ля.
...Но это тра-ля-ля, дружище,
порой, как губы ни криви,
дороже жизни, смерти чище,
важнее всеры и любви.

Дом поэта

...От тех, кто умер, остаѣтся
совсем немного, ничего.
Хотя, откуда что берѣтся:
снег, звѣзды, улица. Его
любили? Может, и любили.
Ценили? К сожаленью, нет.
Но к дню рождения просили
писать стихи. Он был поэт.
А как же звѣзды? Разве звѣзды?
Звѣзды? Конечно же, звѣзды!
Когда сложить всё это, просто
получим сгусток пустоты.
Но ты подумай, дом поэта.
Снег, звѣзды, очертанья крыш —
Он из окошка видел это,
Когда стоял, где ты стоишь.

...Кто нас посмеет обвинить
в печали нашей, дорогая?
Ну что ж, что выпало прожить,
войны и голода не зная?
А разве нужен только мрак,
чтоб сделать горькую улыбку?
Ведь скрипка плачет просто так,
а мы с тобой жалеем скрипку.

Александр ПАПЧЕНКО

Лит

«Если бы у старого Эли были крылья, он бы сам улетел к той, Имя Которой Произносить Нельзя. И, конечно, уже вечером грелся бы у ее костра. Эли так любил греться у костра. А ведь он нужен той, Имя Которой Произносить Нельзя, потому что Эли мудрый. Но у человека нет крыльев, а у сосны они есть. Много маленьких зеленых смолистых крыльев есть у сосны. Вот и рублю я сосну... Тут каждая сдвоенная хвоинка как крылья.

Если бы у людей моего племени была тысяча пальцев, они бы в скорби исцарапали себе лица, так, как того достоин старый Эли. Потому что Эли добрый. Но у людей моего племени нет тысячи пальцев, а у ежевики есть. Много маленьких острых коготков. Вот и рублю я ежевичный куст и, рая руки, обдираю с него листья...

Если бы у людей моего племени было столько слез, чтоб они могли плакать вечно, не пришлось бы мне просить помощи у Реки. Но мало слез у людей, а у Реки их много. Люди забудут Эли, а Река будет плакать вечно. Поэтому я кладу на воду срубленные сосны. Я стягиваю их стволы жилами животных. Сверху прилаживаю ежевичный куст. А на него кладу старого Эли. Плыви, старик...

Я смотрю как, царапая воду ежевичным ветвями, уплывает по Реке старый Эли, на спине у плота и меня... Я уже успел отвыкнуть, будто я маленький, а весь мой мир умещается перед моими глазами. Но вот сейчас вновь я так почувствовал себя. Я почувствовал, будто весь мой мир — это только этот берег реки, с мужчинами, в знак траура пачкающими себя илом. Только эти стенающие женщины, раздирающие себе в кровь лица. Только это стойбище вдали. И еще дымы костров на стойбищем. И еще дальше Гора, с вечным облаком над вершиной. И все!

Горечь от потери большого и путающего меня мира, в котором ничего не исчезает, пока я сам не исчезну навсегда, соединилась во мне с горечью от утраты Эли, и я расплакался...

Тогда я пошел на гору. Сел. Далеко видно с горы. Вот плот с Эли. И Река ссеребрится под солнцем, и путается в лугах, и тянется к горизонту, словно седой

волос в бороде, прячущегося там, за горизонтом, другого, громадного Эли...

Быть может, все мы плывем в чьей-то бороде. И смеемся и живем, пока тот, прячущийся за горизонтом, не откроет свой беззубый рот... И скажи, какая тебе разница, чьи губы сомкнутся за тобой?

Прощай, Эли...

Вот уж я этого не переношу: когда женщина укоряет своего мужчину в неумении добыть пищу. Уф! Будто добыча обязана быть пищей. Но еще хуже, когда плачут голодные дети. Голодные дети плачут особенно громко... И только старики молчат, будто голод лишает их голоса. Если охотники племени не добудут крупного зверя, старикам умирать первыми. Вот они и молчат. Будто умирать начинают с голоса. В умышленной немоте стариков нет отчаянья, но как смотреть им в глаза?

Восемь дней охотникам племени не удавалось добыть крупную добычу, и старики замолчали. К стойбищу подступил голод. Женщины стали варить старые шкуры. Как им удастся соскребать с них что-то годящееся в пищу? И тут мне повезло. Я увидел свежий след оленя. Он шел через луг к урочищу.

Как я обрадовался! Если взять оленя, голод отступит. И кто прогнал от стойбища голод? Я! Мадо!

Еще никогда, ни перед кем, я так не извинялся, как перед этим оленем. Я так извинялся, что совсем не удивился бы, если бы олень вышел из леса и сам, добровольно, умер бы у меня на глазах, растрогавшись... Вот как я извинялся.

Поэтому, когда я у пещеры Чужого рассказал про след оленя, получилось так, будто я пригласил его разделить со мной славу от удачной охоты. Вот почему на следующее после похорон Эли утро я, вместе с Чужим, ждал оленя на выходе из урочища. Тут, в сплошной скальной гряде, огибавшей лес наподобие волчьей челюсти, зиял проход. Как будто кто-то выбил зуб. Мужчины племени затемно отправились вглубь леса. Олень, напуганный возгласами загон-

(Окончание. Начало в №№ 7-8.)

щиков, должен был выбежать на нас — куда ему даться?

Сегодня та, Имя Которой Произносить Нельзя, проснулась поздно и разожгла солнце, когда я уже успел соскучиться. Солнце не успело разгореться и тлело... Зябущие деревья утопали по колено в тумане. Белесая мгла липла к глазам, как паутина. Чужой жался ко мне, опасаясь потерять меня в тумане. Так мы и стояли рядом. У меня было тревожно на душе. А ну как добыча ускользнет?

— Вот, — тревожно оглянувшись, Чужой достал из складки в шкуре что-то маленькое и протянул мне.

Я взял... Я улыбался внутри. Не знаю, чувствовал ли это Чужой. Он чувствовал. Нельзя было не чувствовать, как я злюсь на него. Не зная причины, Чужой терялся в догадках. Зачем тогда я пригласил его разделить добычу? Если злюсь? Вот и сует мне сладкий корешок... Так я думал. Может боится, что я отошлю его к противоположной скале, откуда он не сможет меня видеть в тумане. Каково быть одному? Маленькому?

Я взял корешок и едва не обломал о него зубы. Корешок? Обыкновенная палка! Обломок ветки. Согнутой ветки с отростком. Я подумал, что Чужой... Я посмотрел на Чужого. Чужой, пристально следивший за моим лицом, вздохнул было с облегчением, но тут же поборол себя и потупился... Все равно как Сын Салисы.

— Не так. Дай. — Чужой взял у меня свой обломок ветки, повернул по особенному, и перед моими глазами... Нельзя поверить! От неожиданности я попятился. И только лишь присутствие Чужого... Не мог же я при нем так пугаться. Чужой будет смеяться. Но Чужой не смеялся. Он смотрел с сочувствием. Так я чувствовал его. С сочувствием.

— Лит, — сказал Чужой.

Я взял у Чужого то, что в его руках было оленем. Я развернул ветку так, как это делал Чужой — и вот он! Да, это был настоящий олень. Его образ, воплощенный деревом. Как мне было не узнать этой презрительно задранной морды? А его рога? Они касались спины. А ноги? Они сложились вместе. Перед прыжком. Перед! Казалось, миг — и олень сорвется у меня с ладони... У меня волосы приподнялись на затылке, так захотелось мне сжать ладонь... Уф!

— Глупая Лит, — извинительно улыбувшись, пробормотал Чужой, — Обыкновенный корень. А она говорит — олень. Глупая, Лит. — Чужой потупился. Еще бы. Я вспомнил, каким я был, когда впервые увидел тень рыбки на стене пещеры. Как я не хотел верить.

В глубине урочища раздался возглас. Одинокий и пронзительный. Это сигнал. Скалы скомкали и швырнули его обратно. И не давая ему угаснуть, возглас подхватили охотники племени. Лес наполнился шумом. Растянувшись длинной цепью, загонщики двинулись. Я не успел опустить руку, в которой держал ветку-оленя, я только поднял голову... Передо мной —

я даже зажмурился от неожиданности — стоял олень. Его ноздри... Как они раздувались! Как пальцы, что едва касаясь, трогают. Когда кочка, на которой стоишь, тонет. Ты тянешь ногу, не решаясь ступить на следующую. И все же ступаешь. Вначале едва, чуть-чуть, дотрагиваясь самими кончиками пальцев... И от этого прикосновения у тебя остывает спина.

Немигающими рыбьими глазами олень свысока глядел на нас. Разве что не плюнул. Затем, собрав ноги, он вдруг сложился и взмыл... И растаял в тумане. Без всплеска. Как утенок, которого утащил под воду сом...

Я сжал кулак — ветка впиалась мне в ладонь. Только что не проткнула насквозь. Чужой метнул вслед оленю свою рогатину — поздно. Олень все это время был рядом! Как же я его не почувствовал?! Уф!

— Ай, Мадо... — пролепетал Чужой.

Лучше бы ты Чужой сейчас не смотрел на меня. Не смотрел на меня такими глазами. Серыми от ужаса.

— Ай, Мадо...

Если бы мне сейчас на загривок вскарабкался Воа, вонючий Воа, и запустил свои грязные клыки мне в шею, я бы наверное даже обрадовался. Легче, когда тебя грызут снаружи...

Это если бы на моем месте стоял мальчишка, несмышленный сопливый мальчишка, впервые взявший рогатину в руки, и то он бы стыдился! А я разве мальчишка? Уф! Кому объяснить, кто поверит, что я упустил оленя, который стоял от меня в двух шагах, и как упустил — рассматривал какую-то ветку. Глупую деревяшку. Уф! Что я наделал? Кто теперь прогонит голод от стойбища?!

Чужой выхватил у меня сломанную ветку и стал топтать ее ногами. Он плясал на ней, он кружился неистово, он повизгивал... С его лица на землю падала слюна.

Подошедшие охотники сгрудились вокруг Чужого. Долго никто не решался окликнуть его. Мужчины решили, что Чужой заблудился в себе...

Не помню я случая, чтоб Вигару разговаривал сразу со всем племенем, а теперь случилось; мужчины, женщины, старики и даже дети собрались к костру Вигару и стоят. Молча. Шумит река на перекате. Жужжит и вьется шмель. Зачем? Если я разучился чувствовать? Вот же я никого из них сейчас не чувствую частью себя. Все одинаковые лица. От них ничего во мне. Когда же я успел умереть? Никто не отворачивается, никто не закрывает ушей, а я как умер... Почему так? Что во мне другого, что я теперь не чувствую?

Люди племени сами собрались у Вигару, когда мы с охотниками вышли из леса. Никто не звал их к Вигару. Но они пришли. А быть может, это только я не слышал, как Вигару звал к себе? Раньше он говорил внутри меня, а теперь, быть может, оставил меня?

— Кто привел Лит в племя? — спросил Вигару.

Я услышал его голос. Он звучал во мне вкрадчиво. Мой затылок отяжелел под его взглядом. И то, что бьется, и стучит у меня внутри, вдруг рванулось к горлу. И я едва не поперхнулся...

— Я, — сказал я. И почувствовал, что превращаюсь в палку. Ствол дерева. И если меня толкнуть — я свалюсь. Я стал так слаб, что меня можно было уронить взглядом, но никто не смел. Все стояли потупившись...

— Кто взял на охоту оленя-палку?

— Я, — сказал Чужой.

— Пусть женщина-рыба решит... — прошептал вкрадчиво Вигару.

Короткими мелкими шагами, шаркая чужими и постанывая, они двинулись все разом на нас. Все эти люди, которых я почему-то больше не чувствовал, двинулись как один человек. Не поднимая глаз. Так низко склонив головы, что я видел только затылки. И еще их руки — ладонями вперед. И так, сомкнувшись плечом к плечу, они нас теснили. Вначале к опушке леса. Туда, к тропе. Единственной тропе, на которую я не ступал. К тропе, на которую без разрешения Вигару нельзя было не то что ступить — приблизиться. К тропе, ведущей к жилищу женщины-рыбы. В конце которой бездонная каменная расщелина, наполненная водой. Там она и живет... У женщины-рыбы руки скользкие, как водоросли и тело чешуйчатое, как рыбе, и зубы. Много острых зубов... Я знаю — мама рассказывала.

У страха серый цвет. Помню, как я бежал на реку. И ткнулся женщине в живот. Я не знал, что она возвращается с тропы, ведущей к жилищу женщины-рыбы. Тропа зарастала папоротником, и каждой женщине племени время от времени приходилось расчищать дорогу к нашему общему страху. Теперь, видимо, была ее очередь... В ожидании трепки я съежился и, не дождавшись, поднял глаза. И на всю жизнь запомнил ее серое от ужаса лицо. С тех пор цвет у страха — серый.

Мы пятились. Не зря говорят — страх ходит пятками вперед... А потом я почувствовал, что падаю. Это было первым, что я почувствовал с тех пор, как ступил на дорогу к жилищу женщины-рыбы. Я падал долго. Так казалось. Так долго, что успел подумать, как я кричу. Тонко. Жалобно. Успел подумать, что слышать со стороны такой крик мне страшно. Так кричит зайчонок, наступитый болотным псом. Словно ребенок. Это я еще успел подумать, и поперхнулся.

Ужасом. И с головой ушел под воду. Я поджал ноги. Прижал их к животу, не смея вытянуть. Не решаясь — ведь оттуда, из бездны, уже плывет к нам женщина-рыба. Шевеля своими липкими руками-водорослями.

Рядом со мной свалился в воду Чужой. Я едва успел увернуться.

Я поднял голову — в проеме серые лица, серые, подернутые паутиной, так мне казалось, лица. Потом лица исчезли — люди ушли.

Изнутри жилище женщины-рыбы напоминает пещеру. Узкую пещеру с покатым сводом. Говорят, будто Вигару сам обглодал и выстлал свод и стены пещеры камнями, и человеческим рукам теперь не за что зацепиться — пальцы соскальзывают с гладких стен. Но я пробовал. Ломая ногти... Что сейчас я? Лесной орех, тонкая скорлупа, и внутри все мокрое, и

больше ничего. И оно все дрожит там у меня. От ужаса? От холода? И пока оно там дрожит, я еще что-то...

Я не заметил, как исчез Чужой. Мгновение назад он плескался рядом, цепляясь пальцами за мои плечи, и вдруг исчез. словно спрятался. Как будто он вернется, когда его перестанут ждать. Чужой всегда был скрытным...

Я огляделся. От поверхности воды до края кромки камня, лежащего у входа, две моих руки. Не допрыгнуть. А вот вдоль одной из стен жилища женщины-рыбы над водой, на высоте в полторы моей руки, каменный выступ. До него можно дотянуться. Если распрямить ноги. Опустить их в бездну, чтоб, оттолкнувшись от воды, выпрыгнуть. Выпрыгнуть и схватиться за эту каменную полку. Но как распрямить ноги, если там, в ледящей пустоте, меня поджидает отвратительная женщина-рыба?! Едва я опущу ноги, она тут же вцепится в них своими отвратительными крючковатыми зубами. И все-таки я прыгнул. Не разгибая ног. И ухватился кончиками пальцев, ногтями за кромку каменного выступа. Повис на нем, подтянулся — и в тот же миг камень легко, словно ничего не весил, повернулся и выскользнул из стены. Я полетел в воду. Я едва успел прикрыть голову руками. Отпрыгнуть. Камень ударил меня по плечу. И полетел в бездну. А я почему-то вдруг вспомнил Рыжебородого. Как я его ударил дубиной по плечу. Тогда я не умер, потому что подумал о Незнакомце. О Незнакомце, как будто стоявшем за спиной Рыжебородого. Как будто. И если это ничто, это то, чего на самом деле нет, но то, что приходит ко мне из меня же и становится вдруг непостижимым образом тем, что есть, если это ничто спасло меня тогда, почему бы ему не спасти меня еще раз! Почему бы... Почему бы этой страшной женщине-рыбе, почему бы ей сейчас не плыть оттуда, из глубины, ко мне, и почему бы ей не приюхиваться алчно ко мне. Почему бы ей... Женщина-рыба раскрыла свою жадную пасть. Главное — не промахнуться. Выбрать момент, и... Я отпрыгнул, я бросился в сторону. И разогнул ноги. Опустил их, и на какое-то мгновение оказался стоящим на спине женщины-рыбы! Я так отчетливо чувствовал ступнями ее ребристое чешуйчатое тело! Ее перепончатый гребень-плавник. И я оттолкнулся от ее спины. Я так оттолкнулся от ее спины, будто босой ногой наступил на змею. С таким же ужасом и отвращением. Я выпрыгнул из воды. Я ухватился за кромку камня, лежащего у входа. Подтянулся и вывалился из западни. И побежал на четвереньках, как пес. Как ушибленный пес. Подвывая. Продираясь сквозь кустарник. Не веря в то, что вижу. Пока не свалился. Пока не ткнулся лицом в замшелый валежник. И вот уж тогда, зачерпнув ноздрями и наполнив себя его сырým запахом, и набив рот лишайником, и ощутив на языке его горький вкус, я обрел себя. Я обрел себя, лежащим на замшелом валежнике. И надо мной, высоко

— ветви деревьев, как растопыренные пальцы ладоней. Ладоней, что защищают меня не то от глаз той, Имя Которой Произносить Нельзя, не то от Вигару. Так казалось...

Уютно в этих ладонях. Если ты птица... Я подумал о том, о чем вспомнил потом, когда я решил идти и не знал, куда мне идти.

Ветви деревьев переплелись, и в них угодило солнце. Белая обжигающая точка. Или как паук. Ветер шевелит ветви — солнце-паук в середине паутины колыхается. Ждет. Я едва не угодил ему на завтрак...

Еще долго я был неподвижен. Я лежал, пока тень от ольховой ветки не переползла через ссадину на моем локте. И мне стало холодно. Я встал. Я не знал, куда идти. И тут я вспомнил то, о чем я подумал, когда лежал и смотрел на ветви деревьев, что как ладони укрывают нас... Я взял палку длиной в два своих роста и направился к колодцу. И не то чтобы внутри меня поселилось сомнение — но как будто кто-то другой, не я, просил меня, настаивал это сделать. И так уныло... Я подчинился. Я лег у входа в жилище женщины-рыбы. И, морщась от страха и смущаясь, опустил палку в воду. Погрузившись на высоту человеческого роста, палка наткнулась на дно колодца. В том, что это было дно, я не сомневался. Я так тщательно и долго елозил палкой по дну, что больше не сомневался. Там, на дне, я нащупал тело Чужого. Чужого, Того Которого Оставила Женщина...

Зачем так?

Я отбросил палку. Я еще не решил до конца, но тот, который внутри меня, не сомневался. Я не знал, верить ли ему? Или я это и есть он? И что тогда человек — это тот, который внутри меня, или все таки я? Кто из нас больше я? Так я думал, направляясь к стойбищу...

Когда я вышел из лесу, люди моего племени окamenели. Если бы их тела покрывал лишайник, я бы не удивился, так они были неподвижны. Двигался только дым костров. Да еще река. Только это и двигалось. Еще двигались облака. Все. Да, вот еще пес пробежал. Но и он не смел поднять глаз от земли и поджимал смущенно хвост, будто стеснялся себя бегущего. Будто прятал стеснительно свой хвост, такой легкомысленно подвижный. Теперь все.

Что стоять? Я пошел. Я знал, что я хочу, и это знание пугало меня, но я шел. Я хотел увидеть его. Сначала я хотел просто посмотреть на него. И кто мне может запретить это сделать? Люди племени чувствовали мою решимость. Но чувствовали ли они мое знание как часть мира каждого из них? Не знаю. Вначале я хотел просто посмотреть на него...

И вот я приблизился... Вигару сам шагнул мне навстречу. Неожиданно он выдвинулся мне навстречу из-за чьей-то спины. Я опешил. Смущился, когда увидел то, что теперь было у Вигару вместо лица. Вигару вышел мне навстречу и преградил мне путь. В руках у него — его камни. А ноги утопают в песке,

так что не столкнешь. И не подступить — острые сучья.

Я не решился назвать его по имени. Нужно было извиниться перед ним, но для этого нужно было назвать Вигару по имени, а я не смог. Тот, который был внутри меня, не смог, и я не стал противиться ему.

Никто не помнит, когда Вигару приплыл к нам. Было это давно. Представляю, как он макал в реку свои руки-обрубки. Представляю, как поразил его вид сбегавшихся на берег соплеменников. Эти его крючковатые многочисленные обрубки и осклизлые полусгнившие бока!

А сколько смысла можно найти в твоих, Вигару, тенях отбрасываемых одним-единственным костром! Ты, воплощенный в своих тенях, непостижим. Не видел за всю свою жизнь ничего более странного, чем ты, Вигару, когда тебя освещает три костра одновременно. Как переплетаются красные тени! Как мерцает и отсвечивает внутри тебя желтый камень, висящий в пещере той, Имя Которой Произносить Нельзя! Так и кажется, что там, среди всех этих сучьев, у основания истлевшего ствола что-то шевелится и живет. И почему бы ему не жить там? Ведь и внутри каждого из нас живет кто-то, кто стучится...

Ты обыкновенная коряга, Вигару. Мерзкая, отвратительная коряга. Когда-то ты был дубом. Ты, быть может, стоял на берегу, а потом та, Имя Которой Произносить Нельзя, рассердилась. И ударила тебя. Сожгла. И ты, то, что от тебя осталось, упало в реку и поплыло. А может, все еще проще. Ты рос на берегу реки, потом вода подмыла берег, и ты рухнул. И еще долго тлел. А потом то, что от тебя осталось, смыло паводком. Вот ты и поплыл. Выбрался на наш берег и стал — Вигару...

Я приблизился к Вигару. Я коснулся пальцем круглого желтого камня. Их тут несколько висело, на истлевших кожаных лоскутах. Я взял ближайший к себе. Во время сильного ветра камни Вигару, раскачиваясь, громко брякали друг о друга, вызывая трепет. Я извлек камень из кожаной петли и швырнул вниз по склону...

Я увидел Лит. Она бежала от дальних пещер...

Вначале я проделал руки между сучьями, будто мы схватились с Вигару. Так это должно было казаться со стороны. А потом я взялся за основание коряги. Из-под пальцев посыпалась труха. Я даже подумал, что Вигару решил рассыпаться в моих руках. Быть может, он ждал этого прикосновения, чтоб рассыпаться. Быть может, Вигару решил меня перехитрить и умереть непобежденным. Я попытался оторвать корягу от песка, но она за долгие годы как будто выросла в песок...

— Не так! — запыхавшаяся Лит опустилась на колени и по собачьи принялась выгребать из-под Вигару песок. Со стороны берега.

Я повернулся к Вигару спиной и ухватился за самые нижние сучья. Вигару крикнул... Вот досада. И пошатнулся. Нет, он упал не сразу, вначале он пошатнулся. Как будто раздумывая. Словно не реша-

ясь. И все же опрокинулся, не найдя опоры там, где Лит выбрала песок. И, размахивая сучьями, будто хватаясь ими за собственную уродливую тень на песке, ломая сучья, покатился, побежал к реке. Разбрасывая уцелевшие камни из кожаных петель. Швыряясь камнями. И плюхнулся с берега в воду. Окатив стоявших неподалеку. И, на мгновение уйдя с головой под воду, Вигару вынырнул. С тяжелым вздохом вынырнул, будто отфыркиваясь. И, покачиваясь, тяжело поплыл по течению прочь. Поплыл, чтоб пристать к другому берегу. Вот такой у него сейчас был важный, надменный вид...

И я пошел прочь. А стойбище ожило. Как будто все только и ждали, когда я уйду. И я ушел. За мной увязался тот самый стеснительный пес, что смел двигаться, когда этого ни смел никто. На лукавой морде пса не было и тени былого смущения. Только подобострастие. Но и пес отстал, когда последняя пещера стойбища скрылась за поворотом тропы. Осталась только Лит. И все-то у нее в руках всякие корешки и камешки. Все-то она урчит. Как кошка. Как внутри у кошки. Лит то догоняет меня и идет рядом, размахивая руками, как ребенок. Словно дурачится. То отстает. То вдруг бросается в сторону, увидев в траве бессмысленную травинку. Рвет, разглядывает ее. Убегает вперед...

— Лит. Что ты делаешь, Лит?

— Вот! — и в руках у нее горсть разноцветной гальки. Гладкие, скользкие камни. Метать удобно.

— Зачем они, Лит?

— Так...

И если бы не садина на щеке Лит, я бы мог подумать, что мы идем, как мы шли тогда, когда убежали от Незнакомца. И как будто все еще жив Эли, а женщина-рыба, как прежде, живет в своей расщелине. И где-то плавают непознанная и непостижимая седая рыбка. По стене чьей пещеры ты плывешь сейчас, рыбка?

— А вот! — протянула Лит какой-то несъедобный корешок, — Птичка.

— Птичка...

— Там их всегда было много, — заговорщицки оглянувшись, поделилась Лит, — Там, где пень стоял. Там, где нельзя. Ну. Так говорил Чужой. Так все говорили... — тревожно оглядываясь, делилась Лит, — А я ходила.

Достигнув вершины холма, я оглянулся — дымы костров стойбища тянулись к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя. Еще дальше утопал в сизой дымке Улекой. За вершину Горы по-прежнему цеплялось облако...

— ...Ходила ночью, — болтала Лит, умудряясь при этом поднимать с земли какие-то понятные ей одной, обозначающие собой что-то только для нее одной веточки, — А он совсем не хотел. Ну. Я и принесла. Я ее оторвала от пня. Правда, было очень похоже на оле-
ния?

— Ты ту ветку отломила от Вигару? — не поверил я своим ушам.

— Ну, — кивнула Лит, — Он меня бил... — Лит поморщилась, — Чужой. За это. Ну.

Я предстал лицом Чужого, когда Лит впервые рассказала ему, где она берет свои интересные камешки и веточки. Я рассмеялся. Бедный Чужой. Уф!

— Было больно, — Лит нахмурилась было, — Глупый пенек, и из-за него было не подобраться! — Лит фыркнула и бросилась в траву, срывать какой-то цветок.

— Поэтому ты копала песок под Вигару?

— Я хитрая, — сказала Лит, — Корень уж очень под ним закрученный, — сказала Лит, сорвав лист подорожника.

— А в твоём племени не было своего Вигару?

Вот тут Лит опешила. И пошла ко мне на цыпочках. И стала шептать.

— Чи? Он очень... — Лит запнулась.

— Страшный?

— Толстый, — выдохнула Лит, — И совсем шершавый. — Лит огляделась, подыскивая что нибудь, напоминающее Чи...

Лес закончился. Мы с Лит брели по гребню холма. Слева в низине тянулась река, справа болотистый луг.

— Таких тут нет, и... — Лит обрадовалась, — ...и у него тоже всякие камни. Потому что там тоже никто не ходит.

— Кроме тебя...

Лит тяжело вздохнула.

— Они потом все собрались. Когда Чи повредился. Ну. Я взяла один камень, а он повредился. Может, он на нем стоял?

— Как Вигару?

— Нет, он совсем повредился. Все сказали, что я заблудилась внутри. Ну. Внутри себя. Так бывает? Что это значит? И тогда мы пошли, — продолжила Лит, — Куда? Да так. Искали всюду. Тебя искали. Ну. Никто не шел. Почему ты долго не шел?

Тут я сразу понял, почему никто из чужих даже не оглянулся, когда я взял у них Лит. Они искали, кому бы ее отдать.

Лит болтала без умолку, Лит наклонялась за цветами, Лит урчала от удовольствия, как кошка, Лит поднимала с земли и разглядывала палочки и камешки, Лит убегала далеко вперед, или в сторону, чтоб затем, оглянувшись и испугавшись того, как далеко она отбежала, примчаться обратно, а я думал, что тот, кто обводил Лит пальцем, сделал это одним коротким стремительным движением. И обводил он ее не на песке...

Как если бы он обвел ее пальцем на воде... Так я думал.

Дуб, на котором когда-то прятались Лит и Мадло, как прежде, нависает над рекой. Быть может, в нем

дремлет будущий Вигару, но, пока дуб цепляется корнями за обрыв, он всего лишь дерево. Так думает Мадо... А вот промоина. Раньше ее не было, думает Мадо. К чему бы это, эта промоина, думает Лит, и тут же мчится ее обследовать. Мадо наблюдает, как она барахтается в песке, как соскальзывает вниз, как, цепляясь за едва различимые выступы, все-таки ползет вверх. Нет, не зря он пришел сюда. Здесь много глины. Она проступает бурими пятнами. Эти пятна как родинки. Их много...

Мадо пошел вдоль берега искать подходящую палку...

— Там дырка! — сообщила счастливая Лит, соскальзывая на спине в туче песка к Мадо, — Очень крупная дырка в земле!

И глаза у Лит большие и круглые, словно от ужаса. А брови поднялись на лоб. И если бы Лит при этом кричала от ужаса, а то ведь улыбается. И на лице ее: «Это так удивительно мне, такая крупная дырка в земле! Как же я не догадывалась раньше, что такие крупные дырки в земле случаются? Это даже еще удивительнее, чем сама дырка — то, что я не догадывалась об этом!» Вот что на лице Лит...

— А что ты делаешь? Зачем такая земля здесь? Почему она такая? Она скользкая? Ну.

Глина не подчиняется Мадо. Она еще не привыкла к рукам и выскальзывает. Мадо ее бьет. Топчет. Рвет на части. Но глина не слушается Мадо. Тогда Мадо гладит глину. Он ее ласкает. Смачивает в воде. Глина капризничает...

Лит испуганно наблюдает за Мадо.

Взбешенный Мадо оставляет глину и уходит. Лит догоняет его. Утешает. Некоторое время они вместе бродят по берегу. Потом Мадо возвращается к оставленной глине, и все повторяется...

Руки ничего не помнят, думает Мадо. Глупые руки! Руки не могут повторить очертания тела Лит. Вот же она рядом. А они не могут.

Глупая глина, думает Мадо! Она не хочет подчиниться его рукам. Вот же он ее гладит, поливает водой, ласкает, а она не хочет...

Глупая Лит, думает Мадо! Она не хочет сидеть неподвижно. Вот же он ей объяснил, как нужно сидеть не двигаясь, а она шевелится...

Наконец Мадо сдастся. Он берет Лит на руки. Та смеется. Мадо снимает с Лит шкуру. Лит нежно прихватывает зубами ухо Мадо. Мадо бережно сажает Лит в глиняное месиво.

Вот уж действительно глаза у Лит круглые и большие!

— Мокро, — сообщает Лит на всякий случай. Вдруг Мадо не догадывается...

Но вместо того, чтоб извлечь Лит из мокрой неприятной холодной глины, Мадо предлагает ей лечь...

Лит пробует сопротивляться, но Мадо сильнее.

— Очень мокро, — задумчиво сообщает Лит...

Мадо бережно извлекает Лит из глины, делает шаг в сторону и укладывает ее опять в глину, но теперь уже лицом вниз. Лит рассерженно фыркает и пробует вскочить, но Мадо, не позволяя ей этого. Он сам вынимает Лит из глины. Лит, грязная, мокрая и злая, стоит в стороне и наблюдает, как Мадо ползает над отпечатавшимися в глине очертаниями ее тела.

Очередное солнце догорело. Наступила ночь. Безымянные пока еще звезды — эти, мерцающие в костре той, Имя Которой Произносить Нельзя, угли, усеяли небосвод. Изредка процарапает его метеор — искра выстрелившая из костра той, Имя Которой Произносить Нельзя...

Лит сидит на песке и слушает ночь. Много шорохов. Это хорошо. Значит, никто не крадется. А то было бы тихо...

Лит сидит на песке и охраняет своего мужчину и себя. А Мадо поодаль возится с глиной, и ночь не слушает. Беспечный у нее мужчина.

А Лит устала. Слушать ночь так трудно. Кто и куда крадется в высокой траве? Бурундук. Что это за запах, сырой? Из омута... Чье это очертание? Ветвь... Не спи, Лит, не спи... Или это не ветвь? Вон то пятно, то очертание? Или это зверь? Затаившийся... Припохивающийся... Что за поздри у него? Черные. И глаза? Узкие, к ушам... И уши? К затылку... Плоскому затылку. Не спи, Лит, не спи...

Лит привстала. Вскочила Лит. А Мадо не слышит. Отвернулся Мадо от Лит. Смотрит на песок Мадо. Склонившись. И такая у него спина беззащитная...

— Эй, Мадо, — шепчет Лит.

Недвижим Мадо...

— Эй, Мадо!

Смотрит в песок Мадо. Уставился. Что там такое увидел он? Что он увидел такого, что не смеет оторвать глаз. Не смеет шевельнуться.

И очень Лит хочется хоть вполовину глаза но разглядеть, что же там увидел Мадо на песке. Вот бы выглянуть из-за его затылка и посмотреть. Но там, наверное, очень страшное что-то, понимает Лит. Такое, отчего оцепенел ее мужчина. И стал как мертвый. И она станет как мертвой, если увидит, что там на песке, понимает Лит. И все же она тянется, на цыпочках заглядывает, приподнимаясь, заглядывает из-за плеча Мадо, и в тот момент, когда ей кажется, что она видит, когда она уже приготовилась зажмуриться от страха, пальцы ее ног отрываются от песка. Будто это движение, в котором она тянулась, становясь на цыпочки, не заканчивается. И поднимает, Лит...

«Так вот что это! — понимает Лит, — Вот что скрывал от меня Мадо!» — догадывается Лит. И летит. Страшась. Замирая. От ужаса. Восторга...

Лит проснулась — Мадо напротив сидит. Сидит

и смотрит на нее. Смотрит так, будто он всю ночь тут сидел, напротив Лит. А ведь это не так. Лит слушала ночь, Лит охраняла Мадо, Лит хорошая...Лит потянулась. Как хорошо, когда солнце новое! Слово весь мир новый, так он свеж.

— Что ты смотришь на меня так, Мадо? — спросила Лит.

— Ты красивая, Лит... — сказал Мадо. Он нашел это слово. Новое. И впервые осознанно понимал, что оно значит. Для этого Мадо трудился всю ночь. Он честно трудился, и все равно Лит была красивее того, что он сделал.

И глаза у Лит округлились, брови взлетели, словно от ужаса: «Это так удивительно мне, что я такая красивая; как же я не догадывалась раньше; это даже удивительнее, чем само утверждение, то что я не догадывалась...»

— Что это? — спросила Лит.

У кромки воды, на песке стояла невысокая, в половину человеческого роста глиняная фигура. По некоторым признакам можно было догадаться, что изваяние — женщина. В лице глиняной женщины с огромными, на выкате глазами и задранными бровями, в самой ее приземистой фигуре, в ее скрещенных на животе тоненьких ручках, и бедрах, было что-то мистическое... Можно было предположить, что это та, Имя Которой Произносить Нельзя, спустилась с небес. И воплотилась в зримый глиняный образ. И теперь изумленно плятится — неужели вот это все, и река, и обрыв и дуб, помешались под моим животом?

— Это... — Мадо потушился. Мадо настороженно огляделся. Мадо понизил голос, — ...это она.

— Та?

— Но ты ... ты красивее ее, — и Мадо ссутулился, ожидая, что глиняное изваяние метнет ему в спину проклятие...

— Ты красивее ее, — произнес Мадо.

Мадо коснулся самыми кончиками пальцев живота Лит. Как тогда, когда он, утопая в облаке, стоял на Горе и тянулся, привстав на цыпочках. Точно так же...

...Я пошевелил пальцами. И удивился, что они еще есть где-то. Меня прошиб пот. А вдруг я перестану быть тем, кем я был, думал я? Потерю себя того, который я есть сейчас, думал я? Колени дрожали... Раствориться? Перестать видеть, чувствовать даже себя? А вдруг я никогда не вернусь к себе сейчасному, думал я? И зачем оно, это чувство? Во мне? Для чего оно мне? Почему именно мне?

Цепenea от ужаса, я привстал. Пустота тарашила на меня свои жуткие бельма. И что это за страшное чувство, Лит: быть, когда ничего нет, кроме тебя?!

23 Января 2001 г.

Рисунки Юлии Меньшиковой

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Татьяна СУВОРОВА
К пику «Уральского следопыта»!
Евгений ТАМПЛОН
«Чертово городище»
Владимир ЗОТОВ
«Алек-2002»
Александр ПОЛЕЖАЕВ
«Бушуй»
и другие материалы

Здравствуйте, дорогие читатели!
«Вот и лето... Словно не бывало». Тропы лесные завалены упавшей листвой. Прошли дожди, пришли холода, и скоро будут снега. И вы (я надеюсь) в теплой, уютной квартире будете разбирать свежие, сделанные этим летом фотографии, вспоминая о том, как хорошо было в странствиях.

Прошу вас, не забывайте вашего верного друга и соратника — журнал «Уральский следопыт». Мы ждем ваших творческих отчетов про путешествия и приключения, ждем и фотографии к ним.

А в этом номере мы попытались осветить некоторые события, которые, возможно, будут интересны и для вас.

Гвоздем этого номера, несомненно, является рассказ про экспедицию на Приполярный Урал к пику имени «Уральского следопыта». Сквозь дожди и снега, часто несмотря на самые неблагоприятные условия, ее участники, в том числе и сотрудник журнала, упорно шли к своей цели. На дороге к ней они видели много интересного, пережили незабываемые моменты.

Также на наших страницах сегодня представлен обработанный дневник экспедиции городского спелеоклуба в Кавказские горы.

А еще вас ожидает встреча с замечательным детским тренером по скалолазанию Примеровым Виталием Павловичем, который в своем проблемном интервью впервые вводит в широкий обиход новый, спорный термин — «детский альпинизм».

Про природный памятник родного Урала — Чертово Городище — рассказывает Евгений Тамплон. Этот его материал продолжает серию статей, посвященных необычным, притягательным местам Урала.

Также в девятом номере печатается окончание документального очерка Александра Полежаева «Бушуй». Этот очерк был с нами целых полгода, переноса нас в удивительный, азартный мир охоты.

Александр Челноков

Татьяна СУВОРОВА

К ПИКУ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»!

Это наша группа во дворе редакции журнала.

От автора: эта статья написана мной по рассказам участников этого похода и от их имени. И в ней много цитат из записей путешественников, в разные годы посетивших эту вершину.

На Приполярном Урале есть одна гора — пик имени журнала «Уральский следопыт». Высота — 1550 метров. Его первопрохождение было совершено 9 августа 1979 года сборной командой Свердловского совета по туризму и экспедициям, состоявшей из А. Карелина (руководитель), А. Сурикова, В. Шляева, Н. Богомолова, В. Рыбина и специального корреспондента нашего журнала Ю. Борисихина. Ровно в 13:00,

несмотря на дождь, они поднялись на эту, тогда еще безымянную, вершину.

В 1999 году было решено отметить юбилей этого первопрохождения новой экспедицией «Уральского следопыта» на пик-«тезку». Однако в силу ряда причин, связанных с тяжелой экономической ситуацией в стране, экспедиция была отложена. Заметьте: не отменена, а именно отложена!

И вот сейчас, летом 2002 года, группа энтузиастов решила совместить пеше-водный поход по Приполярному Уралу с посещением пика «Уральского следопыта». Группа состояла из Максима Фирсова (глава Наблюдательного совета нашего журнала), Анны и Олега Новоселовых, а также трех детей: Кати Фирсовой, Саши и Димы Новоселовых.

...Из Екатеринбурга по железной дороге мы доехали до станции Инта. На ней мы случайно встретились с группой молодых, менее опытных туристов из нашего же Екатеринбурга. Договорились с ними о том, что завтра все вместе поедем на «Урале» — российском грузовом внедорожнике — до базы Желанной, на которой добывается горный хрусталь, и где начинался наш маршрут.

Спать легли в самом оптимистическом настроении. Проснулись в предвкушении хорошей заброски — а на улице холод, дождь, облака ползут метрах в 50 над землей. В горах, по логике, будет еще неуютнее.

Наш грузовик легко ехал через реки — чаще не очень глубокие, хотя приходилось брать водные преграды и посерьезнее. Чего стоит только брод через Кожим. Вокруг — тундра и прячущиеся в серых облаках горы. Краски неяркие, но даже в непогоду очень чистые, успокаивающие. Хотя на дворе август, но и они, и температура создают у нас ощущение удивительной свежести. Севера! И над землей, как прозрачная вода — сильный ветер. Свистит, воеет — подает голос, словно зверь. Очень хочется быстрее приехать на место, слезть с машины и, наконец, пойти пешком.

Наконец мы доехали до места, выбрались из машины и сделали первые настоящие шаги по земле

Приполярного Урала — прошли через базу Желанная на озере Балбанты. Именно с этого и началась наша по-настоящему походная жизнь. Вершины всех гор в снегу, сверкают над плотной зеленью августовских трав и карликовых деревьев с причудливо извивающимися стволами. Ветер южный, температура в самом лучшем случае — градусов десять тепла. Это лето выдалось необычным — очень холодным. Снег в горах так и не растаял до конца, хотя, как правило, к августу остается только несколько никогда не исчезающих снежников и ледников.

...Наша группа, уже без временных попутчиков, движется вперед вдоль озера Балбанты, вверх по реке Балбанью. Честно говоря, в это время нам были еще не до конца ясны детали нашего маршрута: у нас, как всегда, была оставлена про запас пара дней на непогоду или днёвки. Кто-то хотел зайти на первый на нашем пути настоящий ледник Балбан, попинать его снег (так мы и сделали в итоге). Кто-то хотел вернуться на озеро В. Балбанты (или Восьмерку, оно прозвано так за свою форму). Появилась идея провести лишнюю ночь вдаль от перевала, половить рыбу в Балбанью. Короче говоря, соблазнов Приполярный Урал предложил нам много — и мы оказались несколько дезориентированы.

Мы шли в белске и в грязи: одновременно лился дождь и светило солнце. Все сверкало от холодной, почти осенней воды.

Сделали очередной привал, и ребята тут же отправились осматривать на склоне горы шахту с отвалом кварца. Любопытно же! Но сходили зря, вернулись разочарованные — ничего интересного не нашлось. Вход в шахту оказался завален: видимо, добыча хрустала здесь оказалась бесперспективной. От этой стоянки до озера Круглого было уже совсем близко — километра четыре. И только здесь кончились все колебания: мы решили идти прямо к Круглому и далее, через перевал Кар-Кар — таким образом выигрывается целый день на маршруте, и мы быстрее доберемся до своей главной цели — до пика «Уральский следопыт».

Двигались по дороге, идущей на перевал Волдан. От нее, наконец, отделилась тропа к Кар-Кару. Мы шли чуть выше речки, которая бежала под нами. Здесь — самое

ее начало, и она еще беспомощный ручеек, который легко перейти вброд. Балбанью сильно петляет, и мы уже четыре раза форсировали ее вслед за тропой. Но пятый раз нам не представился — мы начинали по-настоящему подниматься вверх.

Сделали очередную остановку, сев на камни прямо внутри тучи. Мы не знали, сколько она еще будет продолжаться, и удастся ли нам в скором времени оказаться выше нее. Опять пошел нудный дождь, который зарождался прямо здесь, в воздухе вокруг нас. Аня вздыхала, что, когда мы еще чуть-чуть поднимемся, вода наверняка превратится в снег. И эти прогнозы оправдались...

Дождь постепенно перешёл в мокрый снег, который сыпал все гуще и гуще, приходилось двигаться прямо сквозь тучу. Видимость — отвратительная, и мы ориентировались только по системе спутниковой навигации GPS (Спасибо за нее Олегу Майорову). Если бы не она, нам наверняка пришлось бы остановиться.

Заглянули на ледник Балбан. Он лежал в цирке, окруженный мрачными скалами. Белая корка льда, а над ней — чёрные подтёки лавы, застывшей миллионы лет назад. Мы стояли на самой границе двух миров: под нами, на 200-300 метров ниже, градусов на 5 теплее, чем здесь. При этом метров 50 вперед и вверх — начало зоны снегов. Снежный покров здесь не постоянный — он лег только позавчера, однако все еще не собрался таять. Так что температура там, наверху, явно где-то около нуля.

На озере Круглом мы разбили лагерь. Здесь без дров нам предстояло провести две холодные ночёв-

Горы Приполярного Урала.

Манарага. Ее снега сливаются с небом...

ки. Отсюда планировался радиальный выход на высшую точку Урала — гору Народную. А на другой день мы собрались перевалить в долину реки Манарага.

4 августа, накануне дня рождения Анны, мы поднялись на самую макушку Урала. Сильно пуржило, снег под ногами лежал уже плотным настом, видимости совсем никакой, и мы опять двигались вперед только по GPS. Уже на вершине Народной все по той же GPS-ке мы измерили высоту горы и обнаружили небольшое расхождение. Американская навигационная система давала неточность: на дисплее прибора высвечивалась цифра 1905 метров, а на карте указано 1896 метров. Программа борьбы с террором дала погрешность по высоте...

А еще на горе мы видели памятник какому-то французу. На памятнике было обозначено, что он погиб пять лет тому назад, 10 августа.

С Народной пока смутно, на саморм горизонте, виден пик имени «Уральского следопыта». Увы, погода не дала нам его разглядеть как следует...

Постояли на вершине, полюбовались огромным миром вокруг нас, и спустились.

Пятое августа. От озера подошли под перевал Кар-Кар. День стоял теплый, но опять пошел снег. Из-под его падающих и тающих хлопьев выглядывают розовые цветы — так сказать, лето и зима одновременно!

Вверх, на перевал, мы двигались, то и дело останавливаясь на отдых; зато вниз, к реке Манараге, скатились чуть ли не кубарем. Шел сильный снег, и ветер старался набить его нам в глаза, за шиворот — вообще куда угодно.

В долине мы и встретились с той самой командой из Екатеринбурга, с которой вместе ехали на машине.

Они на Народную подняться не смогли — непогода...

В лагере земляков мы не задержались — вокруг него рос только кустарник, нам же хотелось настоящего костра, а не ужина на газовой горелке.

До тайги дошли за три перехода, углубились в нее примерно на километр, стали лагерем. И принялись печь самые настоящие оладьи, по-настоящему отмечая прошедший день рождения.

Это была первая ночь за весь поход, когда мы смогли спать не закутавшись в спальник и еле-еле дыша в этом коконе... Всю ночь по палатке молотил дождь — мелкий, противный. Но ему все же было далеко от нестихающего завывания пурги, и вдобавок нам не надо было два раза за ночь вставать, скидывать сугробы с крыши палатки.

Отдохнув в лесу, пошли дальше — к Манараге-горе.

Манарага нависала над нами, как стена доисторической исполинской крепости. Черные и белые краски, ни полутонов, ни переходов. Только снег и отвесный камень, с которого все скатывается. Сама ее скальная вершина черна и иногда просвечивает сквозь облака, как тень. Манарага — исполинская лапа медведя, прячущегося глубоко под землей и выставившего из своей берлоги каменные когти-пик — упрямо хотела поймать что-то там, в небе...

...По ее подножью мы шли все вместе. Очень хотелось по-настоящему разглядеть ее вершину — снизу нам это не удавалось сделать целых трое суток. Как ни взглянешь — она запорошена облаками.

На ее вершину поднялся один Максим — он прошел, утопая по поясу в снегу, по гребню горы и вышел на правый зуб. Все остальные оставались внизу.

После «Медвежьей лапы» мы вернулись на берег реки Манарага, которая впадает в р. Косью. Собрали катамараны и сплавились до реки Пывсян-Шор.

Мы выбрались на берег: нам надо было подниматься по речушке Пывсян-Шор вверх, туда, где она ручьем вытекает из перевальных озер. И, наконец, пошли прямо к пику «Уральского следопыта». Погода стояла та же — странная, то лето, то зима. Сначала вдоль реки росла тайга. Выше нее началась зона тундры — ягель и берёзка едва до колен. Когда мы достигли тундры, вершина горы просматривалась уже вполне отчетливо. Мы медленно, не торопясь шли к пику.

Его светло-серый, массивный конус вырастает из основания гор ступенями. И на нем лежат такие же массивные, как камни, спокойные облака. Они мед-

ленно движутся, открывая нам то один, то другой склон. Холодно. Кажется, что и миллионы лет назад здесь все было точно таким же, каким мы видим его сейчас. И через миллионы лет тоже будет таким же. Неизменность. Серое, черное, белое. И контрастом к этой картине суровой вечности — река. Она бежит, играет на порогах, то смеется, то ворчит о чем-то.

Поднялся ветер, и на несколько часов пик освободился от завесы туч. Мы смогли сделать несколько хороших снимков. И, конечно, смоли тщательно рассмотреть сам пик и вспомнить все, что мы о нем знаем.

«Вершина имеет два цирка. Северный цирк наиболее обрывист и имеет высоту стен около 500 метров. Почти вся площадь северного цирка занята снежником, в верхней части которого идет скальное ожерелье. На дне цирка — красивое озеро длиной около 300 метров, из которого вытекает ручей, каскадом падающий вниз и втекающий в третьем сверху озеро реки Пывсян-Шор. Южный цирк имеет меньшие размеры, чем северный. Стены сложены скалистыми обрывами, а внизу покрыты каменными осыпями. На дне южного цирка находится километровое озеро, дающее начало реке Правому Парнуку.»

Вершина имеет четыре гребня. Восточный и южный гребни относятся к Исследовательскому хребту. Все гребни имеют скалистый характер. Восточный круто падает вниз на 150 метров к двум перемычкам-седловинам, являющимся перевальными точками из долины реки Правый Парнук в долину реки Пывсян-Шор. Южный гребень имеет скальные обрывы, на восточном они более пологие, каменные, на западном склоне — осыпные. Последний спускается к перевалу из долины реки Правый Парнук в долину реки Правый Вангыр. Перевал отстоит от вершины на расстоянии трех километров.

Непосредственно вершина сложена из средне- и крупноблочных скал. Размеры вершинной площадки — 3 x 5 метров».

Мы знали о всех семи путях восхождения на пик «Уральский следопыт».

«Из долины реки Пывсян-Шор по северному цирку и далее по западному гребню» (этот маршрут был пройден во время первовосхождения на гору);

от реки Пывсян-Шор по северному гребню (маршрут чисто скальный и сложный);

из долины реки Пывсян-Шор по крутосклонному снежнику и далее по восточному гребню (этой дорогой спустились с вершины первопроходцы зимой 1982 года);

от верховьев реки Правый Парнук с выходом на восточный гребень и далее на вершину;

из долины реки Правый Парнук по южному гребню (сложный скальный маршрут);

из долины реки Правый Вангыр по южному гребню (по каменным осыпям и участкам скал);

из верховьев реки Правый Вангыр с выходом на перевал западного гребня и по нему на вершину». (Цитата с данными взята из статьи Ю. Борисихина «Приглашает гора «Уральский следопыт», журнал «Уральский следопыт», № 8 за 1982 год.)

Некоторые из маршрутов были, в общем-то, по силам некоторым членам группы. Но... Погода. Снег. Его не должно быть в августе. И путь вверх вел не по честным, твердым скалам. Нам «светило» пробираться через белые, коварные поля. Какие трещины засыпаны? Где снежник может съехать, внезапно обернувшись лавиной? Хотя она будет и не той силы, что в феврале, но все-таки окажется очень опасной. Тем более, что в группе не у всех людей есть достаточная подготовка для таких испытаний... Мы стояли под перевалом, через который идет путь к цели, и думали над ситуацией. Вершина «Уральского следопыта» вполне оправдывала свое местонахождение — это район хребта Непроступного, который получил свое название из-за крутых склонов, отвесных сбросов, опасных для прохождения гребней.

Так что нам оставалось любоваться «тезкой» и вспоминать давным-давно прочитанный репортаж о

Карта местности.

первопрохождении пика: «Скалы гладкие, зацепок мало. Западный ветер принес тучи. Они не спеша обволокли окрестные вершины. Заморосило. На перевал мы спустились уже в завесах дождя. Подъем занял около трех часов.

А дождь перешел в смесь водяных капель и снега, тянет ветерочек. Ноги скользят. Необходима предельная осторожность. Снова начинаются скальные участки внушительного размера. Проходит еще час... Вот и вершина! Стоим притихшие. Нет слов.»

...Мы идем по курумнику ниже почти отвесного сброса. Вокруг на каменных осыпях растет лишайник. Он прирос к скалам и камням, став как бы их второй поверхностью, своеобразной шкурой камней — такой же мохнатой, как шкуры зверей, бродящих у самого подножия горы.

Дует сильный ветер. Выше нас начинаются снега. Свободные от них участки склонов совершенно неприступны без профессионального скалольного снаряжения. А идти на заваленный снегами перевал — неоправданный риск.

Нам немного досадно на то, что восхождение совершить не удастся. Но присутствует и чувство удовлетворенности. Мы, несмотря на все препятствия, смогли подойти к подножию горы! Как бы не мешала нам погода, мы дошли!

Снега на пике сверкают под солнцем — когда оно выглядывает из туч. Они поразительно яркие на фоне облаков. И этот отблеск снегов, падающий на нас с высоты, зовёт к новым вершинам.

Перед тем, как начать возвращение от пика, мы долго стоим и смотрим на него. Он уже снова покрыт облаками.

Мы знаем, что вернемся сюда. Через год или два, но обязательно вернемся. И пройдем еще дальше — поднимемся на вершину! Ведь она не достигнута нами только временно, только пока!

Так что до свидания, вершина имени журнала «Уральский следопыт»! Ты оказалась сложной, неприступной. Но ведь так даже интереснее. Ведь зачем же еще мы шли к тебе — разве не за тем, чтобы попытаться справиться с трудностями? Кто-то недаром сказал: «Люди проверяют себя горами...»

Внимание!

В журнале «Уральский следопыт» № 8 за 1982 год уже сообщалось о том, что на наших страницах будут публиковаться составы групп, совершивших восхождение на пик имени «Уральского следопыта». Мы продолжаем эту традицию. Присылайте на наш адрес фотографии ваших групп, сделанные на этой вершине, и списки туристов, участвовавших в этом восхождении, описание пройденного маршрута!

Пик имени «Уральского следопыта». Он ждет....

Владимир ЗОТОВ

Алек - 2002.

Про сборы

Толковых сборов в этот раз, на мой взгляд, не было, то есть сборы в дорогу, паковка продуктов и веревки, конечно, были, но... не было шумной, веселой работы, жареной курицы и пива, конечно же. Так, просто приходила парочка человек, что-то паяла, упихивала, пила чай и как-то мирно уходила домой. Особенно мне запомнился Терехин — вечно улыбающийся, вечно присутствующий в Гошиной квартире...

Только всю последнюю ночь перед отъездом доблестная пятерка (Стас, Гоша, Вовка, Вадик и Ильдар) запикивали в трансы, наверно, километр веревки, но в воспоминаниях Вовки осталось только: «Мы трескали пельмени и все...»

Ну разве это сборы?!!

Ну и проводы тоже: не было особых проблем с проводниками из-за количества трансов, больших рюкзаков, пьяных провожающих. Правда все долго обнимались и целовались, как будто нам не через две недели возвращаться.

И едем также — тихо-мирно...

В Челябинске нас встретили Галка с Оксой, нашему общему восторгу не было предела, перемыли кости всем общим знакомым.

Совершенно замечательная вещь — поездка в паровозе, везде встречают, везде провожают. Здорово! Но все встречи-проводы были вчера-позавчера, а сейчас СКУЧНО...

Лариска с Вадиком непрерывно клеют гидру, которая (по заверениям Гоши) не протекла у него на Байбе ни разу. Но молодежь не проведешь: они находят все новые дырки, обезжиривают спиртом, мажут клеем, сушат предписанное инструкцией время. Надувают (!?) Слушают (!?) и чуть ли не облизывают объект проклейки.

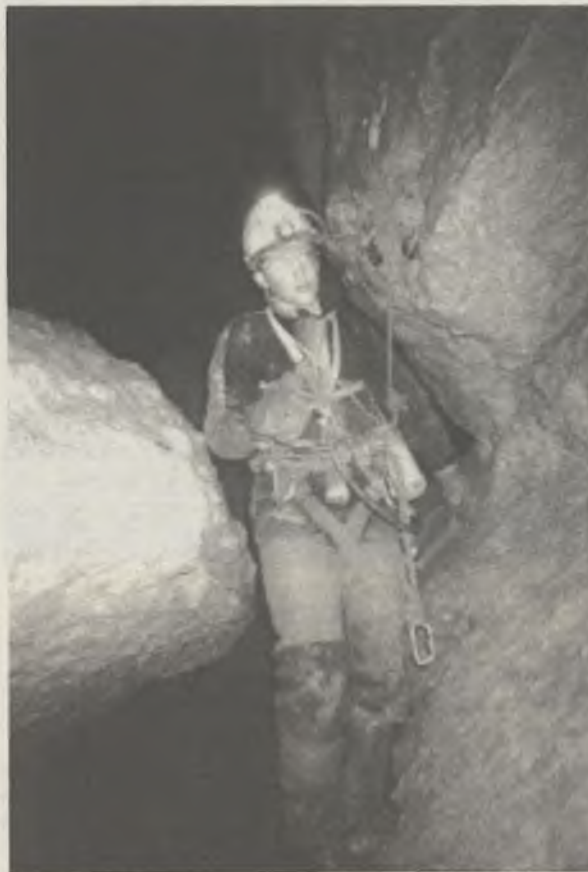
Нельзя не рассказать и об Андрюхе. У него просто феноменальная способность заводить дружбу с попутчиками и особенно с попутчицами. Молодыми и симпатичными. Иногда, отвлекаясь от гидры, в этом ему помогает Вадик и благодаря им на обратном пути в Саратове нас наверняка будет встречать хорошенькая Танюша. С пирогом, я надеюсь.

Заброска...

Ну вот и приехали.

Первым делом наши закаленные мужчины побегали к морю — не искупаться в феврале?! — это просто нонсенс!

Затем первая группа и все трансы были погружены в два уазика, которые должны были отвезти нас

Меж двух камней, а сзади — тьма.

как можно ближе к гроту Барибан, где мы собирались ставить лагерь. А вторая группа в составе семи человек благополучно загорала у вокзала.

А в это время... первая группа таскала трансы и тяжелые рюкзаки, так как высадили нас значительно раньше того места, куда хотелось бы попасть.

Таким образом, забрасывались в две ходки. Причем перед гротом Барибан пришлось преодолеть огромную горку.

На самом деле, в заброске была масса положительных моментов. Во-первых, погода. Теплынь, яркое солнце, белый снег на местах зеленых деревьев, совершенно весенние ручейки. Во-вторых, все закон

чилося очень быстро. Это вам не многодневная заброска на Фестивальную.

Теперь о гостях...

Здесь (примерно в гроте Барибан, где мы поставили свой лагерь) стояли три группы питерцев, и вечером за столом собрались представители восьми городов. Заняты были оба Балагана, два лагеря стояли в лесу в палатках. Работы велись в пещерах Осенняя, Назаровская, Географическая, Заблудших, Школьная, Гигантов. В последней пара аквалангистов из Сокольников сумели пронырнуть сифон и взобраться на Глинную Катушку и увидеть какие-то объемы. Сифон продолжается. Вечером обсуждали целесообразность установки ПБЛа. (Пещерный базовый лагерь) Пришлось в двух словах рассказать про Уральскую школу спелеологии и тактично намекнуть на процентное отношение москальских табличек ко всем другим. Узнали, что у Питера было ЧП, вызывали вертолет со спасателями — переохлаждение у девчонки. Главная ошибка — рядом не было никого, шли спереди и сзади, вроде как никуда не денется, естязамыкающие.

О питерцах...

Они оказались разными. Одна компания приняла нас, что называется, с распростертыми объятьями. Другая вела себя странно. А потом оказалось, что первая и вторая даже здороваются между собой через раз.

Света Кулешова:

А со мной, после вечера в теплой компании, приключился конфуз: иду спать, внешний вид палатки и ее дислокацию помню нетвердо. Меня провожает Ильдар с налобником. (фонарик налобный) Совместными усилиями находим нечто похожее на нужную мне палатку. Ильдар уходит, и я в полной темноте начинаю снимать бахилы и растягивать молнию на тенте, потом на самой палатке, непрерывно ворча снимаю ботинки, потом пуховку и вдруг голос: «И какие будут следующие действия?» Мне кажется, что голос похож на Лехин... И я достаточно сердито говорю:

— Какие, какие... Спать лягу, естественно!!!

— М-д-а??? А ты в этом уверена?

— Совершенно уверена... И вообще, Леха, я думаю Анька со Стасом тебя предупредят.

— Н-у-у... Я то, действительно, Леха, но Аньки и Стаса тут нет.

Я слегка напрягаюсь и, чуть сбавив тон, спрашиваю:

— А какой здесь город живет?

— Питер...

Немая сцена... Тысяча извинений и все в обратном порядке: пуховка, ботинки, бахилы, замок палатки, замок тента и бегом оттуда.

А света у меня с собой нет, и следующая палатка по-прежнему кажется мне очень незнакомой. Иду к своему рюкзаку, ищу запаску, возвращаюсь. Смотрю на палатку, осторожно растягиваю тент.

вижу незнакомые кроссовки, но рядом ботинки, похожие на Анькины...

Короче, прорвалась... Ночь закончилась в тепле и покое среди родных пермско-екатеринбургских друзей. (Очень жаль, что на следующее утро все питерцы ушли, несмотря на наши уговоры и просьбы остаться. Очень хорошие ребята.)

Сегодня первый акклиматизационный выход в пещеры Осенняя и Назаровская. Сначала выход первых штурмовых двоек планировался в 11, затем в 14, затем в 15, но уже 15.10., а двойки все еще в лагере... Вот так мы собираемся — долго и очень-очень основательно.

При паковке ПБЛа в Осеннюю все время выяснялось, что чего-то не хватает, что-то не работает, спальник так просто часа два не могли упахать в транспортник. В итоге получается, что на второй ПБЛ снаряжения тоже не хватит.

Вся наша экспедиционная команда к середине этого дня благополучно распозлзлась по всему гроту, разбросала шмотки, трансы и массу других всяких нужных вещей тонким слоем по всему периметру.

О жизни в базовом лагере...

Лично мне не хватает костра. Дров наготовили, говорят жгли сегодня, но дым тянет в грот, плохо. А так... ничего, нормально боле-менее. Ах, да, москвичи удивлялись, что мы так поздно приехали. Неужели на студенческие каникулы не завязаны?

4 часа ночи

Происходит что-то непонятное. Группа, ушедшая в Назаровскую в семь часов вечера (Попов, Анька, Ильдар) все еще не вернулись. Время уже примерно четыре, а контрольный срок 24 часа. Два часа назад мы снарядили спасотряд (Леня и Леха) и теперь сидим и ждем новостей. Холодно, нервно и уже совсем не хочется спать. Пытаемся отвлечься от дурных мыслей разговорами, но слабо получается.

Если окажется, что все дело в безолаберности группы (например, контрольный срок перепутали), то убить их будет мало.

11.02. 6.05. Волков Леня

Сегодня мы просрочили контрольный срок. Когда Стас внизу попросил помочь пронести по меандру трансы (8 штук на четыре человека многовато), он спросил: «У вас какое время на выход? До какого времени мы вас можем использовать?» Я как-то не придал значения:» «Сколько надо, столько и поможем!» Да, помогли, конечно, мы здорово, но опоздали на час. Плохо, конечно, но что делать? Так вот, помыслив, переоделись, сидим кушаем и тут кто-то высказывает мысль: «А время выхода группы из Назаровской уже просрочено! Что делать? Надо собираться.» Решили в пещеру идти двойкой: Я и Леха. Собрали аптечку и перекус. Провожать нас ко входу пошли Настя и Вадим. Версий задержки

групп много не выдвигалось. Две основные: 1) группа, наплевав на все, ушла гулять до дна; 2) веревку во входном колодце перебило (например, льдом) и не могут выйти.

Подошли к Назаровской, поорав во входной колодец, стали надевать гидры и комбезы, как вдруг услышали снизу свисток. Выходила первая двойка. Оказывается, все в порядке. Просто люди, послав все, ходили гулять до упора. Я школу лагерей не проходил (может, к сожалению), но за свои несколько экспедиций успел понять, что означает контрольный срок выхода группы из пещеры, когда с ней нет связи. Считаю, что Сергей совершил очень грубую ошибку.

Впечатления новичка

Сначала все было просто великолепно: вертикальные навески и т.д., приятно работать с веревкой. Потом были какие-то безумные лабиринты (меандры называются, как мне сказали), где приходилось лазить в распорах, скальником, ползать во всяких позах и все это по большей части в воде. Тридцать три удовольствия в общем. Затем был спуск под водопадом — ощущение мною ранее никогда не испытываемое. Но самое классное началось, когда мы попали в кишку, метр в диаметре и к тому же наполовину заполненную грязью. Поэтому вся эта экспедиция, в частности мой первый выход, мне нравятся несмотря ни на что.

Леня Волков. Про уфимцев...

Руководителем у них Рафа Низамутдинов. Жалко, что Кома не поехал — с работы не пустили, Митек в семейной жизни погряз, не выбраться. Оксана, Дима, Василий из Саратова — вот состав моей первой экспедиции. Задача у них — траверс Ручейная-Заблудших. Завтра утром будем устаканивать вопрос насчет хождения по чужим навескам. (прим. хотели договориться об экскурсии нашего народа в пещеру Заблудших, где повешена уфимская навеска).

Теперь: мне очень понравилось ходить руководителем группы. Интересные ощущения. Вроде бы все как всегда, но все-таки что-то по-другому. Хорошо, когда народ знает, что надо делать и как. В основном следишь за самочувствием и настроением участников, ставишь кто за кем идет. И при том, что я жутко боюсь всяческой ответственности, а здесь она присутствует больше, чем где либо, это очень интересно.

Про Барибан: жить здесь хорошо, когда мы одни. Широко, много места. Палатки стоят в разных концах грота. Кухня, стол, кладовка — все разнесено в разные места и разбросано. Хорошо и уютно.

На входе в грот постоянно падают сосульки. Посшибали немало, чтобы ходить было безопаснее, но много еще осталось очень высоко. Еще постоянно сыпется снег, иногда целыми сугробами. Если

Момент из пещерной жизни.

без шуток, то может запросто и прилететь кому-нибудь на голову.

Погода три дня стояла солнечная, ночью почти не подмораживало. А сейчас с 22 идет дождь — несильный, мелкий и противно морозящий. Что-то будет завтра в пещере?

Вчерашний выход

Хочется рассказать про вчерашний выход. Это — обалдеть! Впечатлений выше крыши! Стояла задача — раскопать песчаный сифон со стороны пещеры Осенней, а Настина группа должна была работать со стороны Назаровской.

...Бодренко свалившись в ПБЛ, мы перекусили и пошли дальше. Из галереи узким меандром мы стали подниматься вверх, оставив снарягу. Из тех 1,5 часов, за которые этот меандр ходится, минут 30 «тискаешься». Хорошо еще, что он не колючий. Этот узкий высококи меандр перешел и низкую трубу, по которой надо ползти на четвереньках или на животе по мелкогалечному наносу. По ходу пронырнули лужу длиной метра три, где до потолка было 20 см. И вот — уперлись в нанос. Инструментом нам служила эмалированная чашка и технология копания была следующая: передний (а им был я) отгребал под себя кучу песка, проползал вперед за очередной порцией, а сле-

дующий продолжал транспортировать эту кучу дальше по ходу. Часа за два прокопали метров шесть и вышли опять в меандр, где можно было идти уже в полный рост. Пройдя минут пять, остановились перед очередной пробкой. Здесь ситуация осложнилась тем, что грунт надо было вынимать вверх, т.е. работать вниз головой. Здесь почти три метра копали полтора часа. И пробилась! Вышли в гротик, где располагалась «скульптурная композиция» из двух сталагмитов.

Когда вернулись в ПБЛ, встал вопрос, три человека хотят на дно, но по времени не успеваем. Решили, что девчонок оставим, а сами с утра будем выходить на поверхность.

И вот утром мы с Гошей стали выходить и у меня случилась крупная неприятность. Перед выходом я повесил фотоаппарат и записную книжку не под мышку, а на грудь, а меандр-то узкий. И пока в щели в раскоряченном положении перевешивал, уронил в лужу и промочил насквозь. Печально! Мы благополучно прошли соединение, Шкляву, Калибр, подошли к веревке — спуску к первому сифону. Я был наверху, когда Гоша тревожным голосом сообщил: «Сифон закрылся». Я-то уже предвкушал подъем по красивой и приятнейшей пещере Алека, про которую очень много слышал и тут же стал прокручивать мысленно обратную дорогу через Осеннюю, расстраиваясь все больше и больше, но до конца расстроиться не успел, так как Гоша сообщил, что все в порядке и нужно только проплыть метров десять по озеру. А это ерунда. Без проблем! И вот здесь у меня случилась самая большая неприятность — снаряга слетела с плеча, пока я плыл. Я попытался было достать ее ногой, но не удалось подцепить. Занырнуть и найти тоже не получилось и решили выходить на одном комплекте. На берегу нашли метки пребывания Настинной группы — веточки для замера уровня воды. Говорят, поветочки ставили, вода сначала поднялась на 20 см, а затем опять уровень снизился. Они немножко поплавали и пошли обратно — решили до дна не идти, оставляя сзади такие колебания воды. И сделали правильно, хотя с их стороны последний замок ковкопался за полчаса.

Ну а дальше все было просто и банально (прим. ничего себе просто и банально выходить 40-метровый колодец на одном жумаре!!!) Выходили на одном комплекте, на входных колодцах спускали систему по телефонному кабелю. Ну ладно, пойду кошку делать, чтобы снарягу завтра вылавливать.

Позади остались все выходы, завтра сборы и 17 утром — выброска. Сейчас даже как-то жаль уезжать, хотя, признаюсь, были моменты, когда вода наливалась в гидру по самые уши, хотелось скорее наверх, в теплую палатку и сухой спальник. Но это только в редкие моменты. А так пещеры на Алеке замечательные, исключая дно Назаровской, где грязи примерно столько же, сколько в новой части Темной.

Про ПБЛ

Вначале планировалось устроить ПБЛ в обеих пещерах, но в итоге ПБЛ сделали только в Осенней.

ПБЛ В ОСЕННЕЙ — ЭТО ПРОСТО СКАЗКА!!!

Представьте: тихо (не считая шума водопада), сухо, тепло, да так тепло, что можно ходить в одном изотермике и не мерзнуть (+14 С). Конденсатник высыхает на веревке за ночь и в палатке можно спать без спальника. Все бы ПБЛ были такие!

Народ допаковывает трансы, окончательно сворачивается. Вчера был последний выход, сняли всю навеску и вынесли сиф. А лично у меня большая радость — выловил снарягу. А вообще все прошло очень хорошо: заброска в один день, тропы к пещерам отличные, отсутствие левого народа в гроте, соседи уфимцы, отсутствие паводка в пещерах. О, кстати, расскажу как снарягу доставали. Подошли у озеру — уровень на полметра ниже, чем было в прошлый раз. Правый берег — глиняный откос, не удержаться на нем. Расперевшись поперек хода в самом узком месте, стал кидать кошку. После третьего раза понял, что она не волочится по дну, а поднимается. Выбравшись к Володе, нашел камушек и вставил его для балласта. Хорошо стало получаться. Но непродуктивно. Покидав минут пять, решил подойти к этому делу по-другому. Пройдя вдоль правой стены до веревки, поплыл, придерживаясь за стену и представляя как что происходило. Вычислил место, где обвязка должна лежать, закрепился у стены и забросил кошку. И с первого раза вытащил. Одной рукой пытался выгрести и вдруг идея. Кричу: «Володя, тащи! Что стоишь!» В состоянии восторга, громко крича, задрал ноги вверх, а он тащил. Хорошо, весело, порезвились.

В последний выход в Назаровской хорошо поработали — настоящая мужская работа! А Света молодец! Для нее это вообще первый серьезный выход. Она сказала внизу: «Я в первый раз почувствовала себя спелеологом». На что Володя ей: «Вот наберешь полную гидру воды, тогда и будешь спелеологом». И на первом же колодце она затекла, но ничего, вроде обошлось, не кашляет и даже не замерзла.

Света Кулешова. В заключение...

Из истории края.... «Однажды жена лесника Назарова гнала медведя (!!!)...» Короче, эта Диана-охотница внушила хозяину лесов такой ужас, что он сломя голову рванул в провал, ведущий в пещеру, которую потом Назаровской и назвали. А местные теперь всякую пещеру Алека зовут Назаровской.

В поезде на обратной дороге

В поезде обратно.... Тетка из вагона-ресторана:

Про беляши: *«Покупаем беляши, солнышки, волнующий аромат, душевное тепло прямо в постель. Девушке, разгадывающей кроссворд: Один беляш и все кроссворды мира разгаданы.»* Про пиво: *«Выводит шлаки из организма, прекрасно тонизирует на ночь.»* И все это неподражаемо поставленным рекламным голосом.

Евгений ТАМПЛОН

Чертово Городище

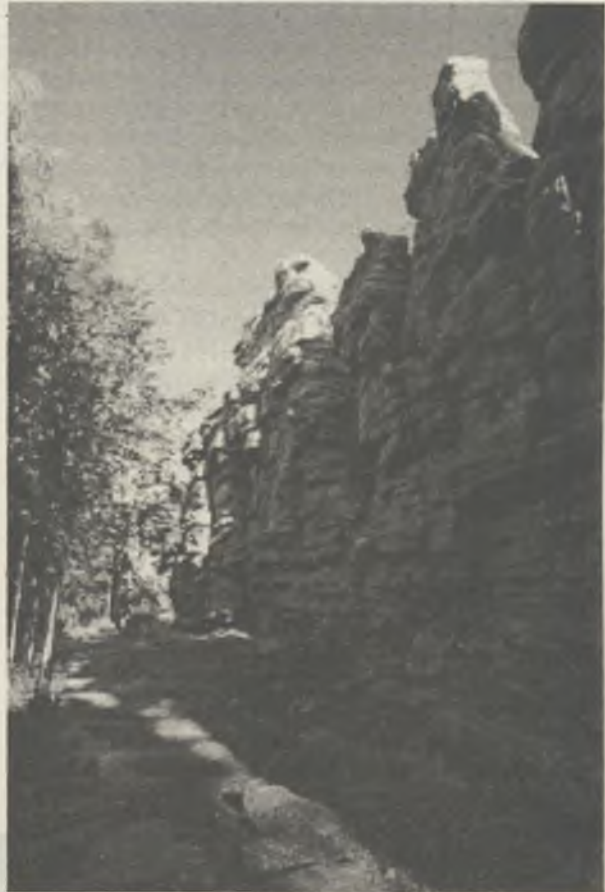
Русский черт и татарский шайтан часто поминаются в названиях уральских речек, прибрежных скал-камней, логов и урочищ. И это не случайно. Дикая красота многих уголков первозданной уральской природы невольно наводит на мысль, что перед вами не божье творение, а следы бурной деятельности нечистой силы. Так появились у нас многочисленные речки Шайтанки, по берегам рек и озер — Шайтан-камни и Чертовы пальцы, Чертовы лога и болота. Но среди всех «творений дьявола» больше всего наводит на мысль о присутствии «врага человеческого» Чертово Городище. Так называются скалы на вершине невысокой горы, расположенной вблизи станции Исеть, что стоит на железнодорожной ветке, идущей от Екатеринбурга в сторону Нижнего Тагила.

Когда-то это был глухой медвежий угол в 30 верстах от Екатеринбурга. Сейчас это черта города! От станции Исеть к подножью скал туристы протоптали несколько троп. Ежегодно здесь бывают тысячи любителей уральской экзотики. Но величественный гранитный монумент Чертова городища ниже от этого не стал, только каменные плиты местами вытерлись до зеркального блеска под воздействием рук, ног и других частей тела желающих прикоснуться к великому творению природы.

Вершина Чертова городища поднимается над уровнем моря всего на 347 метров, но последние 20 метров — это могучий каменный гребень, состоящий из отдельных башен, возвышающихся на высокоом, сложенном гранитными плитами, постаменте. Северная стена «городища» обрывается неприступной стеной, а южная, более пологая, — гигантскими ступенями спускается вниз, в долину небольшой заболоченной речки Семипалатинки — одного из многочисленных притоков Исети.

Среди старожиллов здешних мест «каменный город» всегда пользовался дурной славой. Уж больно, говорили, играет здесь нечистая сила и нередко сбивает православных с пути-дороги. И действительно, среди густого леса «городище» в старые времена найти было очень сложно. Несмотря на высокие каменные башни, увидеть его издали невозможно, и только вблизи, неожиданно среди леса перед вами встает грандиозных размеров каменная стена. Поневоле человека берет оторопь, кажется, что действительно играет нечистый.

Совершенно иного мнения по поводу каменного «города» придерживалось древнее население здешних мест, или как называли их раньше, «старые люди». Вогулы², обитавшие в верховьях Исети до прихода сюда татарского и русского населения, глубоко почитали вершину, увенчан-

Вид Чертова Городища.

ную каменными башнями, считая ее прибежищем духов, а, следовательно, местом таинственным и священным. Столетиями язычники совершали здесь свои обряды жертвоприношения; шаманы посещали гору, чтобы пообщаться с духами предков и совершить магические обряды, о которых мы имеем весьма смутное представление.

Археологи обнаружили у подножья скал много — черепков глиняной посуды и кусочков листовой меди. Находили медные подвески-обереги.

Первое научное описание Чертова Городища относится к 1876 году. Именно тогда, в записках УОЛЕ³ был опубликован отчет об экскурсии к «каменному городу», состоявшейся в мае 1861 г.

Учитель приходского училища И. А. Мшанов, один из

организаторов первой публичной библиотеки в Екатеринбурге П. А. Наумов и священник Верх-Исетской церкви В. К. Земленицын набрались смелости и посетили таинственное место. Поход хоть и не был сопряжен с опасностями и лишениями, но все-таки занял четыре дня и запомнился всем надолго, а через 15 лет отчет о нем был опубликован в научных записках и стал достоянием общественности. Вторая половина XIX века была временем грандиозных географических открытий. Мир узнал о Центральной Африке и истоке реки Конго, шли экспедиции в неизведанные пустынные области Австралии, в джунгли Южной Америки, многие всерьез начали подумывать о походах к Северному и Южному полюсам. На этом фоне поход екатеринбургских краеведов к Чертову Городищу не выглядел столь ярко, но тем не менее это тоже был шаг к познанию окружающего мира.

На Урале подобного рода скальные обнажения издавна назывались «каменными палатками». Их множество разбросано в окрестностях Екатеринбурга. Есть палатки у озера Шарташ, вблизи станции Северка, на вершине горы Пшеничной, что у озера Песчаного. Есть скалы Петрогром и Семь Братьев, но Чертово Городище — самые грандиозные каменные палатки на всем Среднем Урале. Происхождение каменных «городов» относится к далекому прошлому Уральских гор. Граниты, которыми сложены скалы, имеют вулканическое происхождение и образовались около 300 миллионов лет назад. Именно в это время происходило бурное поднятие Уральских горных хребтов в результате активной тектонической и вулканической деятельности. Граниты больше всех других вулканических пород подвергаются выветриванию, к тому же в результате неравномерного остывания гранитной магмы в ней проявились многочисленные вертикальные и горизонтальные трещины, которые, расширяясь, а впоследствии, подвергаясь действию воды и ветра, образовали вертикальные столбы и горизонтальные плиты, похожие на сложенные один на другой матрацы. Следы этих древнейших процессов наглядно видны среди башен и стен Чертова Городища.

Если у вас возникнет желание очию полюбоваться на Чертово Городище, то это легко сделать. Для этого не нужно, как в XIX веке, четверо суток продираться через уральские болота и тайгу. Асфальтированное шоссе идет до станции Исеть. От поселка при станции идет грунтовая дорога по направлению к поселку Северка. Дорога эта не очень ровная, но по ней пройдет любая машина даже в самую дождливую погоду. Через пять километров дорогу пересечет

квартальная просека, которая обозначена деревянным столбом с соответствующим номером. Цель путешествия близка. Если машина у вас не полноприводная, то лучше оставить ее здесь и пешком, влево по квартальной просеке, подняться прямо к подножью «городища». Здесь всего 500 метров. Любители экстрима или полноприводной техники могут рвануться вверх по той же квартальной просеке — они смогут подъехать прямо к основанию скал.

Поклонникам пеших прогулок можно посоветовать добраться на электричке до станции Исеть, а там, той же дорогой, но только пешком дойти до скал. Есть тропа к городищу со станции Гать, есть прямо от станции Исеть, есть путь от поселка Северка, но все они кончаются в одном и том же месте, у подножья «каменного города».

К сожалению, у многих любителей уральской экзотики вид каменных стен и башен вызывает неистребимое желание оставить на них свой автограф и поведать миру, что «Киса и Ося здесь были». Делать этого не стоит, хотя рисовать на скалах — традиция древняя, уходящая своими корнями в далекое прошлое. Нельзя забывать, что надписи портят внешний вид совершенных произведений природы, принадлежащих не только жителям Урала, но и всему человечеству. Также нельзя забывать, что письма, сделанные даже обыкновенной масляной краской, сохраняются десятки лет, а выбитые на камне — сотни лет. Их увидят наши потомки и будут знать, что на рубеже XX и XXI веков побывали здесь некие «Киса и Ося», и с головой у обоих было совсем неважно.

¹ Чертово Городище расположено на территории Муниципального образования «Город Екатеринбург».

² Так раньше называли манси.

³ Уральское общество любителей естествознания.

И еще один вид Чертова Городища.

Дети и горы

Виталий Павлович Примеров — мастер спорта по скалолазанию, кандидат технических наук, по образованию — физик, закончил Уральский государственный университет. С 1980 года работает с детьми. Организатор и вдохновитель семейных экспедиций в горы. Защитил авторскую педагогическую программу «Дети и горы». Сейчас работает тренером-преподавателем в Муниципальной детско-юношеской школе горных видов спорта.

Предлагаем Вам интервью, взятое у него Александром Челноковым.

Корр.: Не могли бы Вы кратко сформулировать суть программы «Дети и горы»?

В. П.: Если кратко, то это — программа воспитания и оздоровления детей с помощью альпинизма.

Корр.: Как можно совместить детей и суровый мир гор?

В. П.: Да, в горах есть и опасности, но ведь травмироваться можно и на улице, и в школе. А альпинистские восхождения бывают разные, совершенно различных уровней сложности и опасности. Некоторые маршруты вполне подходят для школьников, и даже для детсадовцев. И, к тому же, горы — уникальнейшая природная среда, комплексно воздействующая на организм любого человека.

Корр.: А что относится к горным видам спорта?

В. П.: Альпинизм, скалолазание (именно — скало), горные лыжи, сноубординг, ледолазание, горный туризм. А лично я ввел еще один термин: «Доступный альпинизм». Он не ставит своей целью преодоление экстремальных маршрутов. Занимающиеся им люди просто поднимаются на вершины и скалы для своего удовольствия, для здоровья и отдыха.

Корр.: А с какого возраста ребенка можно брать в горы?

В. П.: С 2-3 лет. Главное, не допустить излишнего воздействия на него таких отрицательных факторов, как повышенная солнечная радиация, резкая смена температуры в течение суток, переохлаждение. Да, и еще: детский альпинизм обязательно нужно рассматривать как совместные походы детей и взрослых. И, по моему, его ни в коем случае нельзя превращать в соревнование, в погоню за чисто спортивными достижениями.

Думаю, что детский альпинизм может существовать в разных формах. Например. Есть семейный альпинизм — выезды в горы и детей, и родителей под руководством квалифицированных гидов, имеющих и альпинистские, и педагогические навыки. А могут быть еще походы, организуемые для групп подростков (начиная лет с 10-ти). Здесь норма — 3-4 ребенка на одного взрослого и допустимы уже восхождения на объективно безопасные перевалы и вершины с элементами техники аль-

пинизма по детским классификационным маршрутам. Также должны быть и стационарные детские горные лагеря, которые принимали бы детей посменно. Их пока нет, но уже сейчас возможны выездные лагеря: зимой — на Северном Урале, летом — на Алтае, Кавказе, Саянах и т. д.

Корр.: А есть ли примеры серьезного детского альпинизма?

В. П.: Да. 13-летний американец взойшел на Эл-Капитан (Йоселиты, США) — не один, конечно, а со взрослыми. А в моей личной практике были такие достаточно сложные восхождения с детьми: Крым, Форосский Кант, пики Чимган и Борис. Со своим же четырнадцатилетним сыном я прошел скалу Парус (Крым) и уже не помню, сколько раз мы с ним ходили на Серебрянский Камень, пик Рериха, гору Фишт, перевал Кара-Тюрк. Это все достаточно не-

Мы - и горы!

Ну и что, что у меня пока нет паспорта?

простые маршруты.

Корр.: *А были ли у вас экстремальные ситуации?*

В. П.: Например, мы схватили холодную ночевку — без палатки, примуса, без ничего, в одних пуховиках, спина к спине — на пике Борис. Сложная ситуация возникла и на Фаросском Канте, весной 1997 года. Тогда восхождение началось при хорошей погоде, но, когда мы прошли две самые трудные веревки маршрута, начался снег с дождем. Сразу все стало мокрым: одежда, снаряжение, скалы, на полках земля превратилась в грязь. Но мы решили продолжать восхождение, так как, во-первых, спуск обратно ожидался достаточно сложным (у нас были короткие, всего по 30 метров, веревки), а во-вторых, после первых двух веревок должна была начаться «дорога» (легкий путь наверх). Но она так и не началась: везде нам приходилось лезть вверх попеременно и делать станции (забивать более трех страховочных крючьев и менять лидера). Мы прыгали на станциях, стараясь хоть немного согреться. И таким вот образом мы «рубались» до верха еще часов 5-6. Когда вылезли наверх, уже начало темнеть. Вдобавок все в тумане. Куда спускаться, не видно, и только случайное окошко в облаках позволило нам увидеть отблеск куполов Фаросской церкви, по которым мы и сориентировались. Спускались на восьмерках (специальные устройства для спуска),

по закрепленной на деревьях веревке. Четыре этапа спуска, из восьмерок выжимается грязь и брызжет во все стороны. Но вот мы на дороге, насквозь промокшие, грязные. А до лагеря еще четыре километра! Чтобы хоть как-то согреть ребят, я заставил их минут двадцать бежать, не снимая снаряжения. Мы неслись вниз, сквозь кусты, срезая дорожный серпантин. И только тогда, когда от нас пошел пар, я позволил своей группе остановиться, снять снаряжение и перекусить. Мои пацаны — трое человек, 13 и 14 лет, — показали себя героями. Это было для них настоящее испытание на прочность, и они его выдержали. Потом, через два года, мы прошли этот же маршрут при хорошей летней погоде, в скальных туфлях. Получили истинное удовольствие. И на весь маршрут у нас ушло всего три часа...

Корр.: *Может ли детский альпинизм быть массовым?*

В. П.: Сейчас — вряд ли, так как нет условий для его развития. Другое дело — молодежный альпинизм. В нем есть потребность — достаточно широкая, как показали альпиниады на Северном Урале и другие подобные студенческие мероприятия. Для него есть и база — альпинистские секции вузов. Но сейчас пока он не развивается... А в свое время, когда я учился (конец 60-х и начало 70-х годов), в городе насчитывалось около тридцати секций, клубов, в которых молодежь занималась альпинизмом. И сегодняшнее поколение наших ассов (Кленов, Дэви, Виноградский, Першин, Тимофеев) — они оттуда, из 70-х. Сейчас же массовый студенческий альпинизм можно возродить на другой основе. Нужна государственная программа развития горных видов спорта и отдыха — подчеркиваю, спорта и отдыха. А пока такой программы нет, вполне приемлем путь, по которому идут питерцы и красноярцы: выездные лагеря, альпиниады, сборы и т. д.

Корр.: *Я знаю, что вы бывали за рубежом. А как у них?*

В. П.: Возьмем для примера Австрию. Австрия — горная страна. Альпинизм здесь развивается более 150 лет. Там существует институт так называемых молодежных лидеров — это люди старше 18-20 лет, которые добровольно занимаются с детьми и подростками горными видами спорта и отдыха, а также работают гидами, руководителями многочисленных лагерей как зимой, так и летом. (Кстати, летом этого года в Австрии работают 60 горных лагерей для детей и молодежи.) Это — не считая профессиональных тренеров и педагогов. Подобные мероприятия получают государственную поддержку, а также поддержку клуба альпинистов Австрии, который насчитывает 570 тысяч членов. Кроме того, в каждом городе Австрии есть все условия для занятий горными видами спорта и отдыха: работают великолепные тренажерные лазательные залы, везде продается качественное снаряжение. Там, где есть скальные выходы, пробиты крючьями трассы для лазания — получается что-то типа готовых спортивных дорожек...

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Бушуй

Весть о том, что у меня завелся гончак, быстро облетела знакомых охотников, особенно спанелистов. Многие стали проситься на охоту — особенно по снегу, когда заканчивалась охота по перу. Я никому не отказывал, потому как охота с гончей — это коллективная охота: и веселее, и зайца быстрее можно перехватить, и собаке легче. Носков, Залесский, Петрович... Главное, чтобы в избушке места хватало всем.

Зайца было много, так что хватало всем. А если кому не везло, то я щедро делился добычей.

Бушуй обретал опыт и вязкость. Голос у него был не громкий, но с переливами, и в осенне-зимнем лесу, притихшем и вроде бы сонном, он был слышен довольно далеко и приятно радовал слух. Я охотился с ним почти каждый выходной, и он скоро понял свое призвание: гонял до последних сил, тем более, что снять с гона его было почти невозможно. Иногда мы с Александром просто отлавливали его на тропе, по-вратарски кидаясь за ним в броске. Один раз я даже почти простился с ним. Дело было на Унях. Мы взяли несколько зайцев и уже возвращались к избушке, когда он поднял небольшого зайчишку. Я перевидал его, но стрелять было неудобно, так как он только мелькнул пару раз между елок. Стало темнеть, и, не надеясь, что можно что-то добыть в темноте, мы решили идти к избе — благо, она была неподалеку.

— Придет, — сказал Носков. — Тут недалеко. Если волки, конечно, не сожрут.

Мы действительно, видели несколько раз свежий волчий помет. Но удачная охота, выстрелы, наши крики и шум должны были отогнать хищников. Александр попробовал поймать Бушуя, но промахнулся, прыгнув в сумерках на пробегающую мимо собаку. С тем и пошли на место ночевки.

Затопили печку, поужинали, выпили немного.

— Ну что, Сашка, за помин души твоей собаки? — пошутил Володя.

— За помин так за помин, — отозвался я. На душе было тоскливо. Я выходил несколько раз на улицу и свистел, но Бушуй не появлялся. Даже гона я не слышал. А все дед, причивший его гонять ночью. «О, —

Все зайцы будут нашими!

помню, говаривал он, — ночью самая натаска! Заяц бегаёт, собаку ничто не отвлекает, работает только чутье!» А теперь все это неизвестно во что выльется.

Я лег возле дверей и, несмотря на тоскливое настроение, заснул, устав за день. Вдруг сквозь сон слышу, как кто-то настойчиво скребется в двери. Испугавшись, я схватился за ружье — а вдруг зверь какой, типа медведя? Но услышал знакомое поскуливание.

— Пришел, кобеляка, чудило придурочное, — обрадовано сказал я вслух и открыл двери. Пес, поскуливая, словно жалуясь или пеняя на что-то мне, забрался в избушку. Я зажег свечу и бросил ему пару голов зайцев.

— Ну вот, а я уже собирался поутру домой. — проговорил проснувшийся Володя. — Думал, все сожрали волки Сашкину собаку.

— Сожрать, конечно, могли; но не зима еще, не такие они голодные, видимо, пока еще, — это проснулся Юдин. Бушуй смачно хрустел костями заячьих голов в углу, что вызывало и наш аппетит. Пришлось подогреть чай и пожевать за компанию.

Утром мы встали затемно, чтобы до рассвета отойти подальше от хоженных мест. Собаку в лесу я не держал на поводке. И только мы отошли от избушки по лесной дорожке, нащупывая ее скорее ногами, чем глазами, как услышали лай. Было еще темновато, небо

Окончание. Начало в №№ 5-7.

Хорошо поработали!

только светлело, поэтому мы присели перекурить.

— Что-то он на одном месте лает, — проговорил Юдин.

— Да, на гон непохоже, — согласился Носков, — может, облаивает кого? Сходи, Александр, глянь, в чем дело, — сказал он мне. — Может, лося остановил?

Сумерки только стали рассеиваться, и я с готовностью шагнул в лес на собачий лай. Я знал, что он, Бушуй, работал с голосом по всему, и даже птицу облаивал, когда она взлетала. Поэтому я осторожно пробирался по кустам, между деревьями, поглядывая вверх — в надежде увидеть глухаря или тетерева.

Я все приближался к лаю, вглядываясь в верхушки деревьев, четко видимые на уже посветлевшем небе, но так ничего и не смог увидеть. Тогда я решил подойти поближе к собаке, чтобы по ее поведению сориентироваться, где же сидит дичь. Я почти не сомневался, что она сидит на дереве и больше думал о птице, чем о каком-нибудь зверьке. Вот я увидел мечущуюся собаку, которая, завидев меня, залаяла еще азартнее. Теперь я понял, что дичь на земле.

Пес метался по небольшой полянке, облаивая, словно кошку, небольшого барсука. Тот и вел себя, как кошка: фыркал, кидался на собаку, вздымая шерсть на загривке. Первым моим желанием было сразу стрелять, но я вспомнил, что в стволах у меня «тройка» с «пятеркой», что, пожалуй, было мелко для такой

крупной дичи. А барсук был полностью занят собакой, и мой подход для него оказался совсем незаметен. Я спокойно перезарядился на «нули» и с легкой дрожью в руках поднял ружье. Бушуй просто бесновался вокруг барсука и долго не давал мне возможности выбрать момент, чтобы не задеть его самого. Наконец он отскочил в сторону, и я выстрелил. Барсук сразу повалился мешком, а собака тут же подскочила к нему и начала злобно трепать богатую дичь.

— Фу! Дай! — грозно заорал я, отгоняя для пущей важности собаку ногой.

Я поднял тяжеленького барсука радостный и счастливый: «Вот тебе и шкура, и сало. Что же теперь делать с ним?» охота только началась, и такая тяжесть будет обременять целый день. Его не разделасшь, как зайца — потому что шкуру надо снимать осторожно, дабы не повредить; а нутряное сало, как я слышал, в основном топится из кишечного сальника.

Тут я высмотрел высокий обломок дерева, верхушка которого была широка и расщеплена, и тут же решил спрятать там добычу до своего возвращения. На цыпочках я положил туда барсука, прикрыл его еловыми ветками, заметил место и, свистнув собаке, отправился к друзьям.

— Кого стрелял? — поинтересовался Володя.

— Не поверите, — сдержанно начал я, закуривая сигарету.

— Не томи, Александр, — попросил Юдин, с любопытством поглядывая на меня.

— Лося? — предположил Володя, загоревшись.

— Нет. Барсука! — наконец признался я. — Небольшой, видно, прибылой; но уже хороший.

— А ну, покажи.

— Потом. Я его спрятал. Не таскать же целый день в рюкзаке лишнюю тяжесть.

— Да врешь, наверное, — с недоверием сказал Володя.

— Почему же? Все может быть, — поддержал меня Александр. — Ну что, идем дальше, или как?

— Конечно, идем. — и мы тронулись дальше.

Дома я осторожно снял с барсука шкуру, засолил ее, чтобы потом выделать (рецепты я знал), натопил сала грамм пятьсот, а вот есть мясо побрезговал. Уж слишком оно было красным и чем-то напоминало мне отпрепарированную собаку на кафедре анатомии. Я отдал ее деду с тещей, и те съели его за милую душу, нахваливая, какое оно вкусное и как хорошо готовится.

Мне хватало зайцев, которые морозились на балконе. Жена уже стала готовить из них котлеты, срезая только мясо — так что Бушую стало больше доставаться от зайца.

Со временем он заматерел, но оставался все таким же худым и поджарым, а если и округлялся немного в боках, то все тут же терял во время прогулки

в лесу. Характер у него, несмотря на опыт, остался таким же трусливо-пакостливым. Бывало, что подраненный заяц вдруг выказывал агрессивность в борьбе за свою жизнь: вставал, поворачивался мордой к собаке. И Бушуй пасовал, отступал и лаял. Зато если зверек показывал ему спину — тут же впивался в нее зубами. Приученный к заячьим головам, он частенько объедал зайцам головы. Замолкнет гон, ты спешишь по следам, разыскивая зайца — и видишь возле него собаку, рыжеющую не белом фоне снега; подбегаешь, отгоняешь, — а головы уже как ни бывало. И быстро, подлец, научился это делать — прямо как палач, отсекающий голову. Слава богу, что не начал есть с других мест.

Как все гончаки, он бегал за лосями. Иной раз уходит — и на весь день. Хоть плачь: вся охота насмарку! Сиди, жги костер, гоняй чаи. Но с возрастом Бушуй, вроде, поумнел и в этом.

Однажды поехали в лес большой компанией. Взяли одного зайца, второго, третьего. Бушуй погнался четвертого: я уже видел косога, правда, далековато для выстрела. Но вдруг голос собаки изменился и стал удаляться в другую сторону. Я побежал туда и увидел, как заячий след пересек лось, вспугнутый нами в ельнике.

— Все, — сказал я приятелям. — Кури бамбук, жги костер. Ушел за лосем.

Но только мы стали собирать дрова, как я услышал ровный, мягкий гон по зайцу. Если за лосем Бушуй шел с громким, отрывистым лаем, грозным, чтобы напугать того, то за зайцем шел с повизгиванием и веселее. Собака взяла след того же зайца, которого подняла вначале. Теперь я был спокоен за своего пса, ставшего настоящим зайчатником. Но этим дело не ограничилось. Смагин, коллега по работе, как-то пригласил меня на дачу. Мы с ним были в приятельских отношениях и как врачи, и как охотники.

Собрались втроем и поехали на его «волыни», маленьком и холодном, этаком вездеходе на базе «запорожца». Кстати, у Носкова была такая же волынь, и на ней мы забирались туда, куда и на тракторе не заберешься порой.

Утром вышли в лес — вернее, выехали. Остановились в одном месте, походили, заячьих следов не нашли. Поехали дальше — там то же. Уехали еще дальше. Бушуй затыкал в кустах, но как-то вяло, без азарта, и заглох. Я пошел туда и нашел следы рябчиков на снегу.

— Давай ищи, ищи, — сказал я собаке. — А то без пайки останешься! — пригрозил я вдобавок, прикидывая, что Сергей погорячился насчет зайцев в этих местах.

— Ну что, поедем назад? — сказал, немного конфузясь, Сергей, потому как становилось скучно и холодно от такой охоты.

— Вы езжайте, а я собаке след оставляю, вдруг по

машинному следу не найдет дорогу, — предложил я, видя, что Бушуй нет рядом. И на свист он не появляется.

— Мы потихоньку, — сказал Сергей, — если погонит, услышим и вернемся.

— Лады!

Они поехали вперед, а я пошел следом, прислушиваясь к легкому шуму верхушек деревьев под колючим ветерком. Не успел я пройти ста метров, как услышал гон. Кровь вскипела, и сразу стало тепло от проснувшейся страсти. Гон шел в мою сторону, и я встал возле дерева наизготовку. Лай не дошел и пошел обратно, а я побежал посмотреть на следы. Глянул: вроде, заяц на галопе, но, судя по следам, довольно крупный. «Значит, профессор! Может, он здесь единственный, вот и зажирел!» — подумал я и пошел в сторону удаляющегося гона, чтобы отыскать лежку или постараться быть внутри круга, чтобы легче было перехватить косога. «Действительно профессор!» — прикинул я, слыша, как гон кружит то в одном месте, то в другом. Подтянулись и Сергей с Валерой. Я им махнул рукой, чтобы расселись и высмотрели себе места в случае возврата гона, а сам пошел вперед. Заяц, особенно матерый, любит покружить мелко, запутывая следы, то в одном месте, то в другом. Пока собака распутывает — он уже кружит в третьем, а потом сигает по прямой в четвертое.

Я уже совсем замаялся бегать за обоими зверями и ждать — но вот вроде услышал: собака возвращается к началу гона. Справа — чистая горка, слева — прозрачный осинник, а передо мной — зеленый, мелкий ельник. «Если мимо меня пройдет, — прикинул я, — то куда не денется. Если дальше, то все равно на ребят наткнется!» — и стал ждать, сдерживая дыхание, разгоряченное бегом. Стою, кося глазами то вправо, то влево — никого; а гон — четко в мою сторону. Вдруг слышу шуршание в ельнике и спускаю предохранитель. Мимо меня бежит лиса. Расстояние всего метров пятнадцать. Я скидываю ружье и стреляю, а лиса, шаркнувшись в сторону от моего движения и удивленно бросив на меня последний взгляд, падает, как подкошенная. В стволе еще один патрон, и я снова замираю, не подходя к лисе, — поджидаю профессора, думая, что лису просто подшумела собака. Но из ельника выскакивает Бушуй и — прямо к лисе.

— Ах ты, шкуру портить? — хватаю я его за загривок и оттаскиваю от лисы. — Все! Дай! Пш-шел вон! — ору я на него, отчего он успокаивается и отходит в сторону. Я прячу лису в рюкзак, и только после этого хвалю и оглаживаю пса.

Я иду к охотникам и хвалюсь перед ними добычей, раскрыв рюкзак.

— Ну вот, а ты говорил, что дичи нет, — улыбается Сергей. — Это получше какого-то там зайца. Так что с тебя пузырь.

— Всенепременно, — согласился я, поняв, что легко отделался. Моя собака, я взял, это одно, а возьми кто-то другой? Как тогда делить? Но все обошлось к лучшему.

Дома я выделал лису и за одним — барсука. Жена сшила из лисы богатую рыжую шапку, а из барсука получился только воротник. А вот заячьи шкурки, сколько я ни старался, выделать до конца не мог. Что-то я одно время сдавал знакомому приемщику в областном обществе, но цену за них он давал такую низкую (хоть и товарищ детства), что я вообще прекратил их собирать.

Время летело быстро, от сезона к сезону. Дед долго болел и потихоньку угас совсем, так и не выбравшись больше на охоту. У тещи забот по хозяйству прибавилось, и Бушуй иногда бегал по улицам отвлеченный. Но, когда я приходил за ним и не заставал в конуре, я выходил на улицу — и он весело подбегал на мой свист, с лаем и радостью. Вообще он был компанейский пес с четко определенной страстью гонять. Конечно, он предпочитал меня всем остальным, но иногда, когда мне бывало некогда, я давал его Юдину, с которым Бушуй охотился давно.

Так вышло и в этот раз. Я уезжал из города. Жалко было пропускать начало сезона, но, если уж мне не придется, то пусть хоть собака порадуетя вместе с моими друзьями.

Собаке уже девять лет, свое дело она знает. Есть кое-какие недостатки — но в ком их нет, по большому счету? Юдина и всех остальных Бушуй знал, поэтому я с легким сердцем разрешил им взять его на охоту. Но, когда я приехал, меня «обрадовали»: пес потерялся.

Они охотились на Берлоге. Взяли пару зайцев. Погода была теплая, но плохая для собаки: снег накануне подтаял, а потом подморозило, и образовался наст. Пес поерзал все ноги в кровь. Видя такое дело, мужики решили пойти к избушке — тепляку возле железки, — отложив охоту на завтра. Вышли на насыпь и пошли к избе, а пес, еще полный сил, почувствовал прочную опору под ногами и решил побегать и сиганул в сторону Шали по насыпи. Такое и раньше с ним бывало. Помню, мы ждали его часами, пока он не набегаеся. Так что и сейчас ребята решили заночевать: пес придет, никуда не денется. Только вот он не пришел.

Разделились. Двое пошли к Шале, двое — в сторону Сабика. Не нашли. Я, приехав из командировки, тоже прошелся по всем этим местам и деревням — но никакого следа, хоть и опросил всех встречных и поперечных. В охотобщистве тоже никто с новостями не объявлялся.

Юдин с Залесским, чувствуя вину, через месяц купили мне четырехмесячного щенка русской гончей. Он был веселый и толстенький, ласковый и шус-

трый. Мне он понравился сразу. Но... После смерти деда все в его доме стало потихоньку приходить в упадок. С того времени, как цепь порвалась, Бушуй бегал, как бесхозный пес, а щенка пришлось привязать на кромку. Которая оказалась срезанной — не перегрызенной, а именно срезанной.

Следующего щенка тоже украли... Потом ко мне попала взрослая гончая, но я с ней и намучался: гоняла та собака плохо, не слушалась, бесконечно выла, как собака Баскревилей. Теща держать ее у себя отказывалась, моя жена — тоже. Пристроил ее у сторожа теплицы при нашей больнице — и через неделю вся больница гудела, точно улей:

— Это ваша собака, Александр Михайлович? А что она так воет? Я думала, там издеваются над ней. Вы хоть почаще навещайте ее, а то она, наверное, по вам скучает. Но все-таки и этого злюку кто-то увел. Но от этой кражи я даже почувствовал некоторое облегчение...

Охотничья идиллия.

В следующем номере: Путь по погибшей трассе; Сказ о жестоком хане Кучуме; Кто же открыл уральские бокситы?; Фантастика об инопланетных магах; и многое-многое другое...

ПОДПИСКА 2003

ДА! Я хочу подписаться на
“Уральский следопыт”

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу 129 руб.
 Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу 258 руб.
 Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу 516 руб.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

ЗАО «Вереск»
 Расчетный счет Получатель платежа 40702810228010094168
 ОАО «Банк «Северная Казна», г. Екатеринбург БИК 046551854
наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810100000000854
 Подписной индекс 73413

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Кассир _____

ЗАО «Вереск»
 Расчетный счет Получатель платежа 40702810228010094168
 ОАО «Банк «Северная Казна», г. Екатеринбург БИК 046551854
наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810100000000854
 Подписной индекс 73413

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

КВИТАНЦИЯ
 кассир _____

Плательщик _____

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальному заказу их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки “Уральского следопыта”.
- Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
½ полосы	130x200;	6 100
	260x100	
¼ полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
½ полосы	130x200;	4 200
	260x100	
¼ полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
½ полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

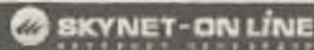
Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Доступ в Интернет
предоставлен

Директор редакции
Синицын Александр

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов
Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова
Корреспондент
Диана Четверкина
Корректор
Елена Тришкина
Дизайн, препресс обложки
Андрей Бордаков, Валерий Жуков
Отдел по работе с письмами
Анна Родимова

Реклама:
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Наблюдательный совет:
Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Пращкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Учредитель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и
название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 22 июля 2002 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ № 792
Отпечатано в типографии

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 9-2002

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

**Всегда
в движении!**

Наш подписной индекс 73413

УРАЛЬСКИЙ следовым

**Наши окна согреют
и за Полярным кругом!**

ОКНА

**ДВЕРИ,
ЛОДЖИИ,
ФАСАДЫ,
ВХОДНЫЕ
ГРУППЫ**

из пластика RENAU
(Германия) и **АЛЮМИНИЯ**

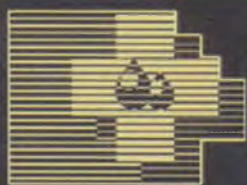
Д. Ибаррури, 2 (ост. Крылова) **пн-пт: 10⁰⁰-19⁰⁰**
т. 42-42-20 **сб: 9⁰⁰-17⁰⁰**

Ясная, 28 **пн-сб: 10⁰⁰-19⁰⁰**
т. 12-90-12 **вс: 10⁰⁰-17⁰⁰**

e-mail: zakaz@sty.ru

http://www.sty.ru

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЦЕНТРСНАБ
(3432) 22-45-01

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
(3432) 22-04-81

У Р А Л Ь С К И Й 9 • 2002

следопыт

*Ялын-уй -
Бажовский
полос?*

*Судьба
Бориса
Рыжего*

*Каменные
башни
Чёртова
городища*

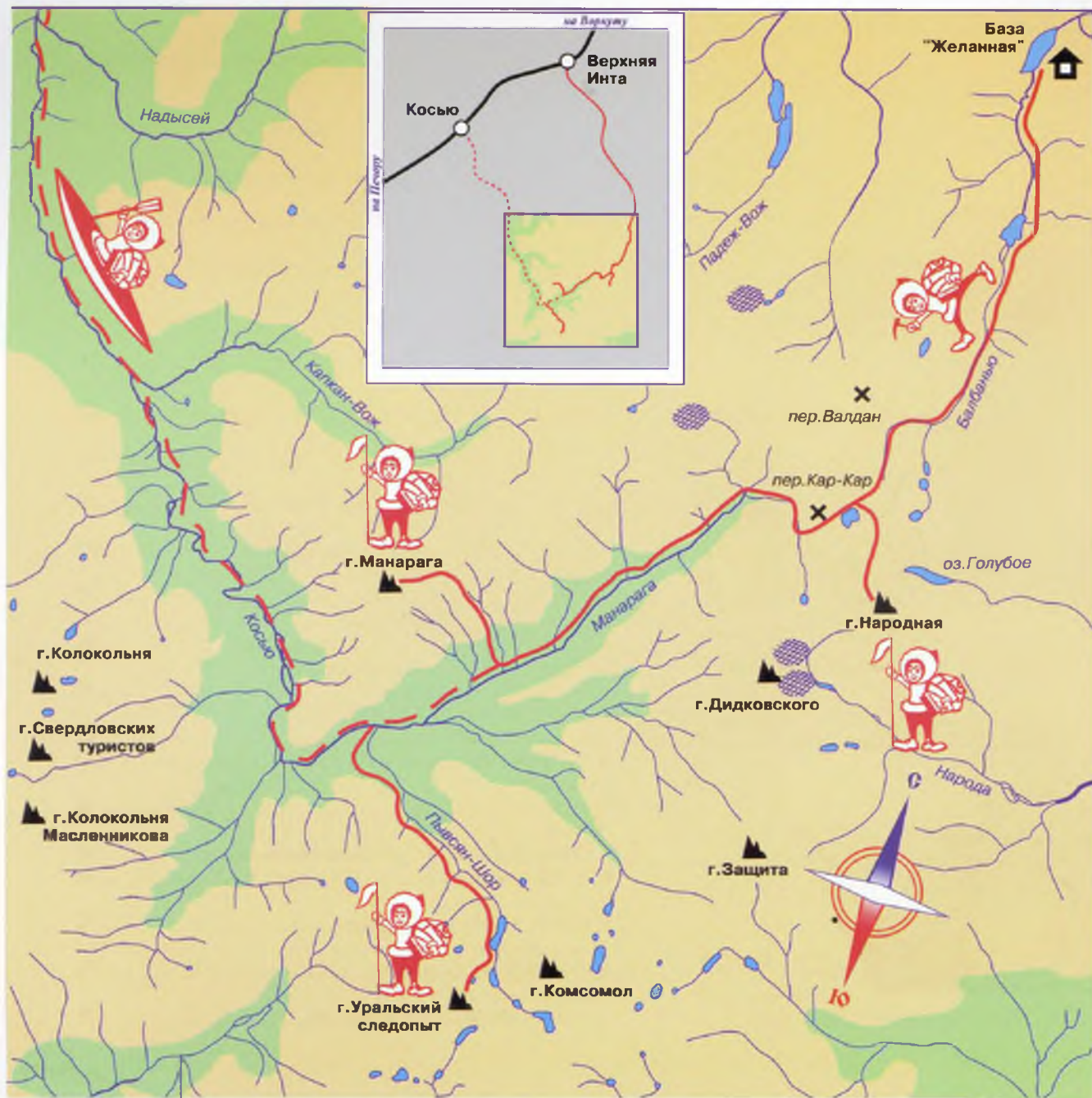
Вершина моего имени

Пик Уральского следопыта

Вершина Приполярного Урала «Уральский следопыт» расположена на границе между Республикой Коми и Тюменской областью. Высота – 1550 метров над уровнем моря. Гидрографический район – бассейн реки Косью. Горный хребт – Исследовательский кряж. Участок – в верховьях рек Пывсян-Шор, Правый Вангыр и Правый Парнук.

Стоит на главном водораздельном гребне в 2,5 км северо-западнее северного участка хребта Непроступный, в 1 км севернее верхнего озера, из которого вытекает р. Правый Парнук, и в 2 км юго-западнее третьего сверху озера в верховьях реки Пывсян-Шор.

Об экспедиции к вершине «Уральский следопыт» читайте в разделе «Встречный ветер».